

Always Huxley

ОЛДОС ХАКСЛИ

ОСТРОВ
ОБЕЗЬЯНА И СУЩНОСТЬ
ГЕНИЙ И БОГИНЯ

NEO-Классика

Олдос Хаксли

**Остров. Обезьяна и сущность.
Гений и богиня (сборник)**

«Издательство АСТ»

1948, 1955, 1962

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Хаксли О. Л.

Остров. Обезьяна и сущность. Гений и богиня (сборник) /
О. Л. Хаксли — «Издательство АСТ», 1948, 1955, 1962 — (NEO-
Классика)

ISBN 978-5-17-102548-9

«Остров» (1962) — последнее, самое загадочное и мистическое творение Олдоса Хаксли, в котором нашли продолжение идеи культового романа «О дивный новый мир». Задуманное автором как антиутопия, это произведение оказалось гораздо масштабнее узких рамок утопического жанра. Этот подлинно великий философский роман — отражение современного общества. «Обезьяна и сущность» (1948) — фантастическая антиутопия, своеобразное предупреждение писателя о грядущей ядерной катастрофе, которая сотрет почти все с лица земли, а на обломках былой цивилизации выжившие будут пытаться построить новое общество. «Гений и богиня» (1955) — на первый взгляд довольно банальная история о любовном треугольнике. Но автор сумел наполнить эту историю глубиной, затронуть важнейшие вопросы о роке и личном выборе, о противостоянии эмоций разумному началу, о долге, чести и любви. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-102548-9

© Хаксли О. Л., 1948, 1955, 1962

© Издательство АСТ, 1948, 1955, 1962

Содержание

Остров	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	22
Глава пятая	28
I	30
II	30
III	30
Глава шестая	50
Глава седьмая	67
Глава восьмая	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Олдос Хаксли
Остров. Обезьяна и сущность.
Гений и богиня (сборник)

Печатается с разрешения Aldous and Laura Huxley Literary Trust and The Estate of Matthew Huxley, Deceased c/o Georges Borchardt, Inc.

© Aldous Huxley, 1948, 1955, 1962

© Перевод. И. Моничев, 2015

© Перевод. И. Русецкий, наследники, 2016

© Перевод. В. Бабков, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Остров

Посвящается Лоре

Формируя свой идеал, мы можем стремиться к желаемому, но должны избегать попыток достичь невозможного.

Аристотель

Глава первая

– Внимание, – начал взывать голос, и прозвучало это так, словно неожиданно кто-то заиграл на гобое. – Внимание, – повторился тот же высокий монотонный носовой звук. – Внимание.

Лежа как труп среди опавших листьев со спутанными волосами, с лицом, покрытым уродливыми ссадинами и синяками, в грязной и порванной одежде, Уилл Фарнаби вздрогнул и очнулся. Молли звала его. Пора вставать. Пора одеваться. На работу нельзя опаздывать.

– Спасибо, дорогая, – сказал он и сел. Острая боль пронзила правое колено, а потом другого рода болезненные ощущения возникли в спине, в руках, во лбу.

– Внимание, – настойчиво твердил голос без малейшего изменения интонации.

Приподнявшись на локте, Уилл осмотрелся по сторонам и с изумлением увидел не серые обои и желтые шторы своей лондонской спальни, а поляну среди деревьев, их удлинненные тени и косые лучи встающего над лесом солнца.

– Внимание.

Почему она говорила все время: «Внимание»?

– Внимание, внимание, – талдычил голос упрямо. Так странно, настолько бессмысленно.

– Молли? – окликнул он. – Молли?

Имя словно приоткрыло окошко в его памяти. Внезапно вместе со знакомой тяжестью чувства вины внизу живота он почуял запах формальдегида, увидел маленькую, но быстроногую медсестру, спешившую впереди него вдоль коридора, услышал крахмальный шелест ее халата. «Номер сорок пять», – сказала она, а потом остановилась и открыла белую дверь. Он вошел, и там на высокой белой кровати лежала Молли. Половину ее лица скрывали бинты, и пещерой на их фоне зиял рот. «Молли, – назвал он ее имя, – Молли. – Его голос сорвался на плач и мольбу. – Моя милая!» Ответа не последовало. Через дыру рта доносилось только частое неглубокое дыхание, шумное, снова и снова. «Моя милая, моя милая...» А потом рука, за которую он держался, вдруг на мгновение ожила. Затем еще раз.

«Это я, – сказал он. – Это Уилл».

Пальцы опять шевельнулись. Медленно, с очевидным огромным усилием они сомкнулись вокруг его пальцев, сжали их на секунду, а потом снова безжизненно замерли.

– Внимание, – произнес нечеловеческий голос, – внимание.

Это был несчастный случай, поспешил заверить он сам себя. Дорога мокрая, автомобиль вынесло через осевую на встречную полосу. Такое происходит все время. Газеты пестрят сообщениями об этом; он сам писал подобные репортажи десятки раз. «Мать и трое детей погибли при лобовом столкновении...» Но ведь дело было совсем не в этом. Критической точкой стал момент, когда она спросила, действительно ли все кончено, а он ответил «да»; суть состояла в том, что менее чем через час после того, как она вышла под дождь после того постыдного последнего разговора, Молли уже везли на «Скорой помощи» умирать.

Он не посмотрел на нее, когда она повернулась, чтобы уйти, не осмелился даже посмотреть на нее. Еще один взгляд на бледное страдальческое лицо – это было бы уже чересчур

для него. Она встала со стула и медленно пошла через комнату, медленно пошла прочь из его жизни. Разве не должен он был окликнуть ее, попросить у нее прощения, сказать, что все еще любит ее? А любил ли он ее когда-нибудь?

В самом деле, любил ли он ее когда-нибудь?

«До свидания, Уилл», – вспомнился ее шепот уже от порога. И потом она произнесла все тем же шепотом фразу, слова, шедшие из глубины души: «Я все еще люблю тебя, Уилл. Несмотря ни на что».

Мгновение спустя дверь квартиры почти беззвучно закрылась за ней. Легкий сухой щелчок язычка замка, и она ушла.

Он вскочил на ноги, бросился к двери и распахнул ее, вслушиваясь в затихающие шаги по лестнице. Как привидение исчезает с пением первых петухов, в воздухе еще чуть витал, но постепенно полностью растворялся знакомый запах ее духов. Он снова закрыл дверь, вернулся в серо-желтую спальню и выглянул в окно. Прошло несколько секунд, а потом он увидел, как она пересекала улицу и садилась в свою машину. Донесся пронзительный скрежет стартера, раз, другой, а потом шум мотора. Открыть ли ему окно? «Подожди, Молли, постой!» – услышал он свой воображаемый крик. Но окно осталось закрытым; машина тронулась с места, повернула за угол, и улица опустела. Слишком поздно. «Слава богу, слишком поздно!» – произнес грубый, полный сарказма голос. Да, слава богу! Но чувство вины все равно ощущалось там, внизу живота. Вина, угрызения совести – но сквозь все угрызения прорывалось и ощущение ужасающей радости. Кто-то низкий, подлый и жестокий, кто-то чужой и отвратительный, но на самом деле, конечно же, он сам с удовлетворением думал, что теперь ничто не мешает ему осуществить свои желания. А воцарился он к другим духам, к теплу и упругости более молодого тела.

– Внимание, – пропел гобой.

Да, внимание. Внимание к пропахшей мускусом спальне Бабз¹ с клубнично-розовым альковом и двумя окнами, выходившими на Чаринг-Кросс-роуд, в которые всю ночь заглядывала огромная, высотой до неба, мигающая реклама джина «Портерз», установленная на крыше дома через дорогу. Джин сиял сначала королевским алым цветом, и на десять секунд альков становился подобием самого Сердца Христова, на десять волшебных секунд лицо, такое близкое к нему, загоралось неземным огнем, претерпевая магическое превращение, словно под воздействием пылавшего внутри пламени любви. Но скоро должен был наступить черед более глубокой трансформации в темных тонах. Одна, две, три, четыре... Господи, пусть это длится вечно! Но нет, пунктуально отсчитав десять секунд, электрический таймер совершал переход к другому откровению. Приобщал к таинству смерти, к Сущности Страха. Потому что цвет менялся на зеленый, и на десять жутких секунд розовый альков Бабз превращался в грязное чрево, а сама Бабз, лежавшая на кровати, приобретала вид трупа, дергавшегося от посмертной гальванизации как в эпилепсии. Когда джин «Портерз» выступал в своей зеленой ипостаси, становилось трудно забыть, что случилось и кто ты такой на самом деле. Оставалось только зажмурить глаза и окунуться, если получалось, еще глубже в мир иной чувственности, окунуться с намеренной силой в то неистовство плоти, которое было столь чуждо Молли. Да, совершенно чуждо той самой Молли («Внимание») с лицом в бинтах, а потом Молли в сырой могиле Хайгейтского кладбища. А именно воспоминание о кладбище заставляло плотнее закрывать глаза каждый раз, когда зеленый цвет обращал обнаженное тело Бабз в подобие трупа. Но вспоминалась не только Молли. За закрытыми глазами Уилл видел свою матушку с лицом бледным, как камень, но одухотворенным принятыми страданиями, и одновременно с руками, которые артрит изуродовал до чудовищно неприглядного вида. Он видел свою матушку, инвалидную коляску позади нее и стоявшую рядом уже невыносимо разжиревшую и подрагивавшую, как

¹ Бабз – сокращение от имени Барбара. – Здесь и далее примеч. пер.

желе студня из телячьей ножки, собственную родную сестру Мод. Подрагивавшую от неспособности найти иной способ выражения и восприятия своих чувств.

«Как же ты можешь, Уилл?»

«Да, как же ты можешь?» – эхом повторяла Мод, и слезы звучали в ее вибрирующем контрольто.

Ответа не существовало. То есть не было ответа в таких словах, которые могли бы правильно понять эти две мученицы: мать, познавшая несчастливое замужество, и ее дочь – поистине жалкое зрелище. Ответить он мог только до неприличия безжалостно, почти научно объективно, с откровенностью, совершенно недопустимой при подобных обстоятельствах. Как он мог так поступить? У него было множество чисто практических причин и целей, которые толкнули его на это, потому что... Потому что, будем честны, Бабз обладала некоторыми физиологическими особенностями, которых не было у Молли, и вела себя в определенные моменты так, что Молли это показалось бы невыносимым.

Молчание затянулось, но потом странный голос взялся за свой прежний рефрен:

– Внимание. Внимание.

Внимание Молли, внимание Мод и матери, внимание Бабз. А потом другое воспоминание выплыло из тумана помутнения разума и полного непонимания происходившего. В клубнично-розовом алькове Бабз появился другой гость, чье тело содрогалось в экстазе от ласк. И к тяжести от чувства вины внизу живота добавились резь в сердце и перехваченное кольцо тоски горло.

– Внимание.

Голос приблизился и доносился теперь откуда-то справа. Он повернул голову и попытался еще приподняться для лучшего обзора, но рука, на которую лег вес его тела, начала дрожать, а потом подлумилась, и он снова повалился в листву. Слишком утомленный даже для воспоминаний, он долго лежал, глядя вверх сквозь наполовину сомкнутые веки на непостижимый мир вокруг себя. Куда он попал и как, черт побери, здесь очутился? Не то чтобы это имело такое уж большое значение. В этот момент ничто не имело значения, кроме острой боли и совершеннейшей слабости. Но все же из чисто научного интереса...

Например, вот это дерево, под которым непонятно как он распластался. Высокая колонна с серой, местами неровной корой, с подсвеченными солнцем ветвями по всем известным ему законам ботаники должна была называться буком. Но в таком случае – у него даже появилась причина гордиться логикой своих рассуждений – листья дерева не имели никакого права казаться вечнозелеными. И почему корни бука торчали из земли, изломанные и острые, как локти? А эти совершенно неуместные деревянные подпорки, помогавшие псевдобуку сохранять вертикальное положение, – они-то здесь зачем и как вписывались в общую картину? Уилл внезапно вспомнил свою любимую худшую стихотворную строку: «Ты спрашивал, что поддерживало разум мой в года лишений?»

Ответ: сгусток эктоплазмы. Из раннего Дали. Нет, это определенно не Чилтерны². Что подтверждали и бабочки, кружившие под жаркими, словно маслянистыми лучами солнца. Почему они были такими огромными, до такой степени неправдоподобно лазоревыми или бархатисто-черными, со столь необычными глазками и пятнами на крыльях? Пурпурные на каштановом фоне, присыпанные серебряной пудрой, и изумруды, и топазы, и сапфиры.

– Внимание.

– Кто здесь? – спросил Уилл Фарнаби, собираясь сделать это громким и солидным тоном, но из его рта вырвалось лишь подобие тонкого и дрожащего кваканья.

Снова воцарилась долгая и, как казалось, чем-то ему грозившая тишина. Между двумя деревянными подпорками древесного ствола ненадолго показалась невероятно крупная черная

² Чилтерны – небольшая пологая гряда холмов на юго-востоке Англии.

сороконожка, но не задержалась, а использовала весь полковой набор своих малиновых ног, чтобы поспешить скрыться в другой расщелине среди поросшей лишайником эктоплазмы.

– Кто здесь? – проквашал он еще раз.

Слева послышался хруст веток, и внезапно, как кукушка из часов в детской, показалась большая черная птица размером примерно с галку, но только это, разумеется, была не галка. Она несколько раз взмахнула крыльями с белым по краям оперением и, стремительно перелетев поперек поляны, уселась на самую нижнюю ветку небольшого, совершенно высохшего дерева, торчавшего из земли не более чем в двадцати футах от того места, где лежал Уилл. Клюв у птицы, как он заметил, был оранжевый, а под каждым глазом виднелся желтоватый мешочек голой кожи с канареечного цвета «сережками», свисавшими по обеим сторонам и в задней части совершенно плешивой головы. Птица склонила голову набок и посмотрела на него сначала правым, а затем левым глазом. После чего открыла клюв и негромко высвистала десять или двенадцать нот пятиступенчатой октавы, издала звук, похожий на человеческую икоту, а потом нараспев (до, до, соль, до) произнесла фразу:

– Здесь и сейчас, парни; здесь и сейчас, парни.

И слова словно спустили курок в памяти. Он мгновенно вспомнил все. Это была Пала. Запретный остров, где не удалось побывать еще ни одному журналисту. А сегодня наступило утро после того дня, когда он по глупости отправился в одиночное плавание на яхте из гавани Ренданг-Лобо. Ему припомнилась каждая деталь: белый парус, наполненный ветром и выгнувшийся огромным лепестком цветка магнолии, журчание воды, разрезаемой носом лодки, бриллиантовые вспышки солнца на гребнях волн и нефритовые впадины между ними. А на востоке по ту сторону пролива какие виднелись облака, какие шедевры белоснежной скульптуры поверх вулканов Палы! И, сидя за румпелем яхты, он вдруг понял, что поет, поймал себя на считавшемся уже невозможным ощущении, в котором безошибочно угадывалось полнейшее счастье.

«Втроем мы с парнями сильнее врагов, – начал он ритмично декламировать, пусть его слова сразу уносили вдаль бриз. – И двое в зеленом всегда всех смелее. Мы, белые парни, всегда всех сильнее. Один же – как перст одинок...»

Да, он остался один. Совершенно один посреди огромного изумруда моря.

«И был одинок во веки веков...»

Надо ли говорить, что вскоре после этого случилось все, о чем его предупреждали опытные яхтсмены, когда отговаривали отплывать? Неожиданно неведь откуда налетевший шквал, огромные валы волн, черное небо и ливень...

– Здесь и сейчас, парни, – скандировала птица. – Здесь и сейчас, парни.

А действительно невероятным, пришла ему мысль, казалось теперь то, что он все-таки очутился здесь, под кронами деревьев, а не на дне пролива Пала, или, того хуже, валявшимся с черепом, раскроенным от ударов о прибрежные скалы. Потому что даже после того, как ему чудом удалось направить полузатопленную яхту поверх барьерного рифа к единственной полоске песчаного пляжа среди растянувшегося на много миль скалистого берега острова, это еще не означало спасения. Скалы отвесно возвышались над ним, но у самого входа в ту крошечную бухту виднелась узкая расщелина, по которой стекал вниз поток воды, образуя каскад миниатюрных водопадов, росли деревья и кусты между серым камнем по обеим сторонам. Предстоял подъем в теннисных туфлях по скале в шестьсот или семьсот футов высотой, где каждый уступ был мокрым и скользким. А затем – Господи Иисусе! – эти змеи. Сначала черная обвилась вокруг ветки, за которую он ухватился, чтобы подтянуться. А пять минут спустя огромная зеленая свернулась кольцами на площадке, и он увидел ее в тот момент, когда собирался уже встать туда. Один страх сменился другим, гораздо более сильным. При виде змеи он всем телом дернулся, резко убрал ногу, и это порывистое, совершенно не рассчитанное движение лишило его равновесия. В течение бесконечно тянувшейся тошнотворной секунды,

уже зная, что конец неминуем, он балансировал на краю камня, а потом упал. Смерть, смерть, смерть. Однако почти сразу в ушах раздался оглушительный треск, и он обнаружил, что вцепился в ветки росшего внизу небольшого деревца, расцарапав лицо, повредив колено, которое обильно кровоточило, но оставшись в живых. Превозмогая боль, он возобновил подъем. Колено доставляло неизъяснимые мучения, но он продолжал карабкаться вверх. Выбора у него не оставалось. А потом и свет вокруг померк. Остаток подъема ему пришлось проделать почти в полной темноте, взбираясь наугад, движимым чистейшим отчаянием.

– Здесь и сейчас, парни! – выкрикнула птица.

Но Уилла Фарнаби не было ни здесь, ни сейчас. Он был там, на вершине скалы, он все еще переживал ужасающие секунды падения. Сухая листва шуршала под ним; он дрожал. Крупно и неудержимо его трясло всего – от головы до пяток.

Глава вторая

Внезапно птица перестала издавать членораздельные звуки и принялась просто кричать. Тонкий и пронзительный человеческий голос произнес:

– Майна! – а потом добавил что-то на языке, которого Уилл не понимал.

Послышались шаги по сухим листьям. Потом легкий испуганный возглас. И наступила тишина. Уилл открыл глаза и увидел, что на него смотрят два изящнейших детских существа с широко открытыми от удивления и страха глазами. Меньшим из них был крохотный мальчик лет пяти или шести, на котором из одежды оказалась одна лишь зеленая набедренная повязка. Рядом с ним, держа на голове корзину с фруктами, стояла девочка, тоже еще совсем маленькая, но лет на пять постарше. На ней была самая настоящая алая юбка длиной почти до лодыжек, но выше пояса она не носила ничего. Под солнечными лучами ее кожа излучала сияние оттенка меди с розовой примесью. Уилл переводил взгляд с одного ребенка на другого. До чего же они были красивы, до чего безупречно сложены, как невероятно элегантны! Словно два маленьких отборных выставочных образца. Лучший образец округлой и коренастой породы с лицом херувима – таким был мальчик. А девочка являла собой другой тип совершенства – с ясно очерченным, несколько удлиненной формы серьезным лицом, обрамленным прядями темных волос.

Раздались новые резавшие ухо крики. На своем насесте в виде ветки высохшего дерева птица нервно крутила головкой то туда, то сюда, а потом с последним скрипучим визгом взмыла в воздух. Не отрывая взгляда от лица Уилла, девочка приглашающе вытянула вперед руку. После некоторого колебания птица села на руку, еще раз бурно взмахнула крыльями, а потом, найдя устойчивое положение, сложила их и немедленно начала икать. Уилл наблюдал за этой сценой без тени удивления. Сейчас стало возможно все – абсолютно что угодно. Даже говорящая птица, спокойно садившаяся на руку ребенка. Уилл попытался им улыбнуться, но губы его так дрожали, что проявление дружелюбия получилось, наверное, страшноватой гримасой. Мальчонка тут же спрятался за спину сестры.

Птица прекратила икать и начала повторять слово, которое Уилл не понимал. «Руна? Или что-то подобное. Нет, Каруна. Определенно Каруна».

Он поднял дрожавшую руку и указал на фрукты в круглой корзине. Манго, бананы... В пересохшем рту даже выделилась слюна.

– Голодный, – сказал он.

А потом подумал, что в сложившихся обстоятельствах этот ребенок лучше поймет его, если он использует импровизированную имитацию из мюзикла «Человек из Китая», и произнес:

– Моя есть осена голодный.

– Вы хотите есть? – спросила девочка на чистейшем английском языке.

– Да, есть, – повторил он. – Хочу есть.

– Лети, майна!³

Она взмахнула рукой. С протестующим вскриком птица вернулась на ветку сухого дерева. Подняв вверх свою нежную и тонкую ручонку в почти балетном жесте, девочка сняла корзину с головы и поставила на землю. Она выбрала один из бананов, очистила его от кожуры, а потом, терзаемая одновременно боязнью и сочувствием, приблизилась к незнакомцу. На своем непонятном языке мальчик издал явно предостерегающий возглас и вцепился ей в юбку. С какими-то ободряющими словами девочка все же остановилась на почтительном расстоянии, где находилась вне опасности, и протянула фрукт.

³ Майна – разновидность говорящего скворца-пересмешника, особенно распространенная в тропической Азии.

– Ты хочешь его? – спросила она.

Все еще весь дрожа, Уилл протянул руку ей навстречу. Очень осторожно она снова чуть переместилась ближе, а потом опять остановилась, присела на корточки, не сводя с него пристального взгляда.

– Быстрее, – сказал он, терзаемый нетерпением.

Но маленькая девочка не торопилась рисковать. Следя за его рукой, чтобы вовремя заметить малейшее подозрительное движение, она наклонилась вперед и робко вытянула свою руку.

– О, ради бога! – почти взмолился он.

– Бога? – вдруг переспросила девочка с внезапным интересом. – Какого именно Бога? Их ведь так много.

– Любого треклятого бога, которого ты предпочитаешь остальным, – ответил он с тем же нетерпением в голосе.

– На самом деле мне не нравится ни один из них, – сказала она. – Разве что Бог Сострадания.

– Так прояви сострадание ко мне, – попросил он. – Дай мне банан.

Выражение ее лица изменилось.

– Простите меня... – Ее тон действительно стал извиняющимся.

Поднявшись во весь рост, она сделала быстрый шаг в его сторону и почти бросила банан в трясушуюся руку.

– Вот, – произнесла она и, как маленький зверек, избежавший капкана, отпрыгнула назад на безопасное расстояние.

Мальчонка захлопал в ладошки и громко рассмеялся. Она повернулась и что-то сказала ему на их непонятном языке. Он кивнул и сказал:

– Слушаюсь, босс!

А потом поспешил удалиться сквозь густо летавших в воздухе синих и зеленовато-желтых бабочек, скрывшись в лесу по другую сторону поляны.

– Я велела Тому Кришне пойти и привести сюда кого-нибудь, – объяснила девочка.

Уилл расправился с бананом и попросил еще, а потом и третий тоже. Когда чувство голода немного унялось, он почувствовал необходимость удовлетворить любопытство.

– Откуда ты так хорошо знаешь английский? – спросил он.

– Потому что все говорят на английском, – ответил ребенок.

– Все?

– Я имела в виду, когда не говорят на паланском. – Тема явно мало интересовала ее, и потому она повернулась, взмахнула маленькой смуглой ручкой и свистнула.

– Здесь и сейчас, парни, – снова повторила птица, а потом вспорхнула с сухого сучка и перелетела ей на плечо.

Ребенок очистил еще один банан. Две трети достались Уиллу, а остаток – майне.

– Это твоя птица? – спросил Уилл.

Она помотала головой.

– Майны как электричество, – сказала она. – Они не принадлежат никому.

– Почему она говорит все эти слова?

– Потому что кто-то ее научил, – терпеливо растолковала она; какой же ты тупица, подумывалось в ее тоне.

– Но почему ее научили говорить именно это? Почему «Внимание»? Почему «Здесь и сейчас»?

– Понимаете... – Она искала верные слова, чтобы объяснить самоочевидные вещи этому странному недоумку. – Это ведь то, о чем ты все время забываешь, верно? То есть не обращаешь внимания на то, что происходит. А получается то же самое, как если бы тебя не было здесь и сейчас.

– И майны летают вокруг, напоминая вам об этом, так, что ли?

Она кивнула. Наконец-то дошло. Наступило молчание.

– Как вас зовут? – спросила она.

Уилл представился.

– А меня зовут Мэри Сароджини Макфэйл.

– Макфэйл? – Это казалось совершенно невероятным.

– Макфэйл, – специально для него повторила она.

– А твоего маленького братишку зовут Том Кришна? – Она кивнула. – Ну ни черта себе!

– Вы прилетели на Палу самолетом?

– Нет, добрался морем.

– Морем? Значит, у вас есть лодка?

– Была.

Уиллу припомнились тяжелые волны, перекатывавшиеся через заваленную набок палубу, звук при ударе носом яхты о землю. Она расспрашивала, и пришлось рассказать, как все произошло. О шторме, о том, как лодку выбросило на берег, о долгом кошмаре подъема по скале, о змеях, об ужасном падении... И он начал снова дрожать. Еще более крупно и неудержимо, чем прежде.

Мэри Сароджини слушала внимательно и не перебивая. Когда же его голос начал срываться и окончательно изменил ему, она сделала шаг вперед и, по-прежнему держа птицу на плече, встала рядом с ним на колени.

– Послушайте, Уилл, – сказала она, положив ладонь ему на лоб. – Нам надо от этого избавиться. – Она говорила с видом знатока, почти профессионала, привыкшего, чтобы к нему прислушивались.

– Знать бы, как это сделать, – отозвался он, стуча зубами.

– Как? – переспросила она. – Самым обычным способом, конечно. Расскажите мне еще раз о тех змеях и своем падении.

Он помотал головой:

– Не хочу.

– Разумеется, не хотите, – сказала он. – Но вам необходимо это сделать. Прислушайтесь к словам майны.

– Здесь и сейчас, парни, – послушно выдала птица. – Здесь и сейчас, парни.

– А вы не можете оказаться здесь и сейчас, – продолжала девочка, – пока не отделаетесь от тех змей. Расскажите мне о них.

– Но я не хочу, не хочу!.. – Он почти плакал.

– Тогда вам никогда от них не избавиться. Они будут вечно ползать внутри вашей головы. Впрочем, так вам и надо, – добавила Мэри Сароджини сурово.

Он попытался унять тремор, но его тело как будто уже не принадлежало ему. Им распорядился кто-то другой, некто, решивший глубоко его унижить и заставить страдать.

– Вспомните, как вы были маленьким мальчиком, – говорила между тем Мэри Сароджини. – Что делала ваша мама, когда у вас что-то болело?

Мать обнимала его и причитала: «Мой бедный малыш, мой бедный сыночек...»

– Она делала с вами такое? – В голосе ребенка прозвучало неподдельное изумление. – Но ведь это ужасно! Так можно только усилить боль. «Мой бедный малыш», – повторила она презрительно. – Наверняка у вас боль продолжалась потом часами. И вы уже никогда не забывали о ней.

Уилл Фарнаби ничего не сказал, а лежал молча, содрогаясь в не подконтрольных ему судорогах.

– Что ж, если не желаете сделать это сами, мне придется сделать все за вас. Слушайте меня, Уилл: была змея, огромная змея, и вы чуть не наступили на нее. Вы почти наступили на

нее и так испугались, что потеряли равновесие и упали. А теперь скажите то же самое сами. Ну же!

– Я чуть не наступил на нее, – послушно прошептал он, – а потом я...

Слова не шли с языка.

– А потом я упал, – выдал он из себя почти беззвучно.

Весь ужас того момента вернулся к нему – тошнотворный страх, паническое конвульсивное движение, из-за которого он потерял равновесие, а потом еще более ужасающий страх и уверенность, что пришел конец.

– Скажите это еще раз.

– Я чуть не наступил на нее. А затем...

И он услышал словно со стороны, что хнычет.

– Так и надо, Уилл. Плачьте, плачьте!

Хныканье перешло в стоны. Устыдившись, он стиснул зубы, и стоны прекратились.

– Нет, не делайте этого! – крикнула она. – Дайте всему вырваться наружу, если оно этого хочет. Вспомните ту змею, Уилл. Вспомните свое падение.

Стоны послышались опять, и его затрясло так сильно, как никогда прежде.

– А теперь расскажите мне обо всем, что случилось.

– Я видел ее глаза. Видел язык... то высунутый наружу, то спрятанный.

– Да, вы видели ее язык. Что произошло потом?

– Я потерял устойчивость и упал.

– Повторите это еще раз, Уилл. – Он уже всхлипывал, не стесняясь. – Повторите, – настаивала она.

– Я упал.

– Еще раз.

У него душа разрывалась на части, но он повторил:

– Я упал.

– И еще раз, Уилл! – Она не знала жалости. – Еще раз.

– Я упал, упал, упал...

Постепенно рыдания затихли. Слова выговаривались легче, а воспоминания, которые они вызывали, не причиняли прежних мучений.

– Я упал, – повторил он, должно быть, в сотый раз.

– Но ведь вы падали недолго, – продолжила за него рассказ Мэри Сароджини.

– Нет, я падал совсем недолго, – согласился он.

– Тогда из-за чего столько переживаний? – спросил его ребенок.

Причем в ее голосе не слышалось ни злорадства, ни насмешки, ни намек на то, что хоть в чем-то была его вина. Она задавала простые и прямые вопросы, на которые требовалось отвечать столь же просто и прямо. В самом деле, *из-за чего* столько переживаний? Змеи не покусали его, и он не свернул себе шею. И вообще, все это случилось уже вчера. А сегодня его окружали бабочки, невиданная птица, требовавшая внимания, еще более странный ребенок, который разговаривал с ним, как умудренный опытом дядя из Голландии, хотя выглядел при этом подобием ангела из какой-то неизвестной ему мифологии и всего в пяти градусах широты от экватора – хотите – верьте, хотите – нет – носил фамилию Макфэйл. Уилл Фарнаби громко расхохотался.

Маленькая девочка захлопала в ладоши и тоже засмеялась. А всего мгновение спустя и птица, сидевшая у нее на плече, стала издавать раскат за раскатом демонического смеха, который заполнил поляну, эхом отдаваясь среди деревьев, и складывалось впечатление, что вся вселенная сотрясается, буквально сгибается от хохота над невероятно огромной шуткой своей сущности.

Глава третья

– Могу только порадоваться, что всем так весело, – внезапно произнес низкий мужской голос.

Уилл Фарнаби повернулся и увидел, что на него с улыбкой сверху вниз смотрит невысокий и худощавый человек, по-европейски одетый и державший в руке черную сумку. На вид ему, как определил Уилл, было лет под шестьдесят. Из-под очень широких полей соломенной шляпы виднелись густые седые волосы и до чего же причудливый, похожий на птичий клюв нос! И еще глаза – невероятно голубые глаза на столь темнокожем лице!

– Дедушка! – услышал он восклицание Мэри Сароджини.

Незнакомец перевел взгляд с Уилла на ребенка.

– Что вас так насмешило? – спросил он.

– Как тебе сказать... – Мэри Сароджини взяла недолгую паузу, чтобы собраться с мыслями. – Понимаешь, у него была лодка, а вчера разыгрался шторм, и он потерпел кораблекрушение где-то рядом с этим местом. Поэтому ему пришлось взобраться наверх по скале. И ему встретились змеи. От испуга он упал. Но к счастью, прямо под ним росло дерево, и он легко отделался. Но страха натерпелся такого, что его всего трясло. Поэтому я дала ему бананов и заставила все вспомнить миллион раз. А потом он вдруг прозрел и понял, что нет повода ни о чем тревожиться. То есть все осталось в прошлом. И он начал смеяться. А вместе с ним засмеялась я. И майна присоединилась тоже.

– Очень хорошо, – одобрительно сказал дедушка. – А теперь, – продолжал он, снова повернувшись к Фарнаби, – когда психологическая первая помощь оказана, давайте посмотрим, что можно сделать для поврежденной плоти. Между прочим, меня зовут доктор Роберт Макфэйл. А вы кто?

– Его зовут Уилл, – сказала Мэри Сароджини, не дав молодому человеку даже шанса открыть рот. – А фамилия – Фар... И как-то там еще.

– Фарнаби. Так полностью звучит моя фамилия. Уильям Асквит Фарнаби. Мой отец, как можно догадаться, принадлежал к числу горячих сторонников либералов. Даже когда был сильно пьян. Или даже особенно в сильно пьяном виде.

Он издал хриплый пренебрежительный смешок, так не похожий на его громкий, от всей души хохот при мысли, что ему не о чем беспокоиться.

– Вы не любили своего отца? – удивленно спросила Мэри Сароджини.

– Любил, но не так сильно, как должен был, – ответил Уилл.

– Он хочет сказать, – объяснил ребенку доктор Макфэйл, – что своего отца он ненавидел. Так случается со многими ему подобными, – добавил он как бы в скобках.

Потом, присев на корточки, он принялся отстегивать ремни, стягивавшие его черную сумку.

– Один из наших бывших империалистов, как я догадываюсь, – бросил он через плечо реплику по адресу молодого человека.

– Родился в Блумсбери, – сказал Уилл, подтверждая его догадку.

– Правящий класс, – поставил диагноз доктор, – но явно не из военных и не из сельской аристократии.

– Совершенно верно. Мой отец был юристом и политическим журналистом. Но это в свободное от алкоголизма время. А моя мать, как ни трудно в это поверить, происходила из семьи архидьякона. Представляете, архидьякона! – повторил он и снова рассмеялся в той же манере, в какой высмеивал чрезмерную склонность отца к бренди.

Доктор Макфэйл окинул его быстрым взглядом, а потом вернулся к возне с ремнями сумки.

– Когда вы смеетесь подобным образом, – заметил он нейтральным тоном ученого-наблюдателя, – ваше лицо приобретает до странности отталкивающее выражение.

Несколько обиженный Уилл постарался скрыть свои чувства, обратив все в шутку.

– Оно всегда отталкивающее, – сказал он.

– Напротив, если брать каноны Бодлера, ваше лицо достаточно красиво. За исключением тех моментов, когда вы зачем-то начинаете издавать звуки, похожие на смех гиены. Зачем вы издаете такие звуки?

– Я журналист, – объяснил Уилл. – «Наш специальный корреспондент», которому платят, чтобы он путешествовал по всему миру и писал репортажи о повсеместно происходящих ужасах. Какие другие звуки, по вашему мнению, я могу издавать? Ку-ку? Ля-ля-ля? Маркс-Маркс?

Он засмеялся снова, а потом попытался пустить в ход проверенную не раз остроту:

– Я человек, который не принимает согласия, не признает слова «да»⁴.

– Смешно, – сказал доктор Макфэйл. – Даже очень смешно. Но давайте займемся делом.

Достав из сумки ножницы, он принялся срезать грязную, рваную и запачканную кровью брючину, закрывавшую поврежденное колено Уилла.

Уилл Фарнаби тем временем смотрел на него и гадал, сколько в этом невероятном «горце» осталось от гордого шотландца, а какая часть его натуры уже принадлежала Пале. Голубые глаза и гротескно крючковатый нос сомнений не вызывали. Но что тогда сказать об очень смуглой коже, об изящных руках, о грациозных движениях – все это точно имело происхождением место, расположенное далеко к югу от Твида.

– Вы родились здесь? – спросил он.

Доктор утвердительно кивнул:

– В Шивапураме. Как раз в тот день, когда у вас хоронили королеву Викторию.

Раздался последний щелчок ножниц, и брючина упала на землю, обнажив колено.

– Неопнятно, – вынес приговор доктор Макфэйл после тщательного осмотра. – Но не думаю, что повреждение слишком серьезное. – Он обернулся к своей внучке. – Сбегай-ка на станцию и попроси, чтобы сюда пришел Виджайя и захватил с собой еще человека. Скажи им, пусть возьмут в лазарете носилки.

Мэри Сароджини кивнула, поднялась на ноги и, ни слова не говоря, поспешила через поляну в сторону леса.

Уилл посмотрел вслед удалявшейся маленькой фигурке – красная юбка колоколом раскачивалась при ходьбе из стороны в сторону, гладкая кожа спины отливала розовым золотом в солнечном свете.

– У вас замечательные внуки, – сказал он доктору Макфэйлу.

– Отец Мэри Сароджини, – отозвался доктор после небольшой паузы, – был моим старшим сыном. Погиб четыре месяца назад – несчастный случай при горном восхождении.

Уилл пробормотал какие-то банальные слова соболезнования, и снова воцарилось молчание.

Макфэйл вынул пробку из бутылочки со спиртом и тампоном протер себе руки.

– Будет немного больно, – предупредил он. – Советую вам прислушаться к этой птице. – Он жестом указал в сторону сухого дерева, куда после ухода Мэри Сароджини снова перелетела майна. – Вслушайтесь как можно лучше, вслушайтесь так, чтобы уловить суть. Это отвлечет ваше сознание от всякого дискомфорта.

Уилл Фарнаби вслушался. Майна вернулась к первоначальной теме.

– Внимание, – призывно гудел гобой. – Внимание.

⁴ Здесь обыгрывается распространенная фраза о человеке, который не принимает отказа, для которого не существует слова «нет».

– Внимание к чему? – спросил он в надежде получить более вразумительный ответ, чем дала Мэри Сароджини.

– К вниманию, – сказал доктор Макфэйл.

– Внимание к вниманию?

– Конечно.

– Внимание, – иронично подтверждая его слова, пропела майна.

– И много у вас таких говорящих птиц?

– По всему острову их летает по меньшей мере тысяча. Идея принадлежала Старому Радже. Он думал, что людям это принесет пользу. Быть может, и приносит, хотя мне представляется несправедливостью по отношению к бедным майнам. Хорошо еще, что они не воспринимают речей ораторов и прочей возвышенной болтовни. Даже проповедей святого Франциска. Только представьте себе, – продолжал он, – религиозное обращение майны к обыкновенным дроздам, щеглам или пеночкам! Вот это была бы картина! Уж лучше тогда дать птицам шанс читать проповеди людям. Почему бы и нет? А сейчас, – он резко сменил тон, – вам лучше прислушаться к нашей подруге с того дерева. Я приступаю к очистке раны.

– Внимание.

– Начали!

Молодой человек поморщился от боли и закусил губу.

– Внимание. Внимание. Внимание.

Ему сказали чистейшую правду. Если ты слушал, полностью сосредоточившись, боль не казалась настолько нестерпимой.

– Внимание. Внимание...

– Как вы смогли подняться по той скале? – спросил доктор Макфэйл. – По-моему, это совершенно невозможно.

Уилл даже сумел рассмеяться.

– Помните начало «Едгина»?⁵ – ответил он вопросом на вопрос. – «Удача повернулась ко мне лицом, и Провидение хранило меня».

От дальней стороны поляны донеслись звуки голосов. Уилл повернул голову и увидел, как из-за деревьев показалась в своей покачивавшейся на бедрах юбке Мэри Сароджини. Позади нее обнаженная по пояс и несущая на плече легкие носилки – два бамбуковых шеста со свернутым между ними брезентом – двигалась бронзовая статуя мужчины, а следом за этим гигантом семенил худенький темнокожий подросток в белых шортах.

– Это Виджайя Бхаттачарья, – сказал доктор Макфэйл, когда бронзовая статуя приблизилась. – Виджайя – мой ассистент.

– В больнице?

Доктор Макфэйл покачал головой.

– Только в самых крайних случаях, – сказал он. – Я ведь больше не практикую медицину. Мы с Виджайей работаем вместе на Экспериментальной сельскохозяйственной станции. А Муруган Майлендра, – взмахом руки он указал в сторону темнокожего подростка, – временно приписан к нам для изучения структуры почв и способов разведения растений.

Виджайя сделал шаг в сторону, а потом, положив огромную руку на плечо своего спутника, подтолкнул его вперед. И, глядя на это красивое, но хмурое молодое лицо, Уилл с изумлением узнал в нем элегантно одетого юношу, которого встретил за пять дней до этого в Ренданге-Лобо, катавшего его по всему тому острову на белом «Мерседесе» полковника Дипы. Он улыбнулся, приготовился приветствовать знакомого, но вовремя удержался. Почти неуловимо, но совершенно безошибочно этот совсем еще мальчик покачал головой. А в его глазах

⁵ «Едгин» (1872) – сочинение английского прозаика С. Батлера; в названии скрыта анаграмма слова «нигде».

Уилл прочитал безмолвную испуганную мольбу. Губы беззвучно шевелились. «Пожалуйста, – казалось, говорил он, – пожалуйста, не надо...» И Уилл мгновенно сменил выражение лица.

– Рад с вами познакомиться, мистер Майлендра, – произнес он небрежно формальным тоном.

Муруган вздохнул с явным облегчением.

– Будем знакомы. Добрый день, – сказал он с легким поклоном.

Уилл бросил беглый взгляд вокруг, проверяя, не заметил ли кто-нибудь только что случившегося. Но Мэри Сароджини и Виджайя занимались подготовкой носилок, а доктор заново упаковывал свою сумку. Маленькая комедия оказалась разыграна без зрителей. У юного Муругана, очевидно, имелись веские причины скрывать от остальных, что он посещал Ренданг. Что ж, мальчишки остаются мальчишками. Впрочем, при том условии, что не исполняют роль девочек. Бросалось в глаза, что полковник Дипа испытывает к своему юному протеже гораздо больше, чем покровительственные отцовские чувства, а Муруган, в свою очередь, вел себя не просто как приемный сын, относясь к полковнику с откровенным обожанием. Было ли это чистым восхищением настоящим героем, поклонением сильной личности, совершившей успешную революцию, расправившейся с оппозицией и ставшей на острове диктатором? Или другие чувства присутствовали тоже? Не стал ли Муруган Антиноем для черноусого Адриана⁶ с Ренданга?

Впрочем, какие бы чувства ни питал этот юнец к пожилому военному гангстеру, это было его право. А если гангстеру нравились хорошенькие мальчишки, то и здесь никто не мог ничего поделать. И, быть может, именно поэтому, продолжал рассуждать про себя Уилл, полковник Дипа воздержался от церемонии официального представления, когда юношу привели в президентский кабинет. «А, это Муру, – только и бросил он, – мой молодой друг Муру». А потом поднялся, обнял гостя за плечо, подвел его к мягкому дивану, усадил и пристроился рядом. «Могу я сегодня управлять «Мерседесом»?» – спросил Муруган. Диктатор милостиво улыбнулся и кивнул своей бритой лоснящейся черной головой. Это была еще одна причина подозревать, что за их странной связью скрывалось нечто иное, нежели обычная дружба. За рулем спортивного автомобиля полковника Муруган превратился в настоящего маньяка. Только безоглядно влюбленный мужчина доверил бы свою жизнь, не говоря уже о жизни зарубежного журналиста, такому водителю. На равнине от столицы в Ренданг-Лобо до нефтяных полей стрелка спидометра дважды зашкаливала за цифру сто десять⁷. Но еще хуже, причем гораздо хуже стало потом, когда дорога пошла через горы от нефтяных полей к месту разработки месторождения меди. То слева, то справа разверзались пропасти, шины визжали на крутых поворотах, неожиданно из зарослей бамбука на шоссе выходили водяные азиатские буйволы, с которыми машина разъезжалась в считаных футах, шоферы десятитонных грузовиков выруливали на полосу встречного движения, чтобы избежать столкновения. «Вас не тревожит езда на такой скорости?» – отважился спросить Уилл. Но гангстер оказался не только горячо влюблен, но и бесконечно набожен. «Если человек знает, что исполняет волю Аллаха – а я занимаюсь именно этим, мистер Фарнаби, – то у него нет причин нервничать по пустякам. При подобных обстоятельствах волнение граничило бы с богохульством». А Муруган, резко вращая одной рукой руль, чтобы не врезаться в очередного буйвола, открыл золотой портсигар и предложил Уиллу дорогую сигарету «Собрание», изготовленную на Балканах.

– Мы готовы! – крикнул Виджайя.

Уилл еще раз повернулся и увидел носилки, лежавшие рядом с ним.

– Отлично! – сказал доктор Макфэйл. – Давайте поднимем его. Осторожнее. Осторожнее!

⁶ Речь о римском императоре Адриане и его любовнике Антиное; II в. н. э.

⁷ Имеются в виду мили в час.

Минуту спустя небольшая процессия двинулась по тропинке, извивавшейся среди деревьев. Мэри Сароджини шла впереди, ее дед замыкал шествие, а между ними Муруган и Виджайя несли носилки. Со своего двигавшегося ложа Уилл Фарнаби смотрел вверх в зеленый полумрак крон, как если бы находился на дне моря и видел его живую, колыхающуюся над головой поверхность. Далеко в вышине постоянно раздавался хруст веток и другие шумы, издававшиеся обезьянами. А потом сквозь облако орхидей он увидел сразу дюжину птиц-носорогов – зрелище, напоминавшее фантазии больного воображения.

– Вам удобно? – спросил Виджайя, заботливо склонившийся, чтобы видеть его лицо.

Уилл улыбнулся ему.

– Мне не просто удобно. Это роскошь какая-то, – ответил он.

– Осталось недолго, – успокаивающе заверил его собеседник. – Мы будем на месте через несколько минут.

– На каком месте?

– На Экспериментальной станции. Это как Ротамстед. Вы когда-нибудь бывали в Ротамстеде, пока жили в Англии?

Уилл, разумеется, слышал о нем, но никогда не видел.

– Там проводятся опыты уже более ста лет, – продолжал Виджайя.

– Сто восемнадцать, если быть точным, – сказал доктор Макфэйл. – Лоуес и Гилберт начали там создавать новые удобрения в 1843 году. А в начале пятидесятых годов один из их учеников прибыл сюда, чтобы помочь моему деду создать такую же станцию. Ротамстед в тропиках – такова была идея. В тропиках и для тропиков.

Сквозь зеленый сумрак молнией сверкнул луч, а всего мгновением позже его носилки оказались залитыми мощным светом тропического солнца. Уилл приподнял голову и осмотрелся вокруг. Они находились уже недалеко от дна огромной впадины, напоминавшей амфитеатр. В пятистах футах ниже простиралась обширная равнина, поделенная на прямоугольники полей, испещренная рощицами деревьев, среди которых отдельными небольшими поселками стояли дома. А по противоположную сторону склоны холмов вздымались все выше и выше на тысячи футов к полукругу, образованному горами. От одной террасы до другой зеленой или золотистой террасы, от равнины до зазубренных горных пиков располагались уступами рисовые поля, занимая каждый извив холмов, каждую впадину на склонах гор, размещенные там планомерно и искусно. Природа больше не оставалась здесь предоставлена самой себе; пейзаж тщательно продумали и составили как художественную композицию, его свели к его геометрическим параметрам и добавили с чудесной виртуозностью естественности каждому изгибу, каждой линии, используя мазки открытого яркого, ни с чем не смешанного цвета.

– Чем вы занимались на Ренданге? – спросил доктор Роберт, прерывая затянувшееся молчание.

– Собирал материал для статьи о новом режиме.

– Вот уж не думал, что фигура полковника так уж интересна для газет.

– Ошибаетесь. Он – военный диктатор. Это значит, что в его стране всегда витает дух возможной гибели людей. А смерть – это новость. Даже вероятная смерть привлекает внимание газетчиков. – Уилл рассмеялся. – Вот почему мне было велено сделать остановку там по пути из Китая.

Но были и другие причины, о которых он предпочел не упоминать. Газеты были лишь частью деловой империи лорда Альдегида. В других своих ипостасях он владел «Нефтяной компанией Юго-Восточной Азии», являлся совладельцем медного гиганта «Империял энд форейн коппер лимитед». Официально Уилл прибыл на Ренданг, чтобы прочувствовать дух смерти, витавший в милитаризованном воздухе островной страны, но ему поручили, кроме того, прощупать взгляды диктатора на иностранные капиталовложения, какие налоговые поблажки он готов был бы предоставить зарубежным инвесторам, какие гарантии мог дать,

что предприятия не будут национализированы. И какую часть прибыли будет разрешено вывести из страны? Сколько придется нанять технических и административных сотрудников из числа местных жителей? Длинный список вопросов. Но полковник Дипа проявил дружелюбие и готовность к сотрудничеству. Так, собственно, возникла идея бешеной гонки с Муруганом за рулем для осмотра шахт, где добывали медь. «Здесь все очень примитивно, мой дорогой Фарнаби, сильно устарело. Как можете убедиться сами, нам срочно нужно современное оборудование». Еще одна деловая встреча, внезапно вспомнил Уилл, была назначена как раз на сегодняшнее утро. Он представил себе полковника за рабочим столом в кабинете. И рапорт начальника полиции. «Мистера Фарнаби в последний раз видели одного на борту парусной яхты в проливе Пала. Через два часа разразился сильнейший шторм... Вероятно, со смертельным исходом...» А на самом деле он живой и невредимый оказался на территории запретного острова.

– Они никому не выдают виз, – сказал Джо Альдегид при их последней встрече. – Но возможно, тебе удастся проникнуть туда под маскировкой. Нацепи на себя бурнус или что-нибудь в этом роде, дерзай, как Лоуренс Аравийский.

С совершенно серьезным лицом Уилл пообещал:

– Я постараюсь.

– И если тебе действительно удастся проникнуть на Палу, прямиком отправляйся во дворец. Рани – их Королева-Мать – моя старая приятельница. Познакомился с ней шесть лет назад в Лугано. Она приехала туда с Фогели, инвестиционным банкиром. Его подруга интересуется спиритизмом, и они устроили сеанс специально для меня. С трубным медиумом, настоящим Прямым Голосом, – но, к сожалению, все это было по-немецки. Впрочем, когда включили свет, я имел с ней продолжительную беседу.

– С трубным медиумом?

– Нет, конечно. С самой Рани⁸. Она необыкновенная женщина. Ты же слышал о Духовном Крестовом Походе?

– Так это ее идея?

– Вот именно! И лично я предпочитаю ее Моральному Перевооружению. По крайней мере в Азии это воспринимается лучше. В тот вечер мы долго обсуждали с ней эту тему. А потом разговор зашел о нефти. На Пале нефтяных месторождений полно. «Нефтяная компания Юго-Восточной Азии» годами пытается добиться права на добычу. Как и многие другие фирмы. Дохлый номер. Никаких нефтяных концессий никому. Это их фундаментальная политика. Но Рани ее не поддерживает. Она хочет, чтобы нефть приносила миру реальную пользу. Финансировать ее Духовный Крестовый Поход, например. А потому, повторяю еще раз: если сумеешь пробраться на Палу, тут же стремись попасть во дворец. Побеседуй с ней. Узнай все о людях, которые там принимают важнейшие решения. Найди представителей меньшинства, выступающего за добычу нефти, и поинтересуйся, какая помощь им требуется для продолжения их крайне полезной деятельности.

А закончил он тем, что посулил Уиллу щедрое вознаграждение, если его усилия увенчаются успехом. Достаточно крупное, чтобы он получил целый год свободы.

– Никакой газетной работы, никаких репортажей. Одно только Высокое искусство, Искусство, ИС-КУССТВО! – И он скабрёзно осклабился, словно для него это слово было грязным ругательством. Неопишущее дерьмо, а не человек! Но Уиллу приходилось писать для мерзких газетенки этого неопишущего дерьма, и за приличную взятку он был готов делать по поручению неопишущего дерьма даже самую грязную работу. И вот, совершенно невероятным образом, он оказался на паланской земле. Удача повернулась к нему лицом, и Провидение хра-

⁸ Рани – имя, по наследству переходящее к жене Раджи или его матери.

нило его. Причем для особой цели. Чтобы осуществить один из своих циничных розыгрышей, которые Провидение, как видно, просто обожает.

Его вернул с небес на землю тонкий голосок Мэри Сароджини:

– Вот мы и пришли!

Уилл снова приподнял голову. Маленькая процессия свернула с тропы и двигалась сквозь проем в белой оштукатуренной стене. Слева на нескольких рядах постепенно поднимавшихся вверх террас стояли ряды приземистых зданий в окружении гигантских фикусов. Прямо впереди протянулась аллея, образованная высокими пальмами, спускавшаяся к пруду с лотосами, на дальнем берегу которого сидел внушительных размеров каменный Будда. Еще раз повернув налево, они поднялись мимо покрытых цветами деревьев и миновали смесь ароматов, разливавшихся над первой из террас. Позади ограды совершенно неподвижно, если не считать непрерывно что-то перемалывавших челюстей, стоял белоснежный горбатый бык, богоподобный в своей неосознанно величавой красоте. Но похититель Европы быстро остался позади, и показалась пара птиц Юноны⁹, волочивших хвосты по земле. Мэри Сароджини открыла щеколду калитки небольшого сада.

– Мое бунгало, – объявил доктор Макфэйл и повернулся к Муругану. – Давайте я помогу вам поднять носилки по ступеням.

⁹ Так по-английски называют иногда павлинов.

Глава четвертая

Том Кришна и Мэри Сароджини отправились провести сиесту к жившим по соседству детям садовника. Сузила Макфэйл сидела одна в своей затемненной гостиной, погруженная в воспоминания о былом счастье и в тоскливые мысли о постигшем ее горе. Часы в кухне пробили полчаса. Ей настала пора идти. Она со вздохом поднялась, обула сандалии и вышла под жгучий жар тропического дня. Подняла взгляд вверх к небу. Поверх вулканов громады облаков карабкались все выше к зениту. Через час пойдет дождь. Перемещаясь из одного тенистого участка к другому, она пошла вдоль усаженной деревьями дорожки. С внезапным шумом бьющихся крыльев стая голубей сорвалась с одного из гигантских фикусов. Птицы с зелеными крыльями, с коралловыми клювами и с грудками, переливавшимися всеми цветами, как перламутр, умчались в сторону леса. Как же они были красивы, как непередаваемо прелестны! Сузила хотела было повернуться, чтобы увидеть выражение восхищения на лице Дугалда, но тут же сдержала порыв и уткнулась взглядом в землю. Дугалда больше не было. Осталась только боль, подобная фантомной боли, мучающей тебя в воображении, но ощутимая физически, как у тех, кто прошел через ампутацию.

– Ампутация, – прошептала она почти неслышно, – ампутация...

Почувствовав, как на глаза наворачиваются слезы, она взяла себя в руки. Ампутация не давала оснований для жалости к самой себе, и пусть Дугалд умер, эти птицы оставались все такими же красивыми, и ее дети, как все дети вообще, нуждались в любви, заботе и обучении. А если его отсутствие так часто напоминало о себе, то только для того, чтобы внушить: отныне она должна любить за двоих, жить за двоих, думать за двоих. Обязана воспринимать и понимать окружающий мир не только своими глазами и разумом, но и глазами, и умом, прежде принадлежавшими ему, а до катастрофы и ей тоже, настолько тесным было их единство и в радости жизни, и в мыслях о ней.

Но вот и бунгало доктора. Она поднялась по ступеням, пересекла веранду и вошла в гостиную. Ее тесть сидел у окна, потягивая холодный чай из глиняной кружки и читая *Journal de Mycologie*¹⁰. Когда она приблизилась, он поднял взгляд и улыбнулся, приветствуя ее.

– Сузила, моя славная! Я так рад, что ты смогла прийти.

Она склонилась и поцеловала его в покрытую щетиной щеку.

– О чем это все время рассказывает Мэри Сароджини? – спросила она. – Девочка действительно нашла жертву кораблекрушения?

– Да. Он из Англии, но сюда попал через Китай, Ренданг, а потом после шторма его выбросило к нам на скалы. Журналист.

– Какой он?

– Внешне напоминает Мессию. Но чересчур умен, чтобы верить в Бога или хотя бы понимать смысл собственной жизни. И слишком чувствителен, чтобы осуществить свою жизненную цель, даже если бы знал о ней. Его мышцы хотели бы действия, а его сознание хотело бы поверить, но вот нервы и гипертрофированный интеллект не позволяют.

– Значит, как я полагаю, он глубоко несчастлив?

– Настолько несчастлив, что даже смеется как гиена.

– А он знает, что смеется как гиена?

– Не только знает, но и почти гордится этим. Даже сочинил шутивную эпиграмму на самого себя: «Я – человек, который не принимает согласия».

– У него серьезные повреждения?

¹⁰ «Микологический журнал» (фр.); микология – раздел биологии, изучающий грибы.

– Не слишком. Но поднялась температура. Я начал давать ему антибиотики. Теперь твоя очередь поднять сопротивляемость его организма и дать шанс *vis medicatrix naturae*¹¹.

– Сделаю все, что смогу. – А потом после паузы добавила: – Я навещала Лакшми на обратном пути из школы.

– Ну и как она тебе?

– Все так же примерно. Хотя нет. Возможно, она даже слабее, чем была вчера.

– Мне тоже так показалось, когда я ходил к ней утром.

– К счастью, боль, по-моему, не стала сильнее. Мы все еще держим ее под психологическим контролем. А сегодня я попыталась как-то унять тошноту. Она даже смогла что-то выпить. Надеюсь, вводить питание внутривенно больше не придется.

– Слава богу! – воскликнул он. – Внутривенные процедуры превратились в настоящую пытку. Такая невероятная отвага перед лицом любой реальной опасности, но при этом столь жалкая боязнь при одном только виде гиподермической иглы! Совершенно необъяснимо. Иррациональный страх.

И он вспомнил случай, который произошел на раннем этапе их супружеской жизни, когда он вспылил и за что-то обозвал жену презренной трусихой. Лакшми заплакала, а потом, чтобы показать свою готовность на любое самопожертвование, посыпала голову раскаленными углями из очага, одновременно прося у него прощения за проявленную слабость. «Лакшми, Лакшми...» А теперь всего через несколько дней она умрет. После тридцати семи лет вместе.

– О чем вы с ней разговаривали? – спросил он вслух.

– Ни о чем в особенности, – ответила Сузила.

Но правда заключалась в том, что разговор у них шел о Дугалде, а она сейчас не в силах была повторить сказанного. «Мой первенец, – прошептала умирающая женщина. – А я и не знала тогда, что младенцы бывают настолько красивы». Ее глубоко запавшие в череп, темные, как кожа на черепе, глаза просветлели, обескровленные губы сложились в улыбку. «Такие маленькие, совсем крошечные ручки, – продолжал чуть слышный хриловатый голос. – Но какой жадный малюсенький ротик!» Почти бесплотная рука с дрожью коснулась того места, где до прошлогодней операции у нее были груди. «А я и не знала», – повторила она. Да и как она могла это знать до рождения ребенка? Это стало настоящим откровением, апокалипсисом¹² любви и прикосновения к чуду. «Ты понимаешь, что я имею в виду?» И Сузила кивнула. Она, конечно же, понимала, пережив такие же откровения с собственными детьми, такие же апокалипсисы любви и прикосновений к чуду, и познала его прежде всего с мужчиной, в которого вырос малыш Дугалд с его крошечными ручками и жадным ртом. «А ведь потом я даже боялась его, – шептала умирающая женщина. – Он стал таким сильным, настоящим тираном, он мог причинить боль, издеваться, в нем жило стремление к разрушению. И если бы он женился на другой женщине... Я так счастлива, что его женой стала ты!» С того места, где раньше была грудь, бесплотная рука переместилась и легла поверх руки Сузилы. Та склонилась и поцеловала ее. Обе плакали.

Доктор Макфэйл вздохнул, поднял взгляд и, как человек, только что выбравшийся из воды, немного встряхнулся.

– Фамилия нашего пострадавшего Фарнаби, – сказал он. – Уилл Фарнаби.

– Уилл Фарнаби, – повторила Сузила. – Что ж, мне лучше пойти и посмотреть, что я смогу для него сделать.

Она повернулась и вышла.

Доктор Макфэйл посмотрел ей вслед, а потом откинулся в кресле и прикрыл глаза. Он думал о своем сыне, он думал о своей жене – о Лакшми, медленно угасавшей, уходя-

¹¹ Целебная сила природы (лат.).

¹² По-гречески «апокалипсис» и означает «откровение».

шей в небытие; о Дугалде, который уподобился яркому пламени, неожиданно погасшему. Размышлял о непостижимой череде перемен и вероятностей, которая составляла жизнь, о красотах, ужасах и абсурдах, создававших не поддающуюся объяснению, но в то же время настолько божественно значительную линию человеческой судьбы. «Бедная девочка, – подумал он, вспомнив выражение лица Сузилы, когда он сообщил ей о случившемся с Дугалдом, – бедная девочка!» А между тем его ждала статья о галлюциногенных грибах в «Journal de Mycologie». Это была еще одна из тех не имевших особого значения вещей, занимавших, однако, свое место в общей структуре жизни. Вспомнились строчки одного из небольших и всегда странных стихотворений, которые писал старый Раджа.

Все сущее к другому равнодушно, не сочетаемо и не совместимо, но составляет целостность оно, не ведая, что тем творит Добро, что бесконечно и безмерно, столь быстротечно и нецеловимо, хоть в вечности пребудет дольше любого трепетного Божества на небе.

Дверь скрипнула, и мгновение спустя Уилл услышал чьи-то легкие шаги и шелест юбки. Затем рука легла ему на плечо, и женский голос, глуховатый, но мелодичный, спросил, как он себя чувствует.

– Я чувствую себя скверно, – ответил он, не открывая глаз.

В его словах не слышалось жалости к себе, призыва к сочувствию, – это была всего лишь раздраженная констатация факта стойком, которому до смерти надоело разыгрывать фарс бесстрастности, и он зло произнес слова правды:

– Я чувствую себя скверно.

Рука прикоснулась к нему снова.

– Я – Сузила Макфэйл, – произнес голос. – Мать Мэри Сароджини.

С неохотой Уилл повернул голову и открыл глаза. Взрослая, более темнокожая версия Мэри Сароджини сидела рядом с его кроватью, улыбаясь ему с дружеским участием. Улыбнуться в ответ стоило бы ему чрезмерных усилий, и он ограничился простым:

– Здравствуйте.

Натянул простынку чуть повыше и опять закрыл глаза.

Сузила молча смотрела на него – на эти костлявые плечи, на ребра под кожей, чья нордическая бледность представлялась ей, жительнице Палы, столь необычно хрупкой и уязвимой, на слегка опаленное солнцем лицо, черты которого были так ярко выражены, как резьба по дереву, которую следовало разглядывать с некоторой дистанции, резко очерченные, но в то же время чувственные. Но более, чем лицо, ее мысли занимал сейчас сам этот человек, напуганный и оставленный на волю страданиям.

– Мне сказали, что вы из Англии, – произнесла она через некоторое время.

– Мне плевать, откуда я, – пробормотал Уилл еще более раздраженно. – И мне до лампочки, куда я отправлюсь дальше. Из одного ада в другой.

– Я бывала в Англии сразу после войны, – продолжала она. – Еще студенткой.

Он хотел бы не слышать, но уши не снабдили веками, и избежать навязчивого голоса не было никакой возможности.

– Со мной на факультете психологии училась одна девушка, – говорила она. – Ее семья жила в Уэльсе¹³. Она пригласила меня погостить у них в первый месяц летних каникул. Вам знаком Уэльс?

Разумеется, он хорошо знал Уэльс. Зачем она лезла к нему со своими вздорными воспоминаниями?

– Мне очень нравилось гулять там у воды, – продолжала Сузила, – любуясь через ров собором...

¹³ Уэльс – город в графстве Сомерсет, знаменитый своим кафедральным собором.

И думать, пока она вспоминала собор, о Дугалде на пляже под пальмами, о Дугалде, дававшем ей первые уроки альпинизма. «Тебя держит веревка. Ты в полной безопасности. Ты никак не сможешь упасть...» «Никак не сможешь упасть», – с горечью повторила она про себя, но потом очнулась: здесь и сейчас ей предстояла работа. Она посмотрела еще раз на четко обрисованные черты исцарапанного лица человеческого существа, которое испытывало муки.

– Как это было красиво, – снова заговорила она, – и как чудодейственно спокойно!

Голос, как послышалось Уиллу Фарнаби, стал еще более мелодичным, но странным образом доносился теперь словно издали. Быть может, поэтому его уже не так бесило ее непрощенное вторжение.

– Такое необыкновенное чувство умиротворения. Шанти, шанти, шанти¹⁴. Умиротворение, которое не постичь одним лишь умом.

Голос теперь перешел почти в пение – в пение, которое, казалось, лилось из какого-то другого мира.

– Я могу закрыть глаза, – мелодично декламировал голос, – могу закрыть глаза и увидеть все с удивительной ясностью. Могу видеть собор во всей его огромности. Он ведь был намного выше любых деревьев, окружавших дворец епископа. Могу видеть зелень травы, и воду, и золотистый отсвет солнца на камнях, и косые тени между контрфорсами. И вслушайтесь! Я могу слышать колокола. Колокола и галок. Там в колокольне всегда собиралось множество галок – вы их слышите?

Да, он слышал галок, мог слышать их так же отчетливо, как возню попугаев на деревьях, росших за окном. Он был здесь и одновременно там. Здесь – в этой затененной душной комнате у самого экватора, но и там, под открытым холодным небом Мендипа, где галки кричат на колокольне собора, а звук самих колоколов затихает в зеленой тишине.

– А еще белые облака, – доносился голос, – и голубое небо в просветах между ними, такое бледное, такое неброское, такое изысканно нежное.

Нежное, повторил он, нежное голубое небо в те апрельские выходные дни, которые он провел там перед несчастным случаем – его женитьбой. Женитьбой на Молли. В траве росли маргаритки и одуванчики, а по другую сторону водной полосы возвышалась огромная церковь, словно бросая вызов хаотичному нагромождению облаков аскетической геометрией своей архитектуры. Бросая вызов бесформенности, но в то же время и дополняя ее, сосуществуя в полнейшей гармонии. Вот как должны были складываться отношения между ним и Молли – как они и складывались поначалу.

– И лебеди, – слышал он навевавший сон речитатив, – лебеди...

Да, лебеди. Белые лебеди, плывшие по зеркалу из нефрита и черного янтаря, – по живому зеркалу, поверхность которого колыхалась и подрагивала, отчего их серебристые отражения то навсегда распадались, то снова появлялись, растворяясь и опять сходясь в единое целое.

– Как несуществующие геральдические фигуры: слишком романтические, до невозможно-сти красивые. Но все же они существовали – реальные птицы в реальном месте. Они так близко ко мне сейчас, что я почти могу коснуться их, но одновременно такие далекие, в тысячах миль отсюда. На очень далекой глади воды, двигаясь, словно по волшебству, плавно и величаво...

Величаво, они плыли величаво – эти прекрасные создания с изогнутыми длинными шеями, разрезая воду, принуждая ее расступиться перед собой, оставляя позади стреловидный след. Он мог видеть их движение по темному зеркалу, слышать галок на башне, мог уловить сквозь гораздо более близкую смесь ароматов дезинфекции и гардений холодный, едва ощутимый запах тины готического рва в бесконечно далекой зеленой долине.

– Плывут свободно, плывут, не прилагая усилий, – сказал Уилл самому себе. – Плывут свободно.

¹⁴ «Мир» (санскр.)

И эти слова доставили ему неизъяснимое удовольствие.

– А я сидела там, – сказала она. – Сидела и смотрела, смотрела, пока через какое-то время сама не начинала тоже плыть. И я плыла вместе с лебедями по гладкой поверхности, лежавшей между темнотой внизу и бледным нежным небом над головой. И в то же время плыла и по другой поверхности, простиравшейся между тем местом и этим, таким далеким, между тогда и сейчас.

И между счастьем, оставшимся в воспоминаниях, думала она, и нынешним непрерывным, мучительным ощущением утраты.

– Плыла, – продолжала она вслух, – по поверхности, разделявшей реальное и вымышленное, между тем, что мы воспринимаем извне, и тем, что находится внутри нас самих, но таится глубоко-глубоко...

Она положила ладонь ему на лоб, и внезапно слова трансформировались в предметы и события, которые они обозначали; умозрительные образы превратились в факты. Он действительно ощутил, что плывет.

– Вы плывете, – мягко, но настойчиво внушал голос. – Плывете, как белая птица по воде. Плывете вдоль великой реки жизни – широкой, гладкой, беззвучной реке, течение которой почти не ощущается, и можно даже подумать, что она уснула. Спящая река. Но она все же течет, и течет неумолимо. Жизнь тихо, но неуклонно перетекает в другую, еще более полноводную жизнь, мирную и спокойную и тем более глубокую, тем более богатую и сильную, тем более полноценную, потому что она ведает о всех ваших болях и несчастьях, знает о них, впитывает их в себя, растворяя в собственной субстанции. И именно в этот покой вы и плывете сейчас, плывете по гладкой тихой реке, которая спит, но течение которой неудержимо именно потому, что она спит. И я плыву вместе с вами.

Так она разговаривала с незнакомцем. И совсем на другом уровне говорила сама с собой.

«Плывешь свободно. Для этого не приходится ничего делать. Только дать себе волю, только позволить увлечь себя потоку, лишь обращаясь с просьбой к этой неумолимой спящей реке жизни нести меня в своем русле, зная, что именно в этом направлении я и хочу двигаться, туда я должна попасть: в другую, более полную жизнь, в другое жизненное пространство, где царят мир и покой. Вдоль по спящей реке к месту, где я смогу окончательно смириться с действительностью».

Помимо воли, совершенно бессознательно Уилл Фарнаби издал глубокий вздох. Обещанный ею мир тишины наступил! В нем царила глубочайшая хрустальная тишина, хотя по ту сторону штор продолжали возню попугаи, а голос рядом с ним продолжал вещать нараспев. Молчание и пустота, а сквозь молчание и пустоту текла река, спящая, но неудержимая.

Сузила посмотрела сверху вниз на лицо, лежавшее поверх подушки. Внезапно оно показалось совсем юным, почти детским в своей безмятежности. Хмурые морщины на лбу разгладились. Губы, еще недавно так плотно сжатые от боли, теперь чуть открылись; дыхание сделалось медленным, тихим, едва уловимым. И внезапно она вспомнила слова, пришедшие ей как-то на ум, когда однажды лунной ночью она смотрела на такое же воплощавшее невинность лицо Дугалда: «Она дарует сон тем, кого любит».

– Спи, – сказала она вслух. – Спи.

Тишина стала казаться еще более абсолютной, а пустота – совершенно необъятной.

– Спящий на спящей реке, – говорил голос. – А над рекой бледное небо с огромными белыми облаками. И когда ты глядишь на них, то начинаешь подниматься к ним тоже. Да, ты теперь плывешь и вверх, а река теперь – это поток воздуха, невидимая река, уносящая тебя все выше и выше.

Все круче ввысь. К тишине и пустоте. Образ превратился в предмет, слова стали истинными ощущениями.

– С раскаленной равнины, – продолжал голос, – без малейших усилий в горную прохладу.

И вот перед ним возникла Юнгфрау, ослепительно белая вершина на синем фоне. А потом Монте-Роза...

– Каким свежим воздухом ты дышишь! Свежим, чистым, наполненным жизненной энергией!

Он стал дышать глубже, и новые силы буквально вливались в него. А потом легкий ветерок подул со стороны заснеженных склонов, овевая кожу прохладой, такой изумительной прохладой! И словно вторя его мыслям, как будто описывая его ощущения, голос произнес:

– Прохлада и сон. Через свежесть воздуха к полноценной жизни. Через сон к восстановлению сил, к цельности характера, к чувству умиротворения.

Через полчаса Сузила вернулась в гостиную.

– Ну и как? – спросил тесть. – Удалось добиться успеха?

Она кивнула.

– Я говорила ему о мирной жизни в Англии, – сказала она. – Он отключился гораздо быстрее, чем я ожидала. А потом я занялась его температурой...

– И коленом тоже, я надеюсь?

– Разумеется.

– Прямым вмешательством?

– Нет, только косвенным. Так всегда лучше. Я заставила его посмотреть на образ своего тела со стороны. А затем увидеть себя в гораздо более крупном масштабе, чем в реальности, а колено – в более мелком. Маленькая жалкая частичка бессильна воздействовать на такой гигантский и сильный организм. Так что нет сомнений, кто победит в этом поединке. – Она посмотрела на настенные часы. – Бог ты мой, я должна бежать. Иначе опоздаю к началу урока в школе.

Глава пятая

Солнце только всходило, когда доктор Роберт пошел в больничную палату своей жены. Оранжевое сияние, и на его фоне темные зазубренные силуэты горных вершин. Затем неожиданно между двумя пиками возникла ослепительная светящаяся дуга. Этот серп почти сразу превратился в полукруг, и вот уже первые удлиненные тени деревьев прочертили сад, первые лучи золотого света пролились на землю за окном. И когда ты снова поднимал взгляд в сторону гор, приходилось жмуриться от невыносимо яркого солнца, полностью показавшегося на небе.

Доктор Роберт сел рядом с постелью жены, взял ее руку и поцеловал. Она улыбнулась ему, но затем снова повернулась к окну.

– Как же быстро вращается Земля! – прошептала она и после паузы добавила: – Скоро наступит утро, когда встречу свой последний рассвет.

Сквозь гомон птичьего щебета и жужжание насекомых донесся отчетливый голос майны:

– Каруна. Каруна...

– Каруна, – повторила Лакшми. – Сострадание.

– Каруна. Каруна, – настойчивым гобоем повторил словно сам Будда из сада.

– Мне оно уже скоро больше не понадобится, – сказала она. – А как насчет тебя? Что будет с тобой, мой бедный Роберт?

– Так или иначе, люди находят в себе силы, необходимые, чтобы жить дальше, – ответил он.

– Да, но будут ли это действительно нужные тебе силы? Или же ты просто наденешь броню, замкнешься в себе, найдешь способ с головой уйти в работу, погрузиться в свои идеи, ни в грош не ставя все остальное? Вспомни, как я приходила и дергала тебя за прядь волос, чтобы заставить хоть на что-то еще обратить внимание. Кто будет это делать, если меня не станет?

Вошла медсестра со стаканом подслащенной воды. Доктор Роберт просунул руку под плечо жены и перевел ее в сидячее положение. Сестра поднесла стакан к ее губам. Лакшми отпила немного, с трудом сглотнула, а потом отпила еще и еще раз. Отвернувшись от протянутого к ней стакана, она посмотрела на доктора Роберта. Изможденное лицо вдруг осветила невероятная и, казалось бы, неуместная улыбка, полная откровенного лукавства.

– «Я Троицу изображаю, – процитировал хриплый голос, – и пью свой сок тремя глотками, чем Ариана раздражаю...» – Она оборвала декламацию. – Как нелепо, что мне вспомнились именно эти стихи. Впрочем, я всегда была чуть-чуть нелепой, скажешь нет?

Доктор Роберт сделал все, чтобы улыбнуться ей в ответ.

– Почему же чуть-чуть? Просто нелепой, – отшутился он.

– Ты любил повторять, что я похожа на блоху. Только что была здесь, и вдруг – прыг! Уже в другом месте. В милях от прежнего. Неудивительно, что ты так и не смог ничему меня научить!

– Зато тебе удалось многому обучить меня, – заверил он жену. – Если бы ты не приходила и не таскала меня за волосы, заставляя взглянуть на мир и помогая понять его, кем бы я стал сейчас? Ученым-педантом в защитных очках? Несмотря на все свои знания и образование. Но к счастью, у меня хватило ума сделать тебе предложение, а ты оказалась достаточно глупенькой, чтобы принять его, а потом проявила много мудрости и терпения, чтобы слепить из меня нормального человека.

– Но все-таки я блохой как была, так и осталась. – Она помотала головой. – А ведь я старалась, очень старалась. Не знаю, замечал ли ты это, Роберт, но я всегда вставала на цыпочки, всегда тянулась туда, где ты работал, мыслил или просто читал. Неизменно хотела встать рядом с тобой, быть тебе ровней. Господи, как же это было утомительно! Какие бесконечные усилия

я прикладывала! Но все без толку. Потому что в конечном счете я все же не преодолела уровня безмозглой блохи, метавшейся среди людей и цветов, собак и кошек. Твой высоколобый мир оставался местом, куда мне никак не удавалось взобраться, а если бы и удалось, я бы в нем сразу потерялась. И когда со мной произошло это (она подняла руку к отсутствовавшей груди), отпала необходимость в стараниях. Никакой больше учебы, никаких домашних заданий. У меня появился предлог больше не заниматься этим никогда.

Наступило долгое молчание.

– Не хотите ли сделать еще глоток? – спросила медсестра, первой нарушив его.

– Да, тебе нужно еще попить, – спохватился доктор Роберт.

– И уничтожить свою Троицу. – Лакшми снова улыбнулась ему.

Сквозь маску возраста и смертельной болезни доктор Роберт вдруг увидел ту смеющуюся девушку, в которую он полжизни назад – а как будто только вчера – так безоглядно влюбился.

Через час доктор Роберт вернулся в свое бунгало.

– Этим утром вы останетесь в одиночестве, – объявил он, сменив повязку на колене Уилла Фарнаби. – Мне нужно поехать в Шивапурам на заседание Тайного совета. Одна из наших студенток, обучающихся на медсестер, около двенадцати придет, чтобы сделать вам укол и покормить чем-нибудь. А после обеда, как только закончатся занятия в школе, к вам снова заглянет Сузила. А сейчас мне пора уходить.

Доктор Роберт встал и на мгновение положил ладонь поверх руки Уилла.

– До вечера.

Но на полпути к двери он остановился и обернулся.

– Чуть не забыл отдать вам одну вещь. – Он полез в карман своего мешковатого пиджака и вынул небольшую зеленую книжицу. – Сочинение Старого Раджи «Заметки о том, Что есть Что, и о разумных действиях в этой связи».

– Восхитительное название! – не удержался от комментария Уилл, принимая протянутую ему брошюру.

– Содержание вам тоже понравится, – заверил его доктор Роберт. – Всего-то несколько страниц. Но если вы хотите понять, что представляет собой Пала, лучше вступления не придумаешь.

– Кстати, – спросил Уилл, – кто он такой, этот ваш Старый Раджа?

– Боюсь, что правильнее ставить вопрос, кто он был такой. Старый Раджа умер в тысяча девятьсот тридцать восьмом году, после того как правил островом на три года дольше, чем королева Виктория правила Англией. Он пережил своего старшего сына, и наследником власти стал внук, который оказался полнейшим ослom, но компенсировал этот недостаток за счет краткости своей жизни. Нынешний Раджа – его праправнук.

– А теперь, если позволите, глубоко личный вопрос. Как сюда занесло человека по фамилии Макфэйл?

– Первый Макфэйл прибыл на Палу еще при деде Старого Раджи – при Радже-Реформаторе, как мы привыкли величать его. Именно эти двое – тот Раджа и мой прапрадед – придумали концепцию современной Палы. Старый Раджа закрепил их достижения и добился дальнейшего прогресса. А в наши дни мы делаем все от нас зависящее, чтобы следовать по их стопам.

Уилл указал на «Заметки о том, Что есть Что»:

– Я найду здесь историю реформ?

Доктор Роберт отрицательно помотал головой:

– Здесь всего лишь заявлены основополагающие принципы. Ознакомьтесь для начала с ними. Когда я вечером вернусь из Шивапурама, то постараюсь устроить для вас экскурс в историю острова, дать почувствовать ее на вкус, так сказать. Вы лучше поймете, чего удалось достигнуть, если будете знать, какие цели ставились и что необходимо было сделать для их

достижения. О том, что должен делать каждый и повсеместно, если он имеет понятие, Что есть Что. А потому читайте, читайте. И не забудьте выпить в одиннадцать свой фруктовый сок.

Уилл дождался его ухода, а потом открыл тонкую зеленую книжку и принялся читать.

I

Никому не нужно отправляться куда-то еще. Мы все, и нам необходимо только понять это, уже прибыли в конечный пункт.

Если бы я знал, кто я на самом деле, я бы перестал вести себя так, как тот, кем себя (ошибочно) считаю; а если бы я перестал вести себя так, как тот, кем я себя считаю, я бы узнал, кто я в действительности.

На самом деле, если бы только манихей, каковым я себя считаю, позволил мне узнать это, я являюсь образцом примирения между «да» и «нет», живущим с полным приятием и с благословенным опытом отрицания Раздвоенности.

В религии все слова – это грязные ругательства. Любому, кто пускается в красноречие по поводу Будды, Бога или Христа, надлежит отмыть рот хозяйственным мылом.

Поскольку его ожидание увековечить одно лишь «да» в каждой паре противопоставлений не может в силу самой природы вещей никогда быть реализованным, изолированный манихей, к каковым я себя причисляю, обрекает себя на бесконечно повторяемое разочарование, на бесконечно повторяющиеся конфликты с прочими ожидающими и разочарованными манихеями.

II

Знание того факта, кем мы являемся в действительности, делает нас Добродетельными, а Добродетель приводит к совершению соответствующих добрых дел. Однако добрые дела не всегда есть результат нашей Добродетели. Мы можем стать творцами добра, даже не зная, кем являемся в действительности. Существа, которые добры сами по себе, не являются Добродетельными; они всего лишь опора общества.

Большинство таких опор уподобляются Самсону. Они поддерживают, но рано или поздно лишаются своей силы. Еще никогда не существовало общества, в котором большинство добрых поступков стали бы продуктами Добродетели, то есть были бы неизменно и постоянно уместными и исполненными надлежащим образом. Но это не значит, что такое общество никогда не возникнет или что на Пале мы здесь все сплошь глупцы, если пытаемся создать его.

III

Йог и Стоик – суть две полноправных мыслящих личности, которые достигают порой весьма существенных результатов, систематически выдавая себя за кого-то другого. Но не путем притворства и явления себя под личиной кого-то другого, пусть даже очень хорошего и мудрого по сути своей, сможем мы совершить переход от изолированного Манихейства к Добродетели.

Добродетель начинается с познания, кто мы такие на самом деле; а для выяснения, кто мы такие в реальности, мы должны сначала установить, деталь за деталью, кем мы себя ошибочно считаем и к каким чувствам и деяниям приводит нас привычка мыслить о себе неверно. И момент ясного и полного понимания, кем мы себя считаем, на самом деле не являясь таковыми, дает на мгновение решение шарады Манихейства. Если же мы станем множить подобные моменты знания, кем мы не являемся на самом деле, до тех пор, пока они не сделаются продолжительными во времени, то сможем совершенно неожиданно познать, кто мы есть в действительности.

Концентрированное абстрактное мышление, духовные упражнения есть систематическая замкнутость в сфере сознания. Аскетизм и гедонизм есть систематическая замкнутость в сфере чувственности, осязательности и действия. Но Добродетель состоит в знании, кем является каждый из нас в действительности, соотносимом с любой сферой жизненного опыта. А потому следует всегда осознавать себя – осознавать свою сущность в любом контексте, во все времена, достоверно или с сомнением, получая удовольствие или не получая оно, что бы ты ни делал, через какие страдания ни проходил бы. И это единственная подлинная йога, единственное духовное упражнение, стоящее того, чтобы его практиковать. Чем больше познания человека об индивидуальных объектах, тем больше его познания о Боге. И, переводя Спинозу на наш современный язык, мы можем сказать: чем больше человек знает о себе в различных обстоятельствах, тем выше его шансы внезапно осознать – в одно прекрасное утро, – кто он такой на самом деле. Или лучше так: Кто (с заглавной К) «он» (в кавычках) Такой (с заглавной Т) На Самом Деле (каждая первая буква – заглавная).

Прав был святой Иоанн. В благословенно безмолвной вселенной Слово было не только у Бога; Слово было Бог. Как нечто, во что можно верить. Бог есть проекция символа, имя, ставшее предметом поклонения. Бог = «Бог».

Религиозная Вера в значительной степени отличается от обычной веры. Обычная вера предусматривает систематическое слишком серьезное восприятие не подвергнутых анализу слов. Слов святого Павла, слов Мохаммеда, слов Маркса, слов Гитлера – люди относятся к ним чересчур серьезно, и что же происходит в итоге? Итогом является историческая амбивалентность. Садизм против долга или (что намного хуже) садизм как долг; набожность, вступающая в конфликт с организованной массовой паранойей. Сестры-благотворительницы, самоотверженно выхаживающие жертв инквизиторов и крестоносцев, принадлежащих к той же самой церкви. Религиозная Вера, с другой стороны, никогда не может восприниматься слишком серьезно. Потому что она представляет собой эмпирическим путем достигнутую уверенность в нашей способности узнать, кто мы такие на самом деле. Необходимо забыть пронизанное и отравленное простой верой Манихейство, вступив на стезю истинной Добродетели. Дай же нам Подлинную Веру на каждый день и избави нас, милостивый Боже, от простой веры, иначе именуемой Доверчивостью.

В дверь постучали. Уилл оторвался от книги.

– Кто там?

– Это я, – произнес голос, вернувший неприятные воспоминания о полковнике Дипе и кошмарной гонке на белом «Мерседесе». В одних только белых сандалиях, в белых шортах и с часами из платины на запястье к его постели приближался Муруган.

– Как мило с вашей стороны навестить меня!

Другой посетитель в первую очередь поинтересовался бы, как он себя чувствует, но Муруган был настолько целиком и полностью заиклен на себе самом, что не мог даже изобразить малейший и самый притворный интерес к кому-то другому.

– Я подходил к вашей двери сорок пять минут назад, – сказал он, как будто жалуясь на несправедливое обращение с собой. – Но старик еще был здесь, и мне пришлось вернуться домой. А там мне пришлось сидеть с моей матерью и человеком, который гостит у нас, пока они завтракали...

– А почему вы не могли войти, когда здесь был доктор Роберт? – спросил Уилл. – Вы бы нарушили какие-то правила, поговорив со мной?

Юноша нетерпеливо помотал головой:

– Конечно же, нет. Я просто не хотел, чтобы он узнал причину моего прихода повидаться с вами.

– Причину? – улыбнулся Уилл. – А разве посещение больного не является больше актом милосердия, достойным высокой похвалы?

Муруган не уловил в его словах иронии, потому что думал исключительно о собственных делах.

– Спасибо, что не рассказали им о нашей предыдущей встрече, – сказал он резко, почти зло.

Складывалось впечатление, что ему претила обязанность быть кому-то благодарным, и Уилл только привел его в раздражение, вынудив своим благородным поступком испытывать это чувство, а тем более еще и высказать.

– Я заметил ваше желание, чтобы я ни о чем не упоминал, – сказал Уилл. – И потому не стал ничего говорить.

– Вот я и хотел сказать спасибо, – процедил Муруган сквозь зубы тоном, который больше подошел бы для фразы «Ты – грязная свинья!».

– Не стоит благодарности, – отозвался Уилл с насмешливой вежливостью.

«Какое утонченное создание!» – думал он, с любопытством разглядывая этот гладкий, отливающий золотом торс, это надменное лицо с чертами правильными, как у статуи, но уже не Олимпийского божества, уже не классической красоты – лицо эллина: слишком подвижное, чрезмерно человеческое в отражении на нем всех обыденных страстей. Сосуд несравненной красоты. Да, но что в нем содержалось? Как жаль, подумал он. Надо было немного более серьезно задаться этим вопросом, прежде чем связываться с невыразимо отвратительной ему теперь Бабз. Впрочем, Бабз была женщиной. А для такого исключительно гетеросексуального мужчины, как он, задавать женщине вопросы, подобные этому, представлялось совершенно невозможным. Как, несомненно, не смог бы критически оценить любитель мальчиков этого скверного юного полубога, сидевшего сейчас в ногах его постели.

– Доктор Роберт не знал, что вы отправились на Ренданг? – спросил он.

– Знал, разумеется. Об этом знали все. Я отплыл туда, чтобы привезти обратно свою матушку. Она гостила там у каких-то своих родственников. И мне было поручено сопровождать ее домой. Все обстояло совершенно официально.

– Тогда почему вы не хотели, чтобы я сообщил о нашей там встрече с вами?

Муруган колебался ровно секунду, а потом посмотрел на Уилла вызывающе.

– Потому что не желал огласки факта своей встречи с полковником Дипой.

Ах, так вот в чем дело!

– Полковник Дипа потрясающая личность, – сказал он вслух, закидывая сладкую наживку в расчете завоевать доверие собеседника.

Рыбка клюнула с поразительно наивной быстротой. Сумрачное прежде лицо Муругана вдруг засветилось энтузиазмом, и внезапно перед Уиллом возник Антиной во всей своей противоречивой прелести.

– Я считаю его восхитительным, – сказал он и впервые с того момента, когда вошел в комнату, как показалось, заметил существование Уилла, одарив его самой дружелюбной улыбкой.

Восхищение полковником заставило его забыть о неприятных ощущениях, сделало возможным, пусть ненадолго, полюбить всех – даже этого отталкивающего незнакомца, которому пришлось отдать долг благодарности, наступив на собственное горло.

– Посмотрите, как много он сделал для Ренданга!

– Он, несомненно, приносит Рендангу немалые блага, – согласился Уилл несколько уклончиво.

Облако набежало на сиявшее только что лицо Муругана.

– Здесь так не считают, – сказал он, нахмурившись. – Они полагают, что он ужасен.

– Чье это мнение?

– Да практически всеобщее!

– И потому не хотят, чтобы вы встречались с ним?

С выражением лица хулиганистого школьника, натянувшего «нос» в спину отвернувшемуся учителю, Муруган триумфально усмехнулся:

– Но они-то думают, что я неотлучно находился при матушке.

Уилл ухватил суть сразу.

– Стало быть, ваша мама знает, что вы видите с полковником? – спросил он.

– Конечно.

– И не возражает против этого?

– Она всегда только «за».

Но это нисколько не поколебало уверенности Уилла, что он не ошибся относительно Адриана и Антиноя. Неужели женщина настолько слепа? Или просто не хочет замечать очевидного?

– Но если даже она не против, – заметил он вслух, – то почему должны возражать доктор Роберт и остальные?

Муруган окинул его взглядом, исполненным подозрительности. Сообразив, что вторгся слишком далеко на запретную территорию, Уилл поспешил прибегнуть к отвлекающему маневру.

– Неужели они опасаются, – спросил он со смехом, – что он может сделать вас сторонником военной диктатуры?

Уловка блестяще удалась, и лицо юноши расслабилось в очередной усмешке.

– Не совсем этого, – ответил он, – но чего-то подобного. Все так глупо, – добавил он, пожав плечами. – Тонкости идиотского протокола.

– Протокола? – Уилл искренне удивился.

– А вам ничего обо мне не рассказывали?

– Я слышал только то, что говорил о вас вчера доктор Роберт.

– То есть что я – обычный студент? – Муруган залился смехом, откинув голову назад.

– Разве быть студентом так уж смешно?

– Нет, нет, конечно, вовсе не смешно.

Мальчишка снова отвел взгляд. Наступило молчание. По-прежнему не поворачивая головы, он после паузы сказал:

– Причина, по которой я не должен встречаться с полковником Дипой, состоит в том, что он глава государства, и я тоже глава государства. Каждая наша встреча расценивается как акт международной политики.

– Что вы имеете в виду?

– Я Раджа острова Пала.

– Раджа Палы?

– Да. С пятьдесят четвертого года. Тогда умер мой отец.

– Значит, вашу матушку, насколько я понимаю, зовут Рани?

– Точно так. Моя мать – Рани.

«Направляйся прямиком во дворец». А тут сам дворец прямиком направился к нему. Провидение явно оставалось на стороне Джо Альдегида и трудилось на него сверхурочно.

– Вы были старшим сыном? – спросил Уилл.

– Единственным сыном, – ответил Муруган, а потом, чтобы жирнее подчеркнуть свою уникальность, добавил: – Единственным ребенком вообще.

– Так что никаких сомнений быть не может, – сказал Уилл. – Бог ты мой! Тогда мне следует называть вас «ваше величество»! Или по крайней мере использовать обращение «сэр».

Он говорил почти сквозь смех, но надо было видеть, с какой серьезностью и внезапно обретенным королевским достоинством отозвался на его слова Муруган.

– Вам нужно будет использовать подобные обращения, начиная с конца следующей недели, – заявил он. – После моего дня рождения. Мне исполнится восемнадцать. Это возраст, когда Раджа Палы вступает в свои полномочия. А до тех пор я всего лишь Муруган Майлендра. Обычный студент, изучающий все понемногу, включая процесс ухода за растениями. – Он презрительно осклабился. – Видимо, для того, чтобы, когда придет время, я знал, что мне делать.

– А что вы собираетесь делать, когда придет время? – Уилл находил предельно комичным контраст между этим миловидным Антиномом и столь важным положением, которое ему предстояло занять. – Какие действия вы предпримете? – продолжал он в том же шутливом тоне. – Всем врагам головы долой? *L'Etat c'est Moi*¹⁵.

Серьезный тон и королевское достоинство не допускали глумления, и последовал упрек:

– Не надо этих ваших глупостей!

Уилл, которого разбирало любопытство, оказался готов немедленно извиниться:

– Прошу прощения, но мне лишь хотелось узнать, насколько абсолютной вы собираетесь сделать свою власть?

– Пала – конституционная монархия, – с суровым видом ответил Муруган.

– Другими словами, вы станете лишь номинальным главой государства. Как английская королева, которая царствует, но не управляет страной.

– Нет, нет! – почти завизжал Муруган, забыв о достоинстве будущего монарха. – Совсем не так, как в Англии. Раджа Палы не просто занимает трон, он реально правит.

Слишком взволнованный, чтобы усидеть на месте, Муруган вскочил на ноги и принялся расхаживать по комнате.

– Да, он правит в рамках конституции, но, Богом клянусь, он руководит государством!

Муруган подошел к окну и посмотрел наружу. А когда повернулся к Уиллу снова после непродолжительного молчания, его лицо словно отлили в новую форму. Оно приобрело выражение хорошо знакомой психологической ущербности, что выглядело отчасти символичным.

– Я им всем покажу, кто здесь настоящий босс! – Причем и сама фраза, и тон, которым он ее произнес, были явно позаимствованы у героя какого-то тупого американского гангстерского боевика. – Эти люди думают, что мной можно манипулировать, – продолжал он цитировать до невозможности заезженный сценарий, – как дурили моего папашу. Но здесь они глубоко заблуждаются! – И он зловеще осклабился, мотая своей неуместно красивой сейчас головой. – Очень глубоко заблуждаются, – повторил он.

Слова он цедил сквозь стиснутые зубы, почти не двигая губами и выставив нижнюю челюсть вперед, как у нарисованных преступников из комиксов; глаза горели холодным огнем в щелках прищуренных век. Выглядел он одновременно и абсурдно, и пугающе. Антиной превратился в карикатуру на всех жестких парней, какими их показывали в фильмах категории «Б» с незапамятных времен.

– Кто же управлял страной в годы вашего малолетства? – спросил теперь Уилл.

– Кучка престарелых ретроградов, – уничижительно отозвался Муруган. – Кабинет министров, Палата представителей и те, кто представлял меня лично, то есть Раджу, – так называемый Тайный совет.

– Бедные старые ретрограды! – сказал Уилл. – Их скоро ожидает шок, какого они не переживали никогда в жизни! – Легко переходя на тот же тон, он рассмеялся. – Остается надеяться, что я все еще буду здесь, чтобы лично увидеть, как это произойдет.

Муруган тоже залился смехом, но не как злорадствующий «жесткий парень», а с той внезапной сменой настроения и открытой веселостью, которая, как предвидел Уилл, и помешает ему в будущем играть роль киношного бандита в реальной жизни.

– Шок, какого они еще не знали в жизни, – повторил он с довольным видом.

¹⁵ «Государство – это я» (фр.). Фраза, приписываемая Людовику XIV.

– У вас уже есть конкретные планы?

– Естественно, есть, – ответил Муруган, и на его подвижном лице выражение шаловливого школьника сменилось важностью государственного деятеля, доброжелательно, но чуть снисходительно отвечающего на вопросы участников пресс-конференции. – Основной приоритет: модернизация страны. Посмотрите, чего добились на Ренданге за счет поступлений от нефти.

– Но разве Пала не получает доходов от нефтяных концессий? – Уилл с невинным видом изобразил полнейшую неосведомленность, которая, как показывал годами накопленный опыт, неизменно становилась лучшим методом вытянуть информацию из людей чванливых, но не слишком далеких.

– Ни пенса, – ответил Муруган. – А между тем южная оконечность острова просто пропитана этим черным золотом. Но за исключением нескольких мелких скважин для удовлетворения внутренних нужд старые ретрограды ничего больше не желают предпринимать. Но что еще хуже, они и других не подпускают к подобным проектам. – Государственный деятель снова начал злиться; в его голосе и в выражении лица опять появились намеки на образ «жесткого парня». – А ведь нам поступало множество предложений. От «Нефтяной компании Юго-Восточной Азии», от «Шелл», от «Ройял датч», от «Стэндард» из Калифорнии. Но треклятые дряхлые старики и слушать ничего не хотят.

– И вы не можете убедить их рассмотреть предложения?

– Я скоро, черт возьми, заставлю их это сделать, – заявил «жесткий парень».

– В вас силен боевой дух! – А потом как бы невзначай Уилл спросил: – А какое предложение приняли бы вы сами?

– Полковник Дипа сотрудничает с калифорнийской «Стэндард» и считает, что нам надо последовать его примеру.

– Я бы не стал ограничиваться одной опцией, не рассмотрев условий, предлагаемых конкурентами.

– Таково и мое мнение. Как моей матушки.

– Очень мудро с вашей стороны.

– Мама – сторонница «Нефтяной компании Юго-Восточной Азии». Она знакома с их председателем совета директоров лордом Альдегидом.

– Она знакома с лордом Альдегидом? Удивительное совпадение! – Нотки радостного удивления приятной неожиданностью звучали с неотразимой убедительностью. – Джо Альдегид и мой друг тоже. Я пишу для его газет. И даже выступаю в качестве его неофициального представителя. Частного советника. Строго конфиденциально, конечно же, – добавил он. – Между нами: именно поэтому мы и поехали посмотреть на разработки меди. Торговля этим металлом – одна из побочных составляющих деловой империи Джо. Но его подлинная любовь – нефть.

Муруган напустил на себя вид прожженного дельца.

– Что он будет готов нам предложить?

Уилл ухватил намек на лету. И отвечал в лучшем стиле нефтяных магнатов из кино:

– Столько же, сколько «Стэндард», и немного сверх того.

– Вижу, у вас правильный подход к вопросу. – Муруган словно читал свою реплику из заранее написанного сценаристом диалога.

Затем в разговоре наступила длительная пауза. А когда он заговорил снова, это звучало как часть интервью главы государства для иностранной прессы.

– Поступления от нефти, – сказал он, – будут нами использованы следующим образом. Двадцать пять процентов от всех доходов будет выделено на преобразование мира.

– Могу я полюбопытствовать, – спросил Уилл с видом крайней заинтересованности, – каким образом вы предполагаете преобразовать мир?

– Посредством Духовного Крестового Похода. Вы знаете о Духовном Крестовом Походе?
– Разумеется. Разве найдется человек, который о нем не знает?
– Это величайшее всемирное движение, – очень серьезно сказал государственный деятель. – Как в эпоху раннего христианства. Оно основано моей матушкой.

Уилл изобразил на лице восторг и восхищение с легкой примесью удивления.

– Да, именно моей матушкой, – повторил Муруган и добавил внушительно: – Я полагаю, что это – единственная надежда человечества.

– Согласен, – кивнул Уилл Фарнаби. – Полностью согласен.

– Таким образом нами будут использованы первые двадцать пять процентов нефтяных доходов, – продолжал правитель страны. – Остальное пойдет на интенсивную программу индустриализации. – Его тон снова изменился. – Старые идиоты допускают развитие промышленности лишь в строго ограниченных местах, оставляя остальную территорию острова в том виде, в каком она существовала тысячелетиями.

– А вы хотели бы внедрить промышленность повсеместно? Индустриализация ради индустриализации?

– Ни в коем случае. Индустриализация для блага страны. Индустриализация с целью превратить Палу в сильную державу. Чтобы заставить другие народы считаться с нами. Взгляните на Ренданг. Через пять лет они будут способны сами производить все винтовки, пушки и боеприпасы, которые им требуются. Правда, уйдет значительно больше времени, прежде чем они смогут наладить выпуск танков. А пока они легко имеют возможность покупать их у фирмы «Шкода» за нефтяные деньги.

– А сколько времени им понадобится, чтобы соорудить собственную водородную бомбу? – с иронией спросил Уилл.

– Они не станут даже пытаться, – серьезно ответил Муруган. – В конце концов, водородная бомба далеко не единственное мощное оружие. – Эту фразу он произнес с особым нажимом; становилось понятно, что «мощное оружие» было ему особенно по вкусу. – Есть еще химические и бактериологические вооружения – полковник Дипа называет их атомной бомбой для бедных. Первым предприятием, которое я построю, будет завод по производству инсектицидов¹⁶. – Муруган рассмеялся и подмигнул собеседнику. – Если вы можете производить инсектициды, то без труда перепрофилируете производство на нервно-паралитический газ.

Уиллу сразу же припомнилась все еще недостроенная фабрика в окрестностях Ренданг-Лобо.

– Что это? – спросил он полковника Дипу, пока их «Мерседес» пролетал мимо.

– Предприятие для выпуска инсектицидов, – ответил полковник, светясь дружелюбной белозубой улыбкой. – Скоро мы будем экспортировать его продукцию по всей Юго-Восточной Азии.

В тот момент он, конечно, принял слова полковника за чистую монету. Но теперь... Уилла внутренне передернуло. Что ж, полковники остаются полковниками, а мальчишки – даже такие, как Муруган, – остаются мальчишками, обожающими играть в войну. И никогда не будет недостатка работы для специальных корреспондентов, идущих по следам гибели людей.

– Значит, вы собираетесь значительно усилить паланскую армию? – спросил Уилл.

– Усилить? Нет. Мне придется ее создать. Пала не имеет своей армии.

– Вообще?

– Абсолютно никакой. Они здесь все пацифисты. – В звуке «пэ» отчетливо прозвучало отращение, а в «эс» шипело безграничное презрение. – Все нужно будет начинать с нуля.

– То есть милитаризация пойдет рука об руку с индустриализацией, я верно вас понял?

– Совершенно верно.

¹⁶ Химических препаратов для уничтожения вредных насекомых.

Уилл рассмеялся.

– Назад в Ассирию! Вы войдете в анналы истории подлинным революционером.

– Я бы очень хотел на это надеяться, – сказал Муруган. – Потому что именно такой и будет моя политика – Перманентная Революция.

– Превосходно! – Уилл выдал ему порцию аплодисментов.

– И я лишь продолжу революцию, начатую более ста лет назад прадедом доктора Роберта, когда он прибыл на Палу, при содействии моего еще более отдаленного предка, который помог осуществить первые реформы. Многие из того, чего они тогда добились, вызывает неподдельное восхищение. Хотя далеко не все – это тоже не стоит забывать. – Он раздал свои оценки, а потом с нелепой напыщенностью школьника, получившего роль Полония в любительской постановке «Гамлета» в конце учебного года, покачал кудрявой головой с видом глубочайшего неодобрения. – Но они по крайней мере что-то делали. А сейчас нами правит кучка косных консерваторов, предпочитающих не предпринимать ничего. Застывшие в примитивной разновидности консерватизма, они и пальцем не пошевелинут, чтобы привнести в страну современные усовершенствования. А в своем радикальном консерватизме не хотят отказаться от устаревших и приносящих только вред замшелых революционных идей, не стремятся изменить то, что насущно нуждается в переменах. Они не желают реформировать реформы. Но я скажу вам без обиняков: некоторые из этих так называемых реформ вызывают только отвращение.

– К примеру, как я понимаю, в реформах нуждается, среди прочего, сексуальная жизнь? Муруган кивнул и отвернулся. К своему удивлению, Уилл заметил, что он покраснел.

– Приведите пример, – настойчиво попросил он.

Но Муруган не мог заставить себя пойти на окончательную откровенность.

– Обратитесь к доктору Роберту, – сказал он. – Поговорите с Виджайей. Они считают нынешнее положение дел образцовыми отношениями, совершенно естественными. И не только они, а все вокруг. И это одна из причин, почему никто не жаждет перемен. Им нужно, чтобы все продолжалось по-прежнему, так же отвратно и мерзко. Продолжалось вечно.

– Продолжалось вечно, – повторило благозвучное контральто, явно передразнивая Муругана.

– Мама! – Юноша вскочил на ноги.

Уилл повернулся и увидел в дверях комнаты крупную цветущую женщину, облаченную (довольно-таки безвкусно, подумал он; к такому лицу и телосложению больше подошел бы лиловый, пурпурный или электрического оттенка голубой цвет) в облако из белого муслина. Она стояла там с намеренно загадочной улыбкой, и лишь только одна мясистая смуглая рука с пальцами, унизанными кольцами, была поднята вверх, упираясь в косяк двери. Это была поза великой актрисы, всемирно известной оперной дивы, замершей при первом появлении на сцене, чтобы принять восхищенные аплодисменты поклонников, сидевших по ту сторону рампы. Позади нее, терпеливо дожидаясь своей очереди, стоял высокий мужчина в костюме из сизо-серого дакрона¹⁷, которого Муруган, как только разглядел позади массивной фигуры матери, приветствовал как мистера Баху.

Все еще скромно держась в тени, мистер Баху поклонился в ответ, но не вымолвил ни слова.

Муруган снова посмотрел на мать.

– Неужели ты пришла сюда пешком? Всю дорогу? – спросил он, и в его голосе звучал недоверчивый восторг, смешанный с заботой.

«Прийти сюда пешком! Это же совершенно невозможно!» – словно хотел выразить он своими вопросами. Но если она это сделала, то какое ей понадобилось мужество!

– Да, я проделала весь путь пешком, мой малыш, – ответила она с игривой нежностью.

¹⁷ Синтетическая ткань, популярная в 1960-х годах.

Поднятая рука женщины соскользнула вниз, обвила тонкое и стройное тело юноши, прижала его к себе, поглотив его фигурку в свободных складках материи у своей необъятной груди, а потом отпустила на волю.

– У меня вдруг проявился один из моих обычных Импульсов. – Как сразу заметил Уилл, она умела говорить так, что собеседник мог действительно слышать заглавные буквы в словах, которые ей хотелось выделить особо. – Мой Внутренний Голос сказал: «Отправляйся и познакомься с Незнакомцем в доме доктора Роберта. Иди же!» «Как, прямо сейчас? – спросила я. – *Malgré la chaleur?*¹⁸» А мой Внутренний Голос от таких вопросов быстро теряет терпение. «Придержи свой глупый язык, женщина, – сказал он. – Исполни то, что тебе велено». И вот я здесь, мистер Фарнаби.

С протянутой перед собой рукой, вся в облаке крепкого аромата сандалового масла она подошла ближе к нему.

Уилл склонился к толстым, сплошь покрытым драгоценностями пальцам и пробормотал нечто, заканчивавшееся словами «ваше высочество»...

– Баху! – окликнула она, пользуясь царственной прерогативой обращаться к любому просто по фамилии.

Откликаясь на давно ожидаемый вызов, актер второго плана тоже вошел в комнату и был представлен как Его Превосходительство Абдул Баху, посол Ренданга.

– Абдул Пьер Баху – *car sa mère est parisienne*¹⁹. Но английский он выучил в Нью-Йорке.

Он выглядит, подумал Уилл, пожимая послу руку, как Савонарола, но Савонарола с моноклем и в костюме от одного из лучших лондонских портных.

– Баху, – сказала Рани, – это Мозговой Трест Полковника Дипы.

– Если ваше высочество позволит мне высказать свое мнение, то это определение чрезвычайно льстит мне, но в нем содержится явная недооценка личности самого полковника.

Его манеры говорить и держаться были учтивыми почти до степени иронии, пародии на смирение и самоуничижение.

– Мозги, – продолжал Баху, – находятся в положенном им месте, то есть в голове. А что касается меня, то я – скорее часть симпатической нервной системы Ренданга.

– *Et combien sympathique!*²⁰ – подхватила Рани. – Но помимо прочего, мистер Фарнаби, Баху – это Последний Истинный Аристократ. Видели бы вы его загородную резиденцию! Это нечто из «Тысячи и одной ночи»! Стоит только хлопнуть в ладоши, и сразу шестеро слуг спешат исполнить ваше желание. Устраивается день рождения, и получается настоящий *fête nocturne*²¹ в саду. Музыка, напитки, танцующие девушки, двести одних только факельщиков. Жизнь Гаруна аль-Рашида, но со всеми современными удобствами.

– Звучит весьма завлекательно, – сказал Уилл, вспомнив деревни, через которые проезжал на белом «Мерседесе» полковника Дипы: хижины со сплетенными из прутьев стенами, мусор повсюду, дети, страдающие от офтальмии²², скелетообразные собаки, женщины вдоль дороги, сгибающиеся от непомерной тяжести своей ноши.

– И какой утонченный вкус, – не унималась Рани. – Столь высокоорганизованное сознание, но в придачу ко всему, – она понизила голос, – такое глубокое и точное понимание Божественной Сущности.

Мистер Баху склонил голову, и воцарилось молчание.

¹⁸ Несмотря на жару? (фр.).

¹⁹ Потому что его мать парижанка (фр.).

²⁰ И очень симпатичной! (фр.).

²¹ Праздник на всю ночь (фр.).

²² Воспалительное поражение глаз.

Муруган между тем придвинул стул. Даже не бросив назад и легкого взгляда, в своей королевской уверенности, что, согласно самой природе вещей, непременно найдется кто-нибудь и уберезет от оплошности и потери чувства собственного достоинства, Рани опустилась на сиденье всей тяжестью своих ста килограммов.

– Надеюсь, вы не воспринимаете мой визит как непрошеное вторжение? – обратилась она к Уиллу. Он заверил ее в обратном, но она продолжала извиняться. – Я бы непременно прислала уведомление, – говорила она, – попросила бы вашего согласия. Но мой Внутренний Голос твердил: «Нет, ты должна пойти сейчас же». Почему? Я даже не знаю. Но не сомневаюсь, что по ходу беседы мы это выясним.

Она уставилась на него своими большими навывкате глазами и загадочно улыбнулась:

– Но прежде всего скажите, дорогой мистер Фарнаби, как вы себя чувствуете?

– Как видите, мэм, я в прекрасной форме.

– В самом деле? – Вытаращенные глаза так пристально стали изучать его лицо, что ему стало немного неловко. – Как я понимаю, вы из тех героически стойких мужчин, которые будут заверять друзей, что с ними все прекрасно, уже лежа при смерти.

– Вы мне льстите, – сказал он. – Но если честно, я действительно в хорошей форме. Что невероятно, принимая во внимание все обстоятельства. Это почти чудо.

– Чудо, – сказала Рани, – это именно то слово, которое я употребила, когда услышала о вашем спасении. Это и было настоящее чудо.

– «Удача повернулась ко мне лицом, и Провидение хранило меня», – снова процитировал Уилл строку из «Едгина».

Мистер Баху хотел рассмеяться, но, заметив, что Рани не уловила юмора и не знала источника цитаты, передумал. Вместо смеха он вовремя разразился громким кашлем.

– Как это верно! – воскликнула Рани, ее густое контральто завибрировало от волнения. – Провидение всегда хранит нас. – А когда Уилл вопросительно вздернул брови, пояснила: – Я имела в виду тех, кто добился Истинного Понимания. – Заглавная «И», заглавная «П». – И это так, даже когда все вокруг, кажется, оборачивается против нас – *même dans le désastre*²³. Вы, конечно же, владеете французским языком, мистер Фарнаби?

Уилл кивнул.

– Французские фразы чаще приходят мне на ум быстрее, чем на родном языке, чем на английском или на паланском, после стольких лет в Швейцарии, – объяснила она. – Сначала училась там в школе. И потом, когда здоровье моего бедного малыша настолько пошатнулось, – похлопала она Муругана по обнаженной руке, – что нам пришлось отправиться туда и пожить в горах. И это лишнее подтверждение моих слов, что Провидение всегда хранит нас. Как только мне сообщили, что моему маленькому мальчику грозит туберкулез, я забыла все, чему когда-то училась. Я была вне себя от страха и тревоги. Я даже винила Бога за то, что Он допустил такое. Меня поразила Непозволительная Слепота! Мой малыш поправился, а те годы, что мы провели среди Вечных Снегов, стали самыми счастливыми в нашей жизни, не так ли, милый?

– Самыми счастливыми в жизни, – согласился юнец, и это прозвучало действительно почти искренне.

Рани торжествующе улыбнулась, сложила свои полные красные губы и чуть слышно чмокнула ими, послав сыну воздушный поцелуй.

– Видите, мой дорогой Фарнаби, – продолжала она, – видите? Это же настолько очевидно. Ничто не происходит по воле Случая. Существует единый Великий План, а в пределах Великого Плана бесчисленное количество мелких планов. Некое предназначение для каждого из нас.

– Верно, – вежливо сказал Уилл. – Очень верно подмечено.

²³ Даже в бедствии (фр.).

– Было время, – хотелось закончить свой рассказ Рани, – когда я понимала это только через мой интеллект. А теперь знаю сердцем и душой. Я добилась настоящего... – Она сделала паузу на мгновение, словно готовясь произнести мистическую заглавную букву. – Понимания.

«И к тому же она обладает дьявольскими способностями экстрасенса», – вспомнил он еще один отзыв о ней Джо Альдегида. И уж конечно, кому было не знать об этом, как давнему участнику спиритических сеансов Джо.

– Насколько мне известно, мэм, – сказал Уилл, – вы от природы наделены сверхъестественными навыками?

– С момента рождения, – охотно признала она. – Но главное было приобретено путем обучения и тренинга. Надо ли говорить, что обучалась я Иной Науке...

– Иной науке?

– Да, я постигала жизнь человеческого Духа. Когда ты движешься этим Путем, все сидхи²⁴, дары экстрасенса и чудесной силы развиваются сами по себе.

– Неужели это правда?

– Моя мама, – гордо заверил его Муруган, – может творить фантастические вещи.

– *N'exagérons pas, chère*²⁵.

– Но ведь это правда, – настаивал Муруган.

– Да, это правда, – вмешался посол, – что могу подтвердить я тоже. Хотя и с некоторой неохотой, – добавил он с приниженным видом. – Я всю жизнь относился к подобным фактам скептически, и мне не может нравиться, когда на моих глазах происходит невозможное. Но к несчастью, я не обучен скрывать истину. Так сказать, болезненно честен. И когда невозможное в самом деле происходит у меня на глазах, я вынужден *malgré moi*²⁶ подтверждать, что стал свидетелем данного события. Ее Высочество действительно умеет делать фантастические вещи.

– Что ж, если вам больше нравится называть это так, я не могу возражать, – сказала Рани, просияв от удовольствия. – Но никогда не забывайте, Баху, никогда не забывайте главного. Сами по себе чудеса ничего не значат. Важна лишь Другая Истина. Та, к которой приходишь в конце Пути.

– После Четвертой Инициации, – уточнил Муруган. – Моя мама...

– Дорогой! – Рани поднесла палец к губам. – Есть вещи, о которых не следует говорить вслух.

– Извини, – сказал юноша.

Воцарилось продолжительное и тягостное молчание.

Рани закрыла глаза, и мистер Баху, позволив моноклю вывалиться из глаза, уважительно последовал ее примеру, обратившись в образ Савонаролы, погруженного в безмолвную молитву. Что происходило за этой суровой и почти бесплотной маской погруженности в воспоминания? Уиллу оставалось лишь смотреть и гадать.

– Могу я поинтересоваться, – спросил он потом, – как вам удалось, мэм, впервые найти Путь?

Секунду-другую Рани ничего не говорила, продолжая сидеть с закрытыми глазами и с улыбкой Будды на устах, исполненной таинственного блаженства.

– Провидение вывело меня на него, – ответила она после паузы.

– Да, это мне понятно. Но ведь должно было что-то произойти. Сопутствующее событие, соответствующее место и время, нужный человек.

– Хорошо, я вам обо всем расскажу.

²⁴ Окультиные и парапсихологические способности.

²⁵ Не преувеличивай, дорогой (фр.).

²⁶ Против своей воли (фр.).

Ее веки поднялись, и он снова обнаружил устремленный на себя пристальный немигающий взгляд этих ее ярких, чуть выпученных глаз.

Местом оказалась Лозанна. Временем – первый год обучения Рани в Швейцарии. А нужным человеком, так сказать, инструментом обращения стала милая маленькая мадам Бюлоз. Милая маленькая мадам Бюлоз приходилась женой милому старенькому профессору Бюлозу, а престарелый профессор Бюлоз стал тем человеком, попечению которого была предоставлена после тщательного наведения справок и мучительных раздумий единственная дочь ныне покойного султана Ренданга. Профессору тогда уже исполнилось шестьдесят семь лет, он преподавал геологию и принадлежал к столь суровой протестантской секте, что если бы не позволял себе бокал кларета за ужином, молился лишь дважды в день и строго придерживался единобрачия, то жил бы почти по мусульманским законам. Под надзором такого опекуна принцесса Ренданга получила бы стимул для интеллектуального развития, пребывая в моральной и религиозной чистоте. Но султан в своих расчетах не принял во внимание возможного влияния жены профессора. Мадам Бюлоз было только сорок; полноватая, сентиментальная, кипящая живой энергией женщина, она официально принадлежала к тому же протестантскому течению, что и муж, но по секрету стала с некоторых пор новообращенной и потому особенно горячей последовательницей теософии. В небольшой комнатке на верхнем этаже одного из высоких домов в районе площади Рипон располагалось святилище, куда, как только выпадало свободное время, она отправлялась, чтобы делать дыхательные упражнения, практиковаться в концентрированной медитации и поднимать «кундалини»²⁷. Нелегкий труд! Но и награда за него оказалась необычайно велика. Однажды в предутренний час жаркого лета, пока милый старый профессор ритмично похрапывал двумя этажами ниже, она вдруг осознала Присутствие: Наставник Кут Хуми явился ей.

Рани сделала в своем повествовании впечатляющую паузу.

– Невероятно, – сказал мистер Баху.

– Невероятно, – эхом послушно повторил Уилл.

Рани продолжила свою историю. Предельно счастливая мадам Бюлоз не в силах была долго хранить свой секрет. Началось с туманных намеков, потом последовал доверительный рассказ, а дальше – приглашение в молельню и курс обучения. Причем за очень короткое время Кут Хуми начал уделять больше внимания юной ученице, нежели когда-либо удостоивал ее учительницу.

– И с того дня по сегодняшний, – подытожила она, – наставник помогает мне Двигаться Вперед.

Двигаться вперед, задался вопросом Уилл, но куда? Одному Куту Хуми известно. Но куда бы она ни двигалась, к чему бы ни шла, ему это не нравилось. На ее крупном, излучавшем здоровье лице появилось выражение, которое вызвало в нем острую неприязнь, – выражение властного покоя, величавой и непоколебимой самоуверенности. Станным образом она напомнила ему Джо Альдегида. Джо принадлежал к числу тех счастливых магнатов, которые, не ведая тревог и сомнений, получали чистое удовольствие от своих денег, от власти и влияния, которые можно было за эти деньги купить. А сейчас – пусть окутанная в белые одежды, мистику и чудеса – перед ним предстала другая представительница породы Джо Альдегида: женщина-магнат, захватившая и монополизировавшая рынок, но только не соевых бобов и не меди, а Чистой Духовности и Неземных Наставников, и уже потирала руки в предвкушении выгод от использования своих завоеваний.

– Приведу пример, как Он руководит мной, – продолжала Рани. – Восемь лет назад, а если быть точной, то двадцать третьего ноября 1953 года Наставник явился мне во время утренней Медитации. Явился Лично, во всем Блеске Славы. «Время начинать великий Крестовый

²⁷ В эзотерике – энергия, заключенная в основании позвоночника.

Поход, – сказал Он. – Всемирное Движение во имя спасения Человечества от самоуничтожения. И ты, дитя мое, станешь его Вдохновительницей и Главой». «Я? Моя миссия – возглавить всемирное движение? Но это же странно, – пыталась возражать я. – За всю свою жизнь я не произнесла ни одной публичной речи. Не написала ни строчки для публикации. Никогда не обладала способностями лидера и организатора». «И тем не менее, – сказал он (осенив меня одной из своих неопишимо красивых улыбок), – тем не менее именно ты начнешь Крестовый Поход – Всемирный Духовный Крестовый Поход. Над тобой начнут издеваться, называть дурочкой, умалишенной, больной. Но собаки лают, а Караван идет. Начав с всеобщего посмешища, с самого малого, Духовный Крестовый Поход призван стать Огромной Величиной. Орудием Добра, силой, которая в результате и Спасет Мир». И на этом Он покинул меня, оставив как громом пораженной, сбитой с толку, испуганной. Но все это ничего не значило; я была обязана подчиниться. И я подчинилась. А что произошло потом? Я стала выступать с речами – Он даровал мне красноречие. Я взяла на себя бремя лидерства, потому что Он невидимо всегда был рядом. И люди пошли за мной. Я попросила помочь, и деньги полились рекой. Вот как все начиналось и что из этого вышло.

Она всплеснула руками жестом самоуничтожения и улыбнулась своей мистической улыбкой. «Всего лишь простая женщина, – словно хотела сказать она, – но я не принадлежу себе. Мой Владыка и Наставник – Кут Хуми».

– Вот что из этого вышло, – повторила она.

– Да, вот что из этого вышло благодаря вам, – с восхищением сказал мистер Баху, – и возблагодарим Бога за это.

После продиктованной тактом паузы Уилл спросил Рани, всегда ли она продолжала практиковать то, чему ее так судьбоносно обучила в своем святилище мадам Бюлоз.

– Всегда, – ответила она. – Я не смогла бы жить без Медитаций, как не могу обойтись без Еды.

– Но разве это не стало затруднительно после замужества? Я имею в виду тот период, пока вы не вернулись в Швейцарию. Должно быть, на вас легло столько утомительных официальных обязанностей?

– Не говоря уже о неофициальных, – вздохнула Рани, и один только тон все сказал о ее негативном отношении к характеру покойного мужа, его мировоззрению и сексуальным привычкам. Рани уже открыла рот, чтобы развить эту тему, но потом снова закрыла его и посмотрела на Муругана. – Милый! – позвала она.

Муруган, поглощенный полировкой ногтей на пальцах левой руки кожей открытой ладони правой, вздрогнул и посмотрел на нее с виноватым видом.

– Да, мама?

Не обращая внимания на полировку ногтей и откровенное невнимание к тому, о чем она рассказывала, Рани с улыбкой окинула его влюбленным взглядом.

– Будь ангелом, – попросила она, – сходи и пригони сюда машину. Мой Внутренний Голос что-то ничего не говорит о том, что я должна пешком вернуться в свое бунгало. Здесь всего несколько сотен ярдов, – пояснила она для Уилла, – но при таком зное и в моем возрасте...

Ее слова напрашивались на льстивый комплимент, но если ей было слишком жарко возвращаться назад, то, как почувствовал Уилл, ему в такую жару потребовалось бы чрезмерное усилие, чтобы собрать достаточно энергии для убедительной демонстрации фальшивой искренности. К счастью, рядом находился профессиональный дипломат и достаточно опытный придворный, чтобы прикрыть нехватку рвения у журналиста. Мистер Баху разразился раскатистым смехом, а потом извинился за неожиданный приступ веселья.

– Но, право же, это так забавно! «В моем возрасте...» – повторил он и снова расхохотался. – При том, что Муругану нет еще восемнадцати, а мне к тому же известно, какой юной была принцесса Ренданга, когда вышла замуж за Раджу Палы.

Муруган тем временем послушно поднялся и поцеловал матери руку.

– Теперь мы сможем говорить более свободно, – сказала Рани, когда он вышел из комнаты. И она заговорила свободно, всем своим видом: выражением лица, тональностью голоса, вытаращенными глазами и даже легкой дрожью в теле – выражая свое крайнее неодобрение.

*De mortuis...*²⁸ Она не могла сказать о своем покойном муже ничего плохого, за исключением того, что, при всем уважении, он был типичным паланцем, истинным представителем своей страны. А печальная правда состояла в том, что под такой гладкой, такой сияющей кожей жителей Палы скрывалась ужасающая гниль.

– Стоит мне только подумать, что пытались они сделать с моим мальчиком два года назад, когда я отправилась во всемирное турне с целью пропаганды идеи Духовного Крестового Похода! – Она в ужасе воздела руки, зазвенев многочисленными браслетами. – Для меня это была мука – расстаться с ним так надолго, но Наставник послал меня с великой Миссией, а Внутренний Голос подсказал, что не стоит брать своего малыша с собой. Он и так слишком долго жил за границей. Пришло время лучше узнать страну, которой ему предстоит править. И потому я решила оставить его здесь. Тайный совет назначил комитет опекунов. Двух женщин, у которых подрастали такие же мальчики, и двух мужчин, одним из которых, как должна с сожалением констатировать (и она действительно говорила скорее печально, нежели злобно), стал доктор Роберт Макфэйл. Так вот, чтобы не вдаваться в лишние детали, скажу сразу: стоило мне благополучно покинуть пределы страны, как эти самые милейшие опекуны, которым я доверила своего Малыша, своего Единственного Сыночка, взялись систематически – я подчеркиваю, систематически, мистер Фарнаби, – подрывать мое влияние на него. Они предприняли попытку разрушить все здание Морали Духовных Ценностей, которое я прилежно возводила многие годы.

Не без тайного злорадства (поскольку он сразу понял, что имеет в виду эта женщина) Уилл изобразил на лице негодование. Все здание моральных и духовных ценностей? Но ведь никто не мог быть добрее, чем доктор Роберт и остальные, ни один самый истовый самаритянин не принес бы столько блага самым безыскусным и эффективным способом.

– Я не отрицаю их доброты, – сказала Рани, – но в конце концов доброта не является единственным достоинством личности.

– Разумеется, нет, – согласился Уилл и перечислил все те качества, которыми столь явно не обладала сама Рани. – Есть еще искренность. Не говоря уже о правдивости, скромности, самоотверженности...

– Вы забыли о Чистоте, – сказала Рани сурово. – Чистота – фундамент всего. Чистота – это *sine qua non*²⁹.

– Но как я понял, здесь, на Пале, они так не считают.

– Вот именно – не считают.

И она продолжила плакаться о том, как ее несчастного малыша намеренно повергли в нечистоту и даже активно подталкивали на связь с одной из этих слишком рано повзрослевших развращенных девиц, которых на Пале развелось в последние годы слишком много. А когда обнаружили, что он не из тех легкомысленных мальчишек, которые стремятся соблазнить девушку (ведь Рани воспитала в нем убеждение в Святости самой природы Женщины), то заставили девицу приложить все усилия, чтобы соблазнить его.

«Добилась ли девушка успеха? – гадал Уилл. – Или же Антиной уже тогда был надежно защищен от посягательств противоположного пола маленькими дружками одного с ним возраста или еще более надежно и эффективно зрелым, опытным и властным педерастом? Каким-нибудь швейцарским предшественником полковника Дипы?

²⁸ Начало крылатой латинской фразы «О мертвых либо хорошо, либо ничего».

²⁹ То, без чего нельзя обойтись (лат.).

– Но это еще не самое страшное. – Рани понизила голос до испуганного театрального шепота. – Одна из матерей из опекунского комитета – матерей, обращаю на это ваше особое внимание, – посоветовала ему взять курс уроков.

– Какого рода уроков?

– Того, что они именуют эвфемизмом «Любовь». – Она наморщила нос так, словно почувствовала запах из канализационного люка. – Уроки, представьте себе, – ее отвращение сменилось открытой злостью, – которые преподает не девушка, а Женщина.

– Боже милостивый! – воскликнул посол.

– Боже милостивый! – покорным эхом повторил за ним Уилл.

Он понимал, что женщины постарше были в глазах Рани гораздо более опасными конкурентками, чем самые развратные из юных дев. Хорошая и умелая учительница любви становилась равной матери, имея при этом чудовищно несправедливое преимущество, потому что могла не опасаться перейти запретную черту кровосмешения.

– Они обучают... – Рани колебалась, но потом продолжила: – Они обучают Особым Способам.

– Что это за способы? – поинтересовался Уилл.

Однако она не могла заставить себя описывать столь отталкивающие подробности. Да в этом и не было необходимости, потому что Муруган (благослови Господь его непорочную душу!) отказался их слушаться. Аморальные уроки, которые бы преподавала женщина, годившаяся ему в матери, – от самой по себе идеи его тошнило. И ничего удивительного. Его взрастили в священном почитании Идеальной Чистоты.

– Они проповедуют Брахмачарью, если вы знаете, что это такое.

– Знаю, – ответил Уилл.

– И это еще одна причина, почему его болезнь стала неожиданным благом, словно была ниспослана Свыше. Не думаю, что мне удалось бы воспитать его таким на Пале. Здесь его на каждом шагу подстерегали бы дурные влияния. Силы, борющиеся против Чистоты, против Семьи, даже против Материнской Любви.

Последнее замечание привлекло интерес Уилла.

– Они реформировали даже вопросы материнства?

Она кивнула:

– Вы себе представить не можете, насколько далеко здесь все зашло. Но Кут Хуми знал, каким опасностям мы подвергнемся на Пале. И что же происходит? Мой Малыш заболевает, и врачи отправляют нас в Швейцарию. Подальше от стези Греха.

– Но как же тогда получилось, – спросил Уилл, – что Кут Хуми позволил вам отправиться в Крестовый Поход? Неужели он не предвидел событий, которые начнутся, как только вы уедете?

– Он предвидел все, – сказала Рани. – Соблазны, сопротивление, массированную атаку всех Сил Зла, а потом – в самый последний момент – спасение. Долгое время, – объяснила она, – Муруган не давал мне знать о том, что происходит. Три месяца под давлением Сил Зла оказались для него невыносимы. Он начал с намеков, вот только я была слишком поглощена Миссией, порученной мне Наставником, чтобы понять их. Но кончилось тем, что он написал мне письмо, где все рассказал откровенно – в деталях. Тогда я отменила последние четыре лекции в Бразилии и помчалась домой с такой скоростью, на какую только способен современный реактивный самолет. Неделью спустя мы уже снова оказались в Швейцарии. Только я и мой Малыш. Наедине с Наставником.

Она закрыла глаза, и на ее лице отобразилось выражение злобного и торжествующего экстаза. Уилл от омерзения отвел глаза в сторону. Эта самозваная святая, эта спасительница человечества, эта хищная мать, буквально пожиравшая свое дитя, – неужели же она никогда, ни на мгновение не могла увидеть себя со стороны? Такой, какой видели ее другие? Имела ли она

хоть какое-то внятное представление, что сотворила и продолжала творить со своим бедным и не слишком умным, все еще очень юным сыном? Ответом на первый вопрос могло служить четкое «нет». А по поводу второго оставалось только гадать. Возможно, она действительно и простодушно не ведала, каким воспитала сына. Но с другой стороны, могла четко все понимать. Понимала, но предпочитала происходившее у Муругана с полковником Дипой передаче его обучения в руки другой женщине. Женщина была способна заменить ее; полковник с этой точки зрения не представлял опасности.

– Муруган рассказал мне, что собирается реформировать так называемые реформы.

– Я денно и нощно молю Бога об этом, – сказала Рани тоном, который напомнил Уиллу о его деде, архидьяконе. – Прошу Всевышнего наделить его необходимыми Силой и Мудростью.

– А что вы думаете о его прочих проектах? – спросил Уилл. – О нефти? О промышленном развитии? Об армии?

– Я не слишком сильна в экономике и политике, – ответила она с легким смехом, призванным напомнить, что он все-таки разговаривал с персоной, прошедшей Четвертую Инициацию. – Спросите Баху, как он смотрит на все это.

– Я не имею права высказывать свое мнение, – возразил посол. – Будучи иностранцем и, более того, официальным представителем зарубежной державы.

– Ну, не такая уж она и зарубежная, – сказала Рани.

– Только в ваших глазах, мэ. И как вам известно, в моих тоже. Но если встать на позиции членов правительства Палы, то я – стопроцентный иностранец.

– Разве это мешает вам иметь личный взгляд? – сказал Уилл. – Не стоит только, думаю, излишне одобрять ортодоксальную линию местных властей. Кстати, – добавил он, – я нахожусь здесь не при исполнении профессиональных обязанностей. Вы не дадите мне интервью, многоуважаемый посол. Все сказанное здесь останется строго между нами и не будет опубликовано.

– Значит, не для обнародования в печати, это раз, а я буду высказываться только от себя лично, не отражая официальной точки зрения, это два. В таком случае могу заявить, что считаю нашего юного друга абсолютно правым.

– А это, безусловно, подразумевает, что политику нынешнего паланского руководства вы считаете абсолютно неправильной.

– Абсолютно неправильной, – повторил мистер Баху, и аскетическая маска Савонаролы неожиданно осветилась лукавой улыбкой Вольтера. – Абсолютно неправильной, но только потому, что она настолько безукоризненно правильна.

– Правильна? – с негодованием воскликнула Рани. – В каком смысле?

– Абсолютно правильна, – объяснил Баху, – потому что ведет к верно рассчитанной цели: сделать каждого мужчину, каждую женщину, каждого ребенка на этом зачарованном острове настолько свободными и счастливыми, насколько такое вообще возможно.

– Но они дают Ложное Счастье! – выкрикнула Рани. – А такая свобода хороша лишь для Низших Существ.

– Я преклоняю голову, – сказал посол и действительно поклонился, – перед сверхъестественно проникновенным зрением Вашего Высочества. И все же для высоких или для низких существ, ложное или истинное, но счастье остается счастьем, а свобода – восхитительным ощущением. И не может быть сомнений в том, что политика, проведение которой начали родоначальники Реформ, с годами подверглась верной адаптации для достижения именно таких двух целей.

– Но на ваш взгляд, – спросил Уилл, – подобные цели нежелательны?

– Напротив, добиться их желал бы каждый из нас. Но вот только, к моему большому сожалению, они больше не вписываются в общий контекст, стали полностью не соотносимы с нынешней ситуацией в мире вообще и на самом острове Пала в частности.

– Вы считаете их более не соотносимыми с положением в мире сейчас, чем когда реформаторы впервые начали свою работу в интересах счастья и свободы людей?

Посол кивнул:

– В те изначальные дни Палы словно еще вовсе не существовало на карте мира. А потому идея превращения острова в оазис счастья и свободы имела смысл. Пока оно не соприкасается с внешним миром, идеальное общество само по себе возможно. И Пала могла существовать, как было задумано, я бы сказал, года примерно до 1905-го. А потом в течение жизни всего одного поколения мир претерпел радикальные перемены. Кинематограф, автомобили, аэропланы, радио. Массовое производство, массовые убийства, массовые коммуникации, но превыше всего – массы сами по себе. Все больше и больше людей в непрерывно разрастающихся трущобах на окраинах огромных городов. К 1930 году любой внимательный и вдумчивый наблюдатель уже знал, что для трех четвертей человеческой расы свобода и счастье стали почти недостижимы. Сегодня, то есть тридцать лет спустя, они недостижимы окончательно. А тем временем внешний мир все ближе окружал маленький островок счастья и свободы. Окружал постепенно, но неуклонно, делаясь все ближе и ближе. И то, что когда-то было осуществимой идеей, становится нежизнеспособным.

– Значит, Пале придется измениться? Таков ваш вывод?

Мистер Баху вновь кивнул:

– Измениться радикально.

– Коренным образом, – произнесла Рани, с садистским аппетитом наслаждаясь фразой.

– По двум очевидным причинам, – продолжал мистер Баху. – Во-первых, потому что для Палы становится невозможным отличаться от остального мира. А во-вторых, потому что несправедливо быть устроенными иначе, чем остальной мир.

– Несправедливо, если люди свободны и счастливы?

Рани вновь выдала вдохновенную тираду по поводу ложного счастья и низшей формы свободы.

Мистер Баху терпеливо выслушал ее, а потом снова повернулся к Уиллу.

– Да, несправедливо, – настойчиво повторил он, – бросать свой благословенный образ жизни как вызов в лицо окружающему океану горестей. Недопустимое высокомерие – противопоставлять себя остальному человечеству. В известном смысле это даже богохульство.

– Бог, – пробормотала Рани почти сладострастно. – Бог...

Потом вдруг открыла глаза.

– Эти люди на Пале, – объявила она, – даже в Бога не верят. Они верят в Гипнотизм, Пантеизм и Свободную Любовь.

Каждое слово она словно выплевывала с отвращением.

– Стало быть, теперь вы хотите и их сделать несчастными в надежде, что это вернет им веру в Бога? – спросил Уилл. – Что ж, это один из давно проверенных способов религиозного обращения. Быть может, сработает и на этот раз. Хотелось бы только, чтобы цель оправдала средства. – Он пожал плечами. – Но я вижу, что к лучшему или к худшему, независимо от того, как это воспримут обитатели Палы, а перемены все равно произойдут. Не нужно быть пророком для предсказания успеха проектов Муругана. Он оседлал волну будущего. А волна будущего, как ясно всем, – это и поток сырой нефти в том числе. Кстати, – он повернулся к Рани, – как мне сказали, вы знакомы с моим старым приятелем Джо Альдегидом?

– Вы тоже знаете лорда Альдегида?

– И очень хорошо.

– Так вот почему мой Внутренний Голос проявил такую настойчивость! – Снова прикрыв глаза, женщина улыбнулась себе самой и медленно стала кивать. – Теперь Я Все Поняла. – И тут же, сменив тон: – Как поживает мой дорогой друг? Он изменился?

– Нет, по-прежнему верен себе, – ответил Уилл.

– Рада слышать. Это редкий человек! *L’homme au cerf-volant* – такое прозвище я ему дала.

– Мужчина с воздушным змеем? – недоуменно спросил Уилл, по-настоящему заинтригованный.

– Он работает здесь, внизу, среди нас, – объяснила она, – но в руке он держит веревку, к другому концу которой привязан воздушный змей, и этот змей стремится подняться все выше и выше и Выше. И потому даже в процессе работы он чувствует постоянный Зов Оттуда, подвержен Тяге к Небесам, ощущает, как Дух непрерывно и упорно пытается властвовать над плотью. Подумайте об этом! Деловой человек, великий Капитан Промышленности, но в то же время для него единственно важным в жизни представляется Бессмертие Души.

Все встало на свои места. Эта женщина говорила об одержимости Джо Альдегида спиритизмом. Он вспомнил о еженедельных сеансах с мистером Хардботтлом, автоматистом³⁰; с миссис Пим, чьим контактом в потустороннем мире был индеец из племени кайова по имени Боубу; с мисс Тьюк, трубным оракулом, которая скрипучим шепотом выдавала речи оракула, а их стенографировала личная секретарша Джо: «Покупай австралийский цемент, не волнуйся по поводу падения акций «Брекфаст фудз», сбрось сорок процентов своего пакета акций в резиновой промышленности и вложи деньги в «Ай-би-эм» и «Вестингауз»...»

– Он когда-нибудь рассказывал вам, – спросил Уилл, – о покойном биржевом маклере, который всегда знал, как поведет себя рынок акций на текущей неделе?

– Сидхи, – кивнула Рани снисходительно. – Заурядные сидхи. А чего еще можно ожидать? В конце концов, он всего лишь Начинаящий. И в нынешней жизни бизнес – его карма. Ему суждено было делать то, что он делал, делает сейчас и будет делать. А он будет делать, – добавила она после рассчитанной на эффект паузы, вслушиваясь в нечто с поднятым вверх пальцем и головой, склоненной набок. – В число того, что он будет делать, как подсказывает мне Внутренний Голос, войдут великие и чудесные проекты здесь, на острове Пала.

– Какой тонкий способ сказать: «Это то, чего я хочу добиться! Но не по собственной воле, а по Божественной, хотя, по счастливому совпадению, Бог всегда желает того же, что и я сама». – Уилл внутренне потешался, но сохранял серьезнейшее выражение лица. – А ваш Внутренний Голос не упоминает о «Нефтяной компании Юго-Восточной Азии»? – спросил он затем.

Рани снова вслушалась и закивала:

– Упоминает, и вполне отчетливо.

– Зато полковник Дипа, как я понял, упоминает лишь о компании «Стэндард оф Калифорния». Но, кстати, – продолжал Уилл, – почему вас на Пале должен волновать выбор нефтяного партнера полковником Дипой?

– Наше правительство, – звучно ответил мистер Баху, – рассчитывает на осуществление пятилетнего плана межостровного экономического сотрудничества и координации.

– И план межостровного сотрудничества предусматривает, что «Стэндард» получит монопольное положение?

– Только в том случае, если предложенные «Стэндард» условия окажутся более выгодными, чем у конкурентов.

– Проще говоря, – вмешалась Рани, – если не найдется никого, кто заплатит нам больше.

– Как раз перед вашим приходом, – сообщил ей Уилл, – я обсуждал этот вопрос с Муруганом. «Юго-Восточная нефть», сказал я, заплатит Пале любую сумму, которую «Стэндард» даст Рендангу, и доплатит немного сверх того.

– На пятнадцать процентов больше?

– Скажем, на десять...

– Сойдемся на двенадцати с половиной.

³⁰ Сторонник учения о неподконтрольности действий человека его сознанию.

Уилл посмотрел на нее восхищенно. Для той, кто приняла Четвертую Инициацию, она неплохо вела деловые переговоры.

– Джо Альдегид будет в голос орать в деловой агонии, – сказал он, – но в результате, уверен, вы получите свои двенадцать с половиной процентов.

– Это действительно станет весьма привлекательным предложением, – заметил мистер Баху.

– Единственная проблема будет состоять в том, что правительство Палы отвергнет его.

– Руководство острова, – сказала Рани, – скоро изменит свою политику.

– Вы так думаете?

– Я это знаю! – ответила Рани так, что не оставалось сомнений – информация поступила прямо из уст Наставника.

– Когда упомянутое вами изменение политики произойдет, – спросил Уилл, – не станет ли крайне полезно, если кто-то замолвит словечко за «Нефтяную компанию Юго-Восточной Азии» перед полковником Дипой?

В весьма обтекаемых выражениях, словно он выступал на пленарной сессии некой международной организации, мистер Баху обложил себя со всех сторон дипломатическими «подушками». С одной стороны, да, но с другой – нет. С этой точки зрения – белое, но если взглянуть иначе – определенно черное.

Уилл слушал с почтительным вниманием. Под маской Савонаролы, за моноклем аристократа, за дипломатическими словесами таился обычный левантийский делец, желавший комиссионных, мелкий чиновник, аккуратно вымогавший мзду. А эта королева духовности? Сколько следовало предложить ей за активную поддержку «Нефтяной компании Юго-Восточной Азии»? Немало, в этом он мог не сомневаться. Не *лично для нее* – нет, ни в коем случае! Для Духовного Крестового Похода во славу великого учителя Кута Хуми.

Мистер Баху между тем достиг кульминационной точки своего обращения к международной организации и верха ораторской ловкости.

– Таким образом, мы достигли договоренности, – говорил он, – что любые позитивные действия с моей стороны должны проявляться строго в рамках обстоятельств, тогда и в том случае, если данные обстоятельства сложатся нужным нам образом. Я доступно выражаю свою мысль?

– Предельно, – заверил его Уилл. – А теперь, – продолжил он с намеренно почти непристойной открытостью, – позвольте мне изложить свою позицию в данном вопросе. Все, что интересует меня, – это деньги. Две тысячи фунтов без особых усилий. Год свободы просто за помощь Джо Альдегиду проникнуть на Палу.

– Лорд Альдегид, – сказала Рани, – удивительно щедр.

– Удивительно, – согласился Уилл, – если принять во внимание мою незначительную роль в этом деле. Вот почему едва ли нужно распространяться о том, насколько более щедрым он будет к тем, кто сможет оказать ему значительно более масштабную помощь.

Наступило продолжительное молчание. Где-то вдалеке птица майна монотонно призвала к вниманию. Вниманию к алчности, вниманию к лицемерию, вниманию к вульгарному цинизму... В дверь постучали.

– Войдите, – откликнулся Уилл и повернулся к мистеру Баху. – Давайте продолжим этот разговор в другое время, – предложил он.

Мистер Баху кивнул.

– Войдите, – повторил Уилл.

Одетая в синюю юбку и короткий жакет без пуговиц, который оставлял ее живот обнаженным, но прикрывал пару округлых, как яблоки, грудей, в комнату энергичными шагами вошла девушка, едва вышедшая из школьного возраста. На ее гладком и смуглом лице самая дружелюбная улыбка подчеркивалась ямочками на обеих щеках.

– Я – медсестра Аппу, – начала она, – Радха Аппу. – Но потом, заметив гостей Уилла, смешалась: – О, простите, я не знала, что...

Она изобразила небрежный книксен в сторону Рани.

Мистер Баху сразу же галантно поднялся на ноги.

– Сестра Аппу! – воскликнул он радостно. – Мой юный ангел-хранитель из больницы в Шивапураме. Какой приятный сюрприз!

Уилл мгновенно понял, что для девушки сюрприз оказался далеким от приятного.

– Добрый день, мистер Баху, – сказала она уже без улыбки и быстро отвернулась, начав расстегивать принесенную с собой холщовую сумку.

– Ваше Высочество, вероятно, уже забыли, – сказал мистер Баху, – что прошлым летом мне пришлось лечь на операцию. Удаление грыжи, – уточнил он. – Так вот, эта юная леди приходила и делала мне обмывание каждое утро. Ровно в восемь сорок пять. И вот, исчезнув на долгие месяцы, она появляется снова!

– Синхронность, – вымолвила Рани тоном оракула. – Все это часть общего Плана.

– Я должна сделать мистеру Фарнаби укол, – сказала маленькая медсестра, больше не улыбаясь и не отрывая взгляда от своей медицинской сумки.

– Предписания врачей следует исполнять неукоснительно! – воскликнула Рани, явно фальшивя в роли королевы, игриво снисходящей до житейских мелочей. – К их распоряжениям нужно прислушиваться, а значит, следовать им. Но где же мой шофер?

– Твой водитель здесь, – раздался знакомый голос.

Красивый, как видение Ганимеда, в дверях стоял Муруган. На лице медсестры отобразилось удивление.

– Привет, Муруган... То есть Ваше Высочество. – Она исполнила еще одну пародию на книксен, которую можно было толковать и как знак уважения, и как издевку.

– О, привет, Радха, – отозвался парень, постаравшись, чтобы его слова прозвучали небрежно, и прошел мимо нее туда, где стояла его мать. – Автомобиль подан, – сказал он. – Или, точнее, так называемый автомобиль. – Саркастический смех. – Это малолитражный «Остин» 1954 года выпуска – почти антиквариат. Лучшее, что это высокочивилизованное государство может выделить для своих монархов. Между прочим, посол Ренданга ездит на «Бентли», – добавил он с горечью.

– Лимузин подадут мне по этому адресу через десять минут, – сказал мистер Баху, взглянув на часы. – Так что, если позволите, Ваше Высочество, я с вами попрощаюсь и еще немного задержусь здесь...

Рани протянула руку. Со всем пиететом истового католика, целующего перстень кардинала, он склонился над ней, затем выпрямился и обратился к Уиллу:

– Я позволил себе допущение, что мистер Фарнаби готов еще некоторое время терпеть мое общество. Вы разрешите мне чуть задержаться?

Уилл поспешил уверить посла, что будет только рад этому.

– И надеюсь, – кокетливо сказал Баху, адресуясь к Радхе, – что с медицинской точки зрения тоже нет возражений?

– С чисто медицинских – нет, – ответила девушка, явно подразумевая существование иных возражений, не имевших прямого отношения к медицине.

Поддерживаемая Муруганом, Рани поднялась со стула.

– Au revoir, mon cher Фарнаби, – сказала она, подавая ему свою увешанную драгоценностями руку. В ее улыбке светилась невероятная сладость, которую Уилл счел определенно угрожающей.

– До свидания, мэм.

Она повернулась, потрепала маленькую медсестру по щечке и выплыла из комнаты. Как шлюпка, привязанная к корме большого корабля, Муруган последовал за ней.

Глава шестая

– Ни черта себе! – буквально взорвалась маленькая медсестра, когда дверь за ними плотно закрылась.

– Полностью согласен с вами, – сказал Уилл.

Вольтеровский свет на мгновение вновь мелькнул на евангелическом лице мистера Баху.

– Ни черта себе! – повторил он. – Именно это выражение я слышал от одного английского школьника, когда он впервые увидел грандиозные египетские пирамиды. Рани производит точно такое же впечатление. Монументальное сооружение. Немцы называют таких eine grosse Seele³¹.

Свечение померкло, в лице узнавался только Савонарола, слова явно предназначались для публикации.

Маленькая сестра внезапно рассмеялась.

– Что здесь смешного? – спросил Уилл.

– Я вдруг представила себе египетскую пирамиду, облаченную в белый муслин, – выдохнула она между приступами смеха. – Доктор Роберт называет ее одежду мундиром мистика.

– Остроумно, очень остроумно! – сказал мистер Баху, но тут же дипломатично добавил: – Вот только не знаю, почему вы отказываете мистикам в праве носить мундиры, если им того хочется.

Медсестра сделала глубокий вдох, утерла с глаз слезы от смеха и начала приготовления к инъекции.

– Я точно знаю, о чем вы сейчас думаете, – сказала она Уиллу. – Вы считаете меня слишком молодой, чтобы хорошо справляться со своим делом.

– Вы угадали, я думал о том, насколько вы еще юная.

– У вас принято поступать в университеты в восемнадцать лет и учиться четыре года. Мы же начинаем в шестнадцать и продолжаем образование до двадцати четырех – половину времени занимает учеба, вторую – практическая работа. Я изучаю биологию и в то же время работаю уже два года. Так что я не такая уж неопытная дурочка, какой, наверное, кажусь. Без ложной скромности – я хорошая медсестра.

– Заявление, которое я готов лично и безоговорочно подтвердить, – сказал мистер Баху. – Мисс Радха не просто хорошая медсестра. Она – абсолютно первоклассная.

Но на самом деле он имел в виду, как был уверен Уилл, глядя на это лицо постоянно искушаемого монаха, что у мисс Радхи был первоклассный животик, первоклассный пупочек и первоклассная грудь. Но владелица всех этих первоклассных атрибутов явно с безразличностью воспринимала восхищение собой Савонаролы или по крайней мере тот способ, который он избрал, чтобы выразить его. Между тем отвергнутый однажды посол был готов с надеждой возобновить атаку. Впрочем, с надеждой, ни на чем не основанной.

После того как сестра Аппу разожгла спиртовку и поставила кипятиться иглу, она измерила пациенту температуру.

– Девяносто девять и две³².

– Это значит, что мне лучше удалиться? – поинтересовался мистер Баху.

– По крайней мере он не представляет опасности для вашего здоровья, – ответила девушка.

– Так что, пожалуйста, задержитесь еще, – попросил Уилл.

³¹ Великая Душа (нем.).

³² 37,3 градуса по Цельсию.

Медсестра вколола ему антибиотик, а потом достала из сумки бутылочку и размешала столовую ложку зеленоватой жидкости в половине стакана воды.

– Выпейте.

Вкус напоминал травяные настои, которыми фанатики здорового образа жизни часто заменяли себе чай.

– Что это было? – спросил Уилл, и ему сообщили: экстракт растущего в горах растения, родственного валерьяне.

– Средство помогает людям перестать беспокоиться, – объяснила маленькая медсестра, – не оказывая снотворного воздействия. Мы даем его всем идущим на поправку пациентам. В том числе в случаях нервных расстройств. Тогда оно тоже полезно.

– А кто я? Идущий на поправку или страдающий душевным недугом?

– И то и другое, – не колеблясь, ответила она.

Уилл громко рассмеялся.

– А я-то напрашивался на комплимент!

– Мне вовсе не хотелось показаться грубой, – заверила она. – Я лишь хотела подчеркнуть, что еще не встречала никого из внешнего мира, кто не имел бы некоторых душевных отклонений от нормы.

– Включая присутствующего здесь посла?

Но она ответила вопросом на вопрос:

– А вы сами как думаете?

Уилл переадресовал его мистеру Баху.

– Вы должны знать подобные вещи, – сказал он.

– Обсудите это между собой, а мне нужно пойти позаботиться об обеде для моего пациента, – засобиравшись медсестра.

Мистер Баху посмотрел ей вслед, затем позволил моноклю выпасть из глаза и стал методично протирать стекло носовым платком.

– У вас отклонение в одну сторону, – сказал он потом. – У меня в другую... Шизоид, кем вы являетесь для нее, а я, словно пришелец из другой части света, параноик. Мы оба жертвы чумы двадцатого столетия. Но только на этот раз не Черной Смерти, а Серой Жизни. Вас когда-нибудь влекла к себе власть? – спросил он после небольшой паузы.

– Никогда! – Уилл выразительно помотал головой. – Нельзя обладать властью, не отдавая себя ей целиком.

– А для вас страх полного поглощения перевешивает удовольствие распоряжаться судьбами других людей?

– В тысячекратной степени.

– То есть искушение властью никогда не посещало вас?

– Никогда, – повторил Уилл и сменил тему: – Но давайте вернемся к делу. – Тон он сменил тоже.

– К делу, – задумчиво произнес мистер Баху. – Тогда расскажите мне немного о лорде Альдегиде.

– С чего начать? Как верно подметила Рани, он удивительно щедр.

– Меня не интересуют его достоинства. Только интеллект. Насколько он, по-вашему, умен?

– Достаточно умен, чтобы понимать: никто ничего не делает за просто так.

– Уже хорошо, – сказал мистер Баху. – В таком случае передайте ему от меня, что для эффективной работы экспертов, занимающих стратегические позиции, он должен быть готов выложить по крайней мере в десять раз больше, чем он предложил вам.

– Я напишу ему письмо в этой связи.

– И сделайте это сегодня же, – посоветовал мистер Баху. – Самолет отправляется из Шивапурама завтра вечером, а потом почту будет невозможно отправить срочно целую неделю.

– Спасибо за информацию, – сказал Уилл. – А сейчас, когда Ее Высочество и наводящий на меня ужас подросток нас оставили, давайте перейдем к другому искушению. Как насчет секса?

Жестом человека, отбивающегося от тучи назойливых насекомых, мистер Баху помахал смуглыми и тощими руками перед своим лицом.

– Попытка слегка развлечься, не более того. Досадная, несколько унижительная осечка. Но разумный человек всегда легко справится с этим.

– Как же это сложно, – сказал Уилл, – понять пороки другого!

– Вы правы. Именно поэтому каждый должен держаться только того безумия, которое Бог счел необходимым проклятием именно для него. Ресса fortiter³³ – советовал Лютер. Но не забывайте! Предавайтесь только своим грехам и не лезьте в чужие. А превыше всего избегайте поступать так, как делают люди на этом острове. Не пытайтесь вести себя, словно вы полностью разумны, душевно здоровы и добры от природы. Мы все – слабые грешники на борту одного вселенского корабля, который к тому же постепенно идет ко дну.

– Но, несмотря на это, ни одной крысе не дозволено сбежать с него. Вы это хотите сказать?

– Некоторые из них могут время от времени предпринимать такие попытки. Но сбежать далеко им никогда не удастся. Сама история и другие люди обрекают их тонуть вместе с остальными. Вот почему у Палы нет ни малейшего шанса выстоять.

С подносом в руках в комнату вернулась юная медсестра.

– Буддийская пища, – сказала она, повязывая салфетку на шею Уиллу. – Все, за исключением рыбы. Но я решила, что в какой-то степени рыб по образу жизни можно приравнять к растениям.

Уилл принялся за еду.

– Помимо Рани и Муругана, да еще нас двоих, – спросил он, сделав паузу, – скольких еще людей извне вы когда-либо встречали?

– Дайте подумать. Была группа американских врачей, – ответила она. – Они прилетали в Шивапурам в прошлом году, когда я работала там в центральной больнице.

– Зачем они к вам пожаловали?

– Хотели понять, почему у нас так низка статистика неврозов и заболеваний сердечно-сосудистой системы. Ох уж эти доктора! – Она покачала головой. – Скажу вам правду, мистер Фарнаби, у меня от них в самом деле волосы встали дыбом на голове, как и у всех сотрудников больницы.

– Вы посчитали нашу медицину слишком примитивной?

– Неверное определение. Она не примитивна. На пятьдесят процентов она замечательная, а на остальные пятьдесят ее как бы вовсе не существует. Разработаны чудодейственные антибиотики, но нет методов для повышения сопротивляемости организмов, чтобы в антибиотиках отпала нужда. Они умеют делать фантастические хирургические операции, но не принимают ничего, чтобы научить людей прожить жизнь без необходимости оказаться в итоге на операционном столе. И так во всем. Пятерка с плюсом за лечение тех, кто уже заболел, но кол с минусом за сохранение здоровья населения. Если не считать современной канализации и синтетических витаминов, ничего не сделано для профилактики. Но в то же время каждый из них отлично знает поговорку, что болезнь лучше предотвратить, чем лечить.

– Но ведь лечение с профессиональной точки зрения намного интереснее профилактики, – сказал Уилл. – А для докторов оно еще и намного выгоднее.

³³ Окончание латинской фразы «Верь крепче и грехи смелее».

– Это верно только для ваших докторов, – возразила маленькая медсестра. – Но не для наших. Нашим платят больше за поддержание здоровья пациентов.

– Как же это возможно?

– Мы задавали подобный вопрос уже добрую сотню лет и нашли множество ответов. Химических ответов, психологических ответов. Ответов, которые заключаются в том, что человек ест, как он занимается любовью, в том, что он видит и слышит, каким образом ощущает свою роль в окружающем его мире.

– И какой же из ответов наиболее эффективен?

– Нельзя выделить что-то одно. Они максимально эффективны только в связи друг с другом.

– Значит, панацеи все-таки не существует?

– А как она может существовать?

И девушка процитировала стишок, который каждая медсестра заучивает наизусть в первый же день обучения:

Ты одна, а пациентов многие сотни, И тебе надо быть для всех них полезной. Но сначала вот что постарайся запомнить: Нет одной панацеи от всех сразу болезней.

– Как может существовать единое лекарство от недугов, имеющих столь разное происхождение? А потому и в профилактике, и в лечении мы атакуем болезнь на всех фронтах одновременно. На всех фронтах, – настойчиво повторила она. – От правильной диеты до самовнушения, от отрицательно заряженных ионов до медитации.

– Очень разумный подход, – прокомментировал Уилл.

– Возможно, даже слишком разумный, – сказал мистер Баху. – Вы когда-нибудь пытались внушить здравый смысл маньяку? – Уилл помотал головой. – А вот я однажды попробовал.

И он приподнял прядь седых волос, косо падавшую ему на лоб. Чуть ниже линии волос отчетливо проступал неровный шрам, до странности бледный на фоне темной кожи.

– По счастью для меня, бутылка, которой он меня ударил, оказалась достаточно хрупкой. – А потом, вновь уложив волосы, он обратился к маленькой медсестре: – Никогда не забывайте, мисс Радха: ничто так не бесит лишенного разума человека, чем попытки вразумить его. Пала – крошечный остров, полностью окруженный двумя миллиардами и девятью сотнями миллионов безумцев. А потому будьте поосторожнее со своим чересчур рациональным образом жизни. В стране сумасшедших нормальный человек никогда не станет королем. – Лицо мистера Баху снова определенно светилось лукавством Вольтера. – Его не коронуют. Его линчуют.

Уилл натянуто рассмеялся, а потом тоже обратился к юной медсестре:

– Неужели у вас совсем нет кандидатов для лечения в психиатрической больнице?

– Почему же? Их столько же, сколько и у вас. Я имею в виду – пропорционально численности населения. По крайней мере так говорится в наших учебниках.

– Стало быть, сама по себе жизнь в разумно устроенном обществе ничего не значит?

– Для людей, изначально предрасположенных к психозам, не значит. Они уже рождаются уязвимыми для заболевания. Мелкие проблемы, которые нормальный человек едва ли вообще замечает, приводят их к срыву. И мы только сейчас начали приближаться к пониманию, что вызывает предрасположенность к приступам. И учимся распознавать приближение срыва еще до его наступления. А стоит распознать его, как появляется возможность повысить сопротивляемость. Снова профилактика и, как в других случаях, по всем направлениям.

– Значит, все-таки родиться в разумном мире полезно даже для потенциальных психов?

– Да, а в том, что касается неврозов, мы уже добились значительного прогресса. У вас сейчас неврозом страдает один из каждых пяти или даже четырех. У нас – лишь каждый двадцатый. Тот, кто заболевает, получает лечение – на всех фронтах, а девятнадцать здоровых людей подвергаются профилактике, тоже на всех фронтах. Что еще раз напомнило мне о тех амери-

канских докторов. Трое из них были психиатрами, причем один беспрестанно курил сигары и говорил с немецким акцентом. Его выбрали для того, чтобы прочесть нам лекцию. И какую лекцию! – Маленькая медсестра зажала голову между ладонями. – Я никогда не слышала прежде ничего подобного.

– О чем же он говорил?

– О том, как они лечат людей с невротическими симптомами. Они никогда не атакуют болезнь на всех фронтах. Например, физиологический фронт для них просто не существует. За исключением рта и анального отверстия, их пациент словно вообще не имеет тела. У него нет организма, он родился без своего особого телосложения и без темперамента. У него есть только два конца пищеварительной системы, семья и психика. Но какую психику они рассматривают? Очевидно, что не сознание в целом, не сознание, каким оно является в действительности. Как могут они не принимать во внимание анатомии, биохимического состава и физиологии вообще? Мозг отделяется от тела – и только на этом фронте они ведут свою атаку. Но даже не по всему этому фронту. Мужчина с сигарами постоянно говорил о подсознании. Но все, на что они обращают при этом внимание, – это негативное подсознательное, тот мусор, от которого люди хотят избавиться, пряча его глубоко в подвале. И ни слова о позитивном подсознательном. Не предпринимается никаких попыток помочь пациенту открыться для приятия в себя жизненной энергии или Естества Будды. Они не учат его правильному восприятию повседневного бытия. Вы же знаете: «Здесь и сейчас, парни! Внимание». – Она имитировала голоса майны. – Эти люди позволяют несчастному невротiku барахтаться в укоренившихся дурных привычках, которые никогда не позволяют им целиком жить в настоящем времени. Все это чистой воды идиотизм! Хотя человека с сигарами даже это не может оправдать. Нет, он не идиот. Он умен, весьма умен. А тогда это не просто идиотизм. Здесь есть элемент добровольности, устремлений самого пациента – как напиться или заставить себя верить в полную ерунду только потому, что о ней говорится в Священном Писании. И посмотрите, что у них считается нормой. Трудно поверить, но для них человек нормален, если способен на оргазм и приспособление к обществу, в котором живет. – Юная медсестра снова сжала голову между ладонями. – Невероятно! Их не волнует, к чему приводят оргазмы пациента. Они не интересуются особенностями его чувств, мыслей, мировосприятия. И кстати, об обществе, к которому ты должен уметь адаптироваться. Это свихнувшийся мир или здоровый? И даже если он в достаточной степени здоров, разве нормально, что каждый должен совершенно одинаково и полностью приспособиться к нему?

С очередной загадочной улыбкой посол сказал:

– Кого Бог хочет уничтожить, он первым делом лишает разума. Или в качестве альтернативы, которая гораздо более эффективна, он сначала наделяет его здравым смыслом. – Мистер Баху поднялся и подошел к окну. – За мной прибыл автомобиль. Я должен вернуться в Шивапурам за свой рабочий стол. – Он повернулся к Уиллу и обратился к нему с долгой и цветистой прощальной речью, но потом отключил в себе посла: – Не забудьте написать письмо. Это очень важно! – Заговорщицки улыбнувшись, он потер большим пальцем руки о два других, словно отсчитывая невидимые купюры.

– Слава богу, – сказала маленькая медсестра, когда он ушел.

– В чем он провинился? – спросил Уилл. – Обычные мужские дела?

– Предлагать деньги той, с кем хочешь переспать, но она этого не желает. А потому повышать и повышать предложенную сумму. Так принято в стране, откуда он прибыл?

– Это у них древний обычай, – заверил ее Уилл.

– Могу только сказать, что мне он не понравился.

– Заметно. Но есть другой вопрос. Что у вас было с Муруганом?

– А почему вы спрашиваете?

– Из любопытства. Я понял, что вы встречались с ним прежде. Это было, когда он два года назад остался здесь без надзора матери?

– Откуда вы знаете?

– Мне напела об этом одна маленькая птичка. Хотя нет, вру, птица была очень больших размеров.

– Рани! В ее устах все превратилось, должно быть, в Содом и Гоморру.

– К несчастью, меня не посвятили в самые пикантные детали. Смутные намеки – больше я от нее ничего не услышал. О том, например, как некая перезрелая Мессалина давала уроки любви невинному мальчику.

– И как же он нуждался в подобных уроках!

– А еще речь шла о слишком рано повзрослевшей и развращенной девушке его возраста. Сестра Аппу рассмеялась.

– Вы с ней знакомы?

– Этой развращенной девушкой была я сама.

– Вы? Рани известно об этом?

– Муруган изложил ей факты, не называя имен. За что я должна быть благодарна ему. Понимаете, я действительно повела себя очень плохо. Потеряла голову из-за того, кого на самом деле не любила, и глубоко ранила действительно любимого человека. Как я могла быть настолько глупа?

– Сердцу порой не прикажешь, – сказал Уилл, – как и гормонам.

Они надолго замолчали. Уилл доел остатки холодной вареной рыбы и овощей. Сестра Аппу подала ему тарелку с фруктовым салатом.

– Вы никогда не видели Муругана в белой сатиновой пижаме, – сказала она.

– Я много потерял?

– Вы себе не представляете, как он красив в белой сатиновой пижаме. Человек просто не имеет права быть таким красивым! Это граничит с неприличием, не говоря уже о том, что дает незаслуженные преимущества.

Увидев его в той белой сатиновой пижаме, произведенной лучшей европейской фирмой, она потеряла голову окончательно. Потеряла настолько, что два месяца была сама не своя – превратилась в дурочку, бегавшую за человеком, который ее терпеть не мог, и отвернувшись от юноши, серьезно влюбленного в нее, кого она и сама прежде очень любила.

– И у вас получилось что-то серьезное с юнцом в пижаме? – поинтересовался Уилл.

– Мы даже добрались до постели, – ответила она. – Но стоило мне начать целовать его, как он выпрыгнул из постели и заперся от меня в ванной. И не выходил, пока я не подала ему через окошко пижаму и торжественно не пообещала больше к нему не приставать. Сейчас я уже могу посмеяться над этим, но тогда, скажу я вам, тогда... – Она помотала головой. – В то время это стало для меня подлинной трагедией. Должно быть, по моему виду они догадались, что происходило. Молодая да ранняя, развращенная девица явно не справлялась. Ему были необходимы регулярные уроки.

– Конец истории мне известен, – сказал Уилл. – Юнец пишет письмо матери, та мчится домой и срочно увозит его в Швейцарию.

– Да, они вернулись только месяцев шесть назад. Хотя почти половину времени проводят и сейчас на Ренданге в гостях у тетки Муругана.

Уилл чуть не обмолвился о полковнике Дипе, но вовремя вспомнил обещание, данное Муругану, и промолчал.

Из сада донесся свист.

– Прошу прощения, – сказала маленькая медсестра и подошла к окну. Потом радостно улыбнулась и помахала рукой. – Это пришел Ранга.

– Кто такой Ранга?

– Тот самый мой друг, о котором я упоминала. Он хотел бы задать вам несколько вопросов. Можно впустить его на минутку?

– Конечно.

Радха снова повернулась к окну и сделала приглашающий жест.

– Это означает, как я понимаю, что белая сатиновая пижама уже забыта?

Она кивнула.

– К счастью, трагедия оказалась всего в одном действии. Я взялась за ум так же быстро, как лишилась его. А когда это случилось, Ранга вновь оказался рядом, все такой же любящий и терпеливый.

Дверь распахнулась, и худощавый молодой человек в кедах и шортах цвета хаки вошел в комнату.

– Ранга Каракуран, – представился он, пожимая Уиллу руку.

– Если бы ты явился на пять минут раньше, – сказала Радха, – то имел бы удовольствие встретить мистера Баху.

– Он был здесь? – Лицо Ранги исказила гримаса отвращения.

– А чем уж он настолько плох? – спросил Уилл.

Ранга перечислил пункты обвинения:

– А: он нас ненавидит. Б: это безжалостный шакал полковника Дипы. В: неофициально представляет в стране все мировые нефтяные гиганты. Г: этот старый козел пытался ухлестывать за Радхой. И Д: он разъезжает по острову с лекциями о необходимости религиозного возрождения. Даже опубликовал книжку об этом, снабдив предисловием чуть ли не профессора факультета теософии Гарвардского университета. Все это часть злонамеренной кампании против независимости Палы. Дипа словно выпрашивает у Бога алиби. Почему преступники не могут честно заявить о том, что задумали? Но нет, им нужно замаскировать свои планы под идеалистическим словоблудием, от которого меня тошнит.

Радха протянула руку и трижды резко дернула его за ухо.

– Ах ты ж, маленькая... – начал он злиться, но тут же его настроение сменилось, и зазвучал смех. – Ты, разумеется, права, – сказал он. – И все равно могла бы тянуть не так больно.

– Вы всегда так поступаете, если он начинает слишком кипятииться? – спросил Уилл.

– Когда начинает кипятииться по пустякам и не вовремя. Или из-за того, что изменить не в его силах.

Уилл повернулся к юноше.

– А вам приходится когда-нибудь таскать ее за уши?

Ранга снова рассмеялся.

– Мне доставляет больше удовольствия отшлепать ее по одному месту, – ответил он. – Но, увы, она редко дает мне повод.

– Следует ли это понимать так, что она более выдержанна, чем вы?

– Более выдержанна? Я скажу вам без обиняков: она чрезмерно разумна.

– В то время как вы просто находитесь в пределах нормы?

– Не совсем. Мой баланс сдвинут чуть левее центра. – Он помотал головой. – Иногда я подвержен приступам жуткой депрессии. Сам себе кажусь ни на что не годным человеком.

– Хотя на самом деле, – вмешалась Радха, – он настолько хорош, что ему выделили стипендию для изучения биохимии в университете Манчестера.

– А что вы делаете, когда на него находит черная меланхолия, ощущение своей бездарности? Дергаете за уши?

– Это, конечно, тоже, – ответила она. – Хотя есть... Есть, скажем так, другие средства.

Она посмотрела на Рангу, Ранга посмотрел на нее, и оба прыснули со смеху.

– Понятно, о каких средствах речь, – сказал Уилл. – Вполне естественные методы. Но, принимая во внимание отношения между вами, – продолжал он, – неужели Ранга рад перспективе уехать с Палы на пару лет?

– Не слишком, – признал Ранга.

– Но он должен уехать, – твердо сказала Радха.

– А он будет счастлив, оказавшись там? – задался вопросом Уилл.

– Как раз об этом я и собирался расспросить вас, – сказал Ранга.

– Что ж, скажу сразу: климат вам не понравится, еда придется не по душе, вам будут не по вкусу шум и запахи большого города, как и его архитектура. Но могу гарантировать, что учиться будет интересно, и, возможно, вас удивит, как много вы встретите приятных в общении людей.

– А что по поводу девушек? – спросила Радха.

– Какой ответ вы желаете от меня услышать? – спросил он. – Утешительный или правдивый?

– Только правдивый.

– А правда, моя дорогая, заключается в том, что Ранга будет пользоваться бешеным успехом. Десятки девушек посчитают его совершенно неотразимым. И некоторые из них будут сами очаровательны. Как вы себя почувствуете, если он не устоит перед искушением?

– Буду только рада, что ему хорошо.

Уилл обратился к Ранге:

– А вы будете тоже довольны, если она тем временем найдет утешение в объятиях другого паренька?

– Хотел бы быть, – ответил он. – Но буду ли? Этого я пока не знаю.

– И вы не возьмете с нее клятвы хранить верность?

– Я не стану заставлять ее ни в чем клясться.

– Хотя она ваша девушка?

– Она девушка, которая принадлежит только самой себе.

– А Ранга – самому себе, – поддержала его маленькая медсестра. – Он волен делать то, что ему нравится.

Уилл вспомнил клубнично-розовый альков Бабз и громко расхохотался.

– Но прежде всего он волен делать то, что ему не нравится.

Он переводил взгляд с одного юного лица на другое и видел, что на него смотрят с изрядным удивлением. Пришлось ему сменить и тон, и улыбку.

– Простите, я совершенно забыл, – сказал он, – что среди вас есть человек сверхъестественно нормальный, а другой с легким сдвигом влево от центра. А потому вам никак не понять, о чем толкует этот умалишенный пришелец из внешнего мира. – И, не оставив им времени на возражения, спросил: – Скажите лучше, как давно... – Он прервался. – Вероятно, это слишком нескромный вопрос, и если это так, велите мне не совать нос в чужие дела. Но мне из чисто антропологического интереса хотелось бы знать, как давно продолжается ваша дружба? Сколько лет вы уже дружите?

– Вы имеете в виду, сколько лет мы просто дружим... или как давно стали любовниками? – спросила юная медсестра.

– И то и другое, раз уж мы заговорили об этом.

– Дружим мы с раннего детства. А спим вместе – если забыть тот жалкий эпизод с белой пижамой – с тех пор, как мне исполнилось пятнадцать с половиной, а ему – семнадцать. Где-то года два с половиной.

– И никто не возражал?

– С какой стати кому-то было возражать?

– И действительно, с какой стати? – эхом повторил Уилл. – Но факт остается фактом, что в той части мира, где живу я, возражал бы почти каждый.

– А если бы речь шла о двух юношах? – спросила Радха.

– Теоретически это было бы еще более предосудительно. Но на практике... Просто представьте себе, что происходит, когда пять или шесть сотен почти взрослых подростков запирают вместе в пределах одного интерната. У вас происходит что-нибудь подобное?

– Ну разумеется.

– Признаться, я удивлен.

– Удивлены? Чем же?

– Тем, что мальчикам разрешается влюбляться не только в девочек.

– Но одна форма любви не исключает другой.

– И обе полностью узаконены?

– Естественно.

– А потому никто не возмутился бы, узнай он, что Муругана интересуется другой юноша в пижаме?

– Нисколько, при условии, что между ними складывались бы хорошие отношения.

– Но к сожалению, – сказала Радха, – его мать так над ним поработала, что его не мог интересовать никто, кроме нее самой. Ну и самого себя, разумеется.

– Никаких мальчиков?

– Может быть, сейчас. Я просто не знаю. А в дни нашей с ним близости у него не было никого во всей вселенной. Только Мамочка, мастурбации и Высшие Наставники. Только джазовые пластинки, спортивные автомобили в журналах и гитлеровские идеи стать Великим Вождем, превратив Палу в то, что он называет Современной Державой.

– Три недели назад, – подхватил ее рассказ Ранга, – они с Рани были во дворце Шивапурама. И пригласили группу студентов университета прийти и послушать идеи Муругана – о нефти, об индустриализации, о телевидении, о вооружениях и о так называемом Духовном Крестовом Походе.

– Ему удалось обратить кого-то в свою веру?

Ранга помотал головой:

– Для чего нам менять нечто щедрое, доброе и бесконечно интересное на суррогат, который плох, скуден и скучен? Мы не чувствуем необходимости в ваших скоростных катерах или в телевидении. А еще меньше нужны нам ваши войны, революции, ваши возрождения и политические лозунги, весь метафизический нонсенс, который слышен повсюду, – от Рима до Москвы. Вы слышали когда-нибудь о Майтхуне? – спросил он.

– Нет. А что такое Майтхуна?

– Тогда лучше будет начать с истории вопроса. – И с педантизмом вчерашнего студента, которому поручили прочитать лекцию о том, что он сам узнал совсем недавно, он углубился в рассказ: – Буддизм пришел на Палу примерно тысячу двести лет назад, и пришел не с Цейлона, как легко можно было бы предположить, а из Бенгала, причем позже проникал через Бенгал уже непосредственно из Тибета. Результат: мы относимся к махаянистам, и наш буддизм пронизан различными тантрами. Вам знакомо понятие Тантры?

Уиллу пришлось признать, что он имеет и об этом весьма смутное представление.

– Сказать вам правду, – продолжал Ранга, и смех прорвался сквозь напускную маску педантизма, – я на самом деле знаю об этом едва ли больше вас. Тантра – необъятное понятие, и по большей части, как я догадываюсь, оно состоит из древнего вздора и суеверий, в которые нам нет нужды вдаваться. Но в основе лежит твердое и разумное основание. Если вы тантрист, вы не отвергаете внешний мир и не отрицаете его ценности, не пытаетесь погрузиться в нирвану, укрывшись от реальной жизни, как поступают представители Южной школы. Нет, вы принимаете мир, но используете его. Применяете все, что делаете в нем, все, что с вами

происходит, все, что вы видите и слышите, осязаете и пробуете на вкус с единственной целью – освободить свою личность из тюрьмы собственной ограниченности.

– Звучит привлекательно, – заметил Уилл тоном сдержанного скептицизма. – Но все это разговоры.

– Нет, за этим стоит гораздо большее. И как раз здесь заключается разница между вашей философией и нашей. – Юный педантизм сменился на столь же юный пыл прозелита. – Западные философы, причем даже лучшие из них, всегда не более чем великолепные мастера излагать свои мысли. Восточные мудрецы очень часто плохие ораторы и писатели, но это не имеет значения. Не в словах заключен смысл. Их философия прагматична и применима в жизни. Она подобна философии современной физики – только совершаемые операции чисто физиологические, а результаты трансцендентальны. Ваши метафизики, скажем, объясняют природу человека и вселенной, но не дают своим сторонникам возможности проверить свои объяснения на практике. Когда же мы делаем некое заявление, то прикладываем список упражнений для проверки достоверности того, о чем мы говорим. Например, «Тат Твам Ази» («Ты есть То» – то есть в тебе заключен Бог) – в этом заключен сам дух нашей философии. «Тат Твам Ази», – повторил он. – Звучит как метафизический постулат, но на самом деле имеется в виду психологический опыт и упражнения, путем которых подобный опыт может пережить каждый. Они описаны нашими философами. И любой, кто найдет в себе достаточно сил и желания проделать эти упражнения, может на себе проверить справедливость тезиса «Тат Твам Ази». Подобные упражнения называют то йогой, то дхьяной, то дзен, а в некоторых особых обстоятельствах – майтхундой.

– И это возвращает нас к изначальному вопросу. Что такое майтхуна?

– Быть может, лучше спросить об этом Радху?

Уилл повернулся к маленькой медсестре:

– Так что это?

– Майтхуна, – ответила она серьезно, – это йога любви.

– Священная или общедоступная?

– Не вижу разницы.

– В том-то и дело, – вставил реплику Ранга. – Когда занимаешься *майтхундой*, банальное становится сакральным.

– «*Buddhatvan yoshidyonisansritan*», – процитировала девушка.

– К черту ваш санскрит! Что это значит?

– Как бы ты перевел *Buddhatvan*, Ранга?

– Буддоподобие, Буддообразие. Познание бога.

Радха кивнула и снова повернулась к Уиллу:

– Это значит, что Буддоподобие заключено в *yoni*³⁴.

– В йони?

Уилл вспомнил, как покупал маленькие каменные эмблемы Вечной Женственности на сувениры девушкам в офисе у горбатого уличного торговца в Бенаресе. Восемь анн за черную йони, двенадцать – за еще более священный образ йонилингам.

– В буквальном смысле в йони? – спросил он. – Или только метафорически?

– Что за нелепый вопрос! – сказала маленькая медсестра и рассмеялась звонко и безыскусно в искреннем изумлении. – Неужели, по вашему мнению, мы занимаемся любовью метафорически? «*Buddhatvan yoshidyonianaritan*», – повторила она. – Смысл не может быть более буквальным и более точным.

– Вы слышали что-нибудь об общине Онеида? – спросил теперь Ранга.

³⁴ Санскритский символ, олицетворяющий женское принимающее начало, то есть лоно, влагалище.

Уилл кивнул. У него был знакомый американский историк, который специализировался на общинах девятнадцатого века.

– Но почему она известна вам? – спросил он.

– Потому что упоминается во всех наших учебниках прикладной философии. В основе своей майтхуна – это то же самое, что члены Онеиды называли Мужской Сдержанностью. А они следовали римским католикам с их *coitus reservatus*³⁵.

– *Reservatus*, – повторила юная медсестра, – это всегда меня смешит. Представляю себе молодого человека с его резервом. – На щеках снова появились ямочки, и сверкнула белозубая улыбка.

– Не глупи! – строго оборвал ее Ранга. – Мы говорим о серьезных вещах.

Она изобразила раскаяние. Но все же *reservatus* казалось ей очень забавным словом.

– Короче говоря, – заключил Уилл, – тот же контроль над рождаемостью, но без средств контрацепции.

– Но это далеко не все, – продолжал Ранга. – Майтхуна – это и нечто большее. Нечто гораздо более важное. – Педантичный студент снова дал о себе знать. – Вспомните, – он говорил очень серьезно, – один из моментов, о котором много писал Фрейд.

– Какой именно? Их очень много.

– О детской сексуальности. Что мы рождаемся и проходим период младенчества и детства с сексуальностью, сосредоточенной не в гениталиях. Сексуальность разлита в тот период по всему организму. Это рай, достаемый нам по наследству. Но мы теряем его по мере взросления. Майтхуна как раз и является намеренной попыткой вернуть себе этот рай. – Он повернулся к Радхе: – Твоя память лучше моей. Вспомни мысль Спинозы, которую цитируют в книгах по прикладной философии.

– «Научите свое тело быть способным на многие вещи, – воспроизвела она фразу. – Это поможет вам усовершенствовать сознание и так прийти к сознательной любви к Богу».

– Вот какой цели служат все разновидности йоги, – сказал Ранга. – Включая майтхуну.

– И это настоящая йога, – поспешила поддержать его девушка. – Она ничем не хуже раджа-йоги, или карма-йоги, или бхакти-йоги. На самом деле она даже лучше для многих людей. Майтхуна помогает им попасть туда.

– «Туда»? А где это? – спросил Уилл.

– Туда, где ты узнаешь.

– Узнаю о чем?

– Кто ты такой на самом деле. И хотите – верьте, хотите – нет, – добавила она, – *Tat tvam asi* – «Ты есть То». Где То означает Бог. А стало быть, и я тоже То. – Ямочки углубились, зубы сверкнули. – И он. – Она указала на Рангу. – Невероятно, правда? – Она показала возлюбленному язык. – И тем не менее это факт.

Ранга тоже улыбнулся, протянул руку и указательным пальцем прикоснулся к кончику ее носа.

– И не просто факт, а открывшаяся тебе истина. – Он слегка щелкнул ее по носу. – Так что выражайтесь яснее, девушка.

– В таком случае меня удивляет, – сказал Уилл, – что не всем нам открыта эта истина. Если вопрос лишь в том, чтобы заниматься любовью, применяя особые методы. Как вы ответите на это?

– Отвечу так... – начал Ранга.

Но девушка оборвала его.

– Лучше вслушайтесь, – сказала она. – Вслушайтесь!

³⁵ Сохраненный половой акт (лат.).

И Уилл вслушался. Глухо, издалека, но вполне отчетливо до него донесся странный нечеловеческий голос, который первым приветствовал его по прибытии на Палу.

– Внимание, – говорил он. – Внимание. Внимание...

– Снова эта треклятая птица!

– Но здесь и заключен секрет.

– Во внимании? Хотя всего лишь минуту назад вы утверждали, что это нечто иное. Как насчет того смешного молодого человека с его резервом любви? То есть с его сдержанностью?

– А это всего лишь помогает повысить внимание.

– И действительно помогает, – подтвердил ее слова Ранга. – А в этом весь смысл майтхуны. Вовсе не особая техника превращает физическую любовь в йогу. Техника только открывает путь к познанию. Познание – это чувства человека и элемент бесчувствия в каждом чувстве.

– Что такое бесчувствие?

– Сырой материал для будущих чувств, который предоставляет мне внешний мир.

– И вы способны обращать внимание не только на свою сущность, но и на внешний мир?

– Конечно.

Уилл повернулся к маленькой медсестре:

– Вы тоже?

– Да, на свою сущность, – ответила она, – но в то же время на то, что ею не является. Например, одновременно на сущность Ранги и окружающий его мир; на тело Ранги, на свое тело и все, что оно чувствует. Вбирая в себя и любовь, и дружбу. И понимая загадку другого человека – иногда совершенно незнакомого, который не только становится второй половиной тебя самого, но и составляет важный элемент окружающего мира – то есть «не-тебя». И непрерывно ты обращаешь внимание на все те вещи, что человеку, который считает себя сентиментальным (а в самом худшем случае – «духовным», как наша бедняжка Рани), показались бы лишенными романтики, неприятными и даже отталкивающими. Но они далеко не отталкивающие, потому что, как только ты осознаешь их во всей полноте, эти вещи становятся такими же красивыми, как и все остальное, такими же чудесными.

– Майтхуна – это дхьяна, – попытокнул Ранга. Новое слово, которое, в его понимании, объясняло все.

– Но что такое дхьяна? – спросил Уилл.

– Дхьяна – это созерцание.

– Созерцание...

Уиллу припомнился клубнично-розовый альков над Чаринг-Кросс-роуд. Созерцание едва ли стало бы тем словом, которое он избрал для описания происходившего в нем. Но, если вдуматься, даже там можно было обрести подобие освобождения. Отчуждение от изменяющейся окраски света рекламы джина «Портерз» становилось отчуждением от остального твоего бытия. Освобождением от любви, от интеллекта, от здравого смысла и общепринятых приличий – от всего осознанного, кроме безумной муки трупного света или розового сияния самой дешевой, самой вульгарной иллюзии. Он снова посмотрел на сиявшее личико Радхи. Как она счастлива! Какая демонстративная убежденность, но не в правоте мистера Баху, стремившегося сделать мир местом, где можно было бы грешить в полной безопасности, а в чем-то полностью противоположном: величавом и благословенном! Это выглядело глубоко трогательно. Но он отказывался чувствовать себя растроганным. *Noli me tangere*³⁶ – это был категорический императив. С усилием сменив фокусировку своего сознания, он сумел взглянуть на все ему описанное как на некий до смешного нелепый курьез, внушавший хотя бы некоторую уверенность в себе. Что нам делать во имя спасения? Ответ: трахаться! Обхохочешься.

³⁶ Не прикасайся ко мне (лат.).

Улыбаясь своей маленькой шутке, он спросил не без иронии:

– Вас обучали майтхуне в школе?

– Да, в школе, – ответила Радха совершенно невозмутимо, сразу заставив поникнуть его надутые раблезианским ветром паруса.

– Этому обучают всех, – добавил Ранга.

– И когда же начинается обучение?

– Примерно в одно время с тригонометрией и общей биологией. Примерно в пятнадцать или в пятнадцать с половиной лет.

– И когда ученики усваивают майтхуну, они заканчивают школу и женятся – то есть те, кто женится вообще?

– Да, так и есть, – кивнула Радха.

– И все еще практикуют ее?

– Не все, разумеется. Но очень многие.

– Постоянно?

– За исключением того времени, когда хотят зачать ребенка.

– А те, кто не желает заводить детей, но стремится не ограничиваться майтхунной, как поступают они?

– Существует контрацепция, – лаконично ответил Ранга.

– А противозачаточные средства доступны?

– Доступны? Да их распространяют по указу властей. Причем совершенно бесплатно. С них только взимается небольшой налог.

– В начале каждого месяца, – дополнила его слова Радха, – почтальон доставляет комплект на тридцать ночей.

– И дети не рождаются?

– Рождаются. Но только желанные. Ни у кого нет больше троих, а многим достаточно и двоих.

– В результате, – обратился Ранга к статистике и к неизбежному педантизму, – наше население увеличивается менее чем на треть процента в год. А на Ренданге рост почти как на Цейлоне – без малого три процента. В Китае он составляет два процента, а в Индии – одну целую и семь десятых.

– Я побывал в Китае всего месяц назад, – сказал Уилл. – Ужасно! В прошлом году провел четыре месяца в Индии. А до Индии посетил Центральную Америку, где рождаемость выше, чем на Ренданге и на Цейлоне. Вы когда-нибудь бывали в Ренданг-Лобо?

Ранга кивнул.

– Три дня на Ренданге, – объяснил он. – Если ты продолжаешь обучение после средней школы, это становится частью курса социологии. И тогда тебе дают возможность лично увидеть, как выглядит Внешний Мир.

– И каковы ваши впечатления от Внешнего Мира? – спросил Уилл.

Ему ответили вопросом на вопрос:

– Когда вы были в Ренданг-Лобо, вам показали трущобы?

– Наоборот, сделали все, чтобы я их не увидел. Но мне удалось ускользнуть.

Он живо вспомнил, как сумел ускользнуть на обратном пути в отель после пышного приема с коктейлями в министерстве иностранных дел Ренданга. Там собрались все, кто имел реальное значение и авторитет. Местные крупные чиновники и знаменитости с супругами – множество мундиров и орденов, «Диора» и изумрудов. Все важные иностранцы. Дипломатический корпус в полном составе. Британские и американские торговцы нефтью, шестеро представителей японской торговой миссии, дама-фармаколог из Ленинграда, два инженера из Польши, немецкий турист, оказавшийся кузеном Круппа фон Болена, загадочный американец из руководства огромного финансового консорциума, базировавшегося в Танжере, а кроме того, сия-

ющие от счастья и довольства жизнью четырнадцать чешских техников, прибывших в прошлом месяце с новым грузом танков, пушек и пулеметов фирмы «Шкода». «И это те люди, – говорил он себе, спускаясь по мраморным ступеням министерства иностранных дел на площадь Свободы, – это те люди, которые правят миром. Нас два миллиарда и девятьсот миллионов, но мы зависим от небольших группировок политиканов, нескольких тысяч магнатов, генералов и валютных спекулянтов. Они – цианид, отравляющий Землю, но цианид, который никогда не потеряет своего дурного запаха и привкуса».

После блеска светского приема, после смеха, манящего запаха канапе и духов «Шанель» переулки позади только что возведенного Дворца правосудия показались вдвойне темными и зловонными, а эти лачуги под пальмами авеню Независимости представились даже более забытыми Богом, чем тысячи вообще бездомных людей, которых он видел распластанными во сне подобно трупам прямо вдоль улиц Калькутты. И Уилл вспомнил маленького мальчика, скелетика со вздувшимся животом, которого он подобрал, всего в синяках и ссадинах, после падения со спины сестры – девочки чуть постарше, несшей его домой. Он взял его на руки и, следуя за девочкой, донес-таки до подвала без окон, который девять человек (он пересчитал в полумраке пораженные лишаем головы) называли своим домом.

– Сохраняя жизнь новорожденным, – сказал он, – излечивая больных, не давая канализационным стокам попадать в источники питьевой воды – так мы начинаем. То есть делаем вещи необходимые и полезные в основе своей. Но чем все кончается? Мы только умножаем сумму бедствий человечества и ставим под угрозу существование цивилизации. Все это похоже на какой-то вселенских масштабов розыгрыш, который, как кажется, очень веселит Бога.

И он посмотрел на молодых людей с одной из своих злобных и безжалостных ухмылок.

– Не надо вмешивать сюда Бога, – возразил Ранга, – и розыгрыш вовсе не вселенский. Он вполне земной и является делом рук самих людей. Эти вещи нельзя уподоблять гравитации или второму закону термодинамики. Они не обязательно должны существовать. У себя на Пале мы не допускаем ничего подобного, и потому розыгрыш на нас не распространяется. У нас прекрасно развита санитария почти с начала века, но мы избежали перенаселенности, мы не нищие, и нами не правит диктатор. А причина очень проста: мы предпочитаем жить разумно и реалистично.

– Как, черт побери, вы смогли сделать такой выбор? – спросил Уилл.

– Умные люди в нужное время сумели проявить лучшие качества своего интеллекта, – ответил Ранга. – Но следует признать: им, кроме того, очень повезло. И вообще, если взять Палу в целом, острову необычайно повезло. Прежде всего мы никогда не были ничьей колонией. Ренданг обладает великолепной естественной гаванью. И это привело к тому, что туда еще в Средние века вторглись арабы. У нас такой гавани не было, и арабы оставили нас в покое, а потому мы по-прежнему остаемся буддистами или шиваитами, не считая тантрических агностиков.

– К ним относитесь и вы сами, – поинтересовался Уилл, – к тантрическим агностикам?

– С приправой из махаяны, – внес поправку Ранга. – Но вернемся к Рендангу. После арабов туда пришли португальцы. А к нам – нет. Без гавани мы были португальцам неинтересны. Поэтому у нас нет католического меньшинства, никаких богохульных проповедей, что люди должны доводить себя до самоистязания и испытания веры бедностью, никакого организованного сопротивления контролю над рождаемостью. И это не единственная благодать, осенившая нас. После ста двадцати лет господства португальцев на Цейлон и Ренданг пришли сначала голландцы, а потом англичане. Мы избежали обеих эпидемий. А без голландцев и англичан мы не узнали, что такое жестокие плантаторы, нищенский труд кули, экспорт урожая тропических культур с целью обогащения, что означало бы систематическое истощение почвы острова. А кроме того, мы обошлись без виски, без кальвинизма, без сифилиса и без иностранных губер-

наторов. Нам предоставили возможность идти своим путем и самим нести ответственность за собственную судьбу.

– Вам воистину сказочно повезло.

– Но помимо невероятного везения, – продолжал Ранга, – нами правили удивительно мудрые люди – Муруган-Реформатор и Эндрю Макфэйл. Доктор Роберт рассказывал вам о своем прадеде?

– Буквально в нескольких словах, не более.

– Он говорил об истории создания Экспериментальной станции?

Уилл помотал головой.

– Экспериментальная станция, – сказал Ранга, – во многом связана с политикой поддержания численности населения. А началось все с голода. Прежде чем оказаться на Пале, доктор Эндрю несколько лет жил в Мадрасе. И на второй год его пребывания там не пришел сезон дождей. Урожай спалило солнце, пересохли не только водохранилища, но даже колодцы. За исключением англичан и богатой местной знати, все остались без пропитания. Люди умирали как мухи. В мемуарах доктора Эндрю есть знаменитая глава об этом бедствии. Сначала описание, а потом комментарий автора. Мальчишкой ему довелось выслушать немало проповедей, и, работая среди голодавших индийцев, он чаще всего вспоминал одну из них. «Не хлебом единым жив человек» – таков был текст, а проповедник столь красноречив, что сумел обратить в христианство сразу большую группу. «Не хлебом единым жив человек». Но и без хлеба, как он теперь убедился, не могли существовать ни разум, ни дух, ни внутренний огонь веры, ни сам Отец Небесный. А были только голод, отчаяние, апатия и под конец – смерть.

– Еще одна космическая шутка, – заметил Уилл. – И эту отпустил сам Иисус. «Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у не имеющего отнимется и то, что имеет»³⁷ – то есть последняя возможность остаться человеком. Не только самая жестокая божественная шутка, но и самая обыденная. Я сам видел, как ее жертвами становились миллионы мужчин и женщин, миллионы детишек по всему миру.

– Значит, вы сможете понять, почему та засуха произвела на доктора Эндрю столь неизгладимое впечатление. И он, как и его друг Раджа, преисполнился решимости сделать так, чтобы на Пале всегда было достаточно хлеба для всех. Поэтому у них возникла идея создания Экспериментальной станции. И тропический Ротамстед стал их великим достижением. Всего за несколько лет мы получили новые виды риса, кукурузы, проса и хлебного дерева. Были улучшены породы домашнего скота и птицы. Разработаны более совершенные методы культивации и получения компоста, а уже в пятидесятые годы XX века к востоку от Берлина мы построили первую фабрику для производства суперфосфата. Благодаря всем этим мерам люди стали лучше питаться, жить дольше, понизилась детская смертность. Через десять лет после создания Ротамстеда в тропиках Раджа провел перепись населения. Его численность оставалась стабильной почти сто лет. Но начала расти. И как предсказал доктор Эндрю, существовала угроза, что через пятьдесят или шестьдесят лет Пала превратится в подобие гнойника нищеты, каким стал в наши дни Ренданг. Что следовало предпринять? Доктор Эндрю вычитал идею у Мальтуса. «Если производство продуктов питания растет в арифметической прогрессии, то численность населения – в геометрической. У человечества существует только одна альтернатива. Либо отдать все на волю естественных факторов, и в таком случае проблема перенаселения будет решена старыми и хорошо известными методами: голодом, эпидемиями болезней и войнами. Либо (а Мальтус был священником) можно решить задачу, прибегнув к нравственному воздержанию».

– Нр-р-р-авственному воздер-р-р-ранию, – повторила маленькая медсестра с раскатыстым «эр», пародируя на местный лад произношение своего шотландского кумира.

³⁷ Евангелие от Матфея, 25:29.

– Нравственное возрождение! Но как нарочно, – добавила она, – доктор Эндрю тогда только что женился на шестнадцатилетней племяннице Раджи.

– А это, – продолжил свой рассказ Ранга, – стало поводом для пересмотра взглядов Мальтуса. Голод с одной стороны, воздержание – с другой. Не могло не найтись лучшего, более удовлетворительного и гуманного пути, чем мальтузианская альтернатива. Разумеется, существовали известные способы даже тогда: еще до эпохи эластичной резины и средств дезактивации сперматозоидов. Существовали мочалки и мыло. А кондомы производились из всех водонепроницаемых материалов – от промасленного шелка до овечьей слепой кишки. Целый арсенал примитивных средств контроля рождаемости.

– И как же Раджа со своими подданными реагировал на подобный арсенал? Вероятно, с ужасом?

– Вовсе нет. Они были примерными буддистами, а каждый правоверный буддист знает, что рождение есть лишь отложенная во времени смерть. Сделай все, чтобы соскочить с Колеса Рождения и Смерти самому, и ни в коем случае не возлагай на это колесо ни в чем не повинных жертв. Для хорошего буддиста контроль над рождаемостью имеет метафизический смысл. А для деревенской общины, выращивающей рис, еще и смысл чисто экономический. Необходимо достаточное количество молодых людей для работы в полях, чтобы прокормить старых и малых. Но если их слишком много, то еды не хватает ни им самим, ни дряхлым старикам, ни детям. В прежние времена супружеской паре приходилось рожать шестерых детей, чтобы выжили двое или трое. Но вот появились чистая вода и Экспериментальная станция. Выживали теперь пятеро из каждых шести младенцев. Стародавние традиции начали меняться. Единственные возражения против существовавших тогда контрацептивных средств вызывали их грубость и вульгарность. Но к счастью, нашлась более утонченная метода. Раджа принадлежал к тантристам и овладел йогой любви. Доктору Эндрю поведали о майтхуне, и как истинный ученый он согласился испытать ее. Он и его молодая жена получили необходимые инструкции.

– И каким оказался результат?

– Горячее одобрение.

– Такие чувства это вызывает у каждого, кто пробовал, – сказала Радха.

– Ну, ну, ну! Давай обойдемся без столь огульных обобщений! Кто-то воспринимает майтхуну с энтузиазмом, а некоторые сразу же отказываются от нее. Доктор Эндрю оказался в числе энтузиастов. Проблема подверглась длительному обсуждению. В результате было принято решение: средства предотвращения беременности должны уподобиться образованию в том смысле, что их следует сделать бесплатными и хотя не обязательными, но как можно более распространенными. А для тех, кто испытывал необходимость в чем-то более утонченном, ввели курс обучения йоге любви.

– Вы хотите сказать, что это было так просто?

– А почему нет? Никаких трудностей не возникло. Майтхуна не выходила за пределы ортодоксии. Людей не заставляли делать ничего, что шло вразрез с их религиозными убеждениями. Напротив, им предоставляли лестную возможность стать вровень с элитой, получив некие эзотерические познания.

– И упускаете из виду самый важный момент, – вновь вмешалась маленькая медсестра. – Для женщин, причем всех женщин (и не надо сейчас упрекать меня в огульном обобщении!), йога любви означает совершенствование, расширение границ самопознания и ощущение полноты жизни.

Наступила короткая пауза.

– А сейчас, – продолжила она уже другим, более деловым тоном, – настало время предоставить вам время для отдыха в сиесту.

– Прежде чем вы уйдете, – сказал Уилл, – я бы хотел написать письмо. Просто краткую записку своему боссу, чтобы поставить его в известность, что я жив и мне не грозит опасность быть съеденным туземцами.

Радха ненадолго зашла в кабинет доктора Роберта и вернулась с бумагой, карандашом и конвертом.

«Veni, vidi, – быстро стал писать Уилл. – Я потерпел кораблекрушение, но сумел познакомиться с Рани и ее сообщником с Ренданга, который обещает выполнить работу для нас в обмен на бакшиш в размере (он не постеснялся назвать сумму) двадцати тысяч фунтов. Могу ли я вести переговоры на подобных условиях? Если пришлете телеграмму: «Согласен с темой предложенной статьи», – назначу новую встречу с ним. Если текст будет: «Не советую торопиться с репортажем», – я прекращу контакты. Сообщите моей матери, что со мной все в порядке и скоро она получит подробное письмо».

– Вот, – сказал он, подавая надписанный и заклеенный конверт Ранге. – Могу я попросить вас купить для письма марку и отправить так, чтобы оно попало на завтрашний самолет?

– Сделаем все в лучшем виде, – ответил юноша.

Наблюдая за их уходом, Уилл почувствовал укол совести. До чего же милые молодые люди! А он, объединившись с мистером Баху и неотвратимыми силами истории, строил заговор, чтобы полностью разрушить их жизнь. Оставалось утешаться мыслью, что если бы это сделал не он, то кто-нибудь другой. И даже если Джо Альдегид получит свою концессию, они все еще смогут продолжать заниматься любовью так, как привыкли. Или уже не смогут?

От двери маленькая медсестра повернулась к нему с последними указаниями.

– Сейчас никакого чтения! – Она строго помахала пальчиком. – Ложитесь спать.

– Я никогда не сплю днем, – уведомил ее Уилл с чувством какого-то извращенного удовлетворения.

Глава седьмая

Он действительно никогда не мог заставить себя спать днем, но когда в следующий раз посмотрел на часы, было уже двадцать пять минут пятого, а он ощущал себя чудесным образом отдохнувшим и бодрым. Он взял «Заметки о том, Что есть Что» и возобновил прерванное чтение.

Дай же нам Подлинную Веру на каждый день и избави нас, милостивый Боже, от простой веры, иначе именуемой Доверчивостью.

До этого места он добрался утром. Теперь предстоял следующий раздел – пятый.

Я, кем я себя считаю, и тот, кем я являюсь в действительности, – это, другими словами, печаль и конец печали. Одну треть – приблизительно – печали, которую я испытываю как тот, кем себя считаю, нужно покорно выносить, приняв ее неизбежность. Это печаль, изначально продиктованная в качестве одного из условий существования человека, цена, которую мы платим за то, что представляем собой разумные и осознающие себя организмы, рвущиеся к освобождению, но вынужденные подчиняться законам природы и продолжать свой марш сквозь необратимое время, через мир, полностью равнодушный к нашему существованию, к старческой немощи и неизбежной смерти. Остальные две трети всех печалей мы придумываем сами, а потому во вселенском масштабе они совершенно лишены оснований.

Уилл перевернул страницу. Листок бумаги выпал при этом из книжки и спланировал на постель. Он поднял его и осмотрел. Пятнадцать строчек четким убористым почерком, а в самом низу страницы инициалы: С. М. Явно не частное письмо. Стихи, а значит, нечто, принадлежащее всем. И он прочитал:

Где-то между молчаньем угрюмым и воскресными Проповедями кальвинистов об Иисусе (да поможет нам Бог!). Где-то между увиденным мной и услышанным, Среди речей, что ведут себе счет в замусоленных И измятых купюрах ничего не значащих слов. Где-то между первой звездой и камнями, под которыми прячутся ящерицы, Мотыльки роятся над тенями бывших цветов. Где-то там есть то чистое место, где я – больше не я, но отчетливо помню Нашу полную мудрости первую ночь, что осталась на том берегу. А под ветра порывами вспоминаю ночь другую: холодную и беспросветную, Ночь бессонную, вдовью и одинокую, когда только лишь Смерть возлежала Рядом с телом моим в темноте... Все мое, все мое. Но я – больше не я! И в том месте чистейшем между мыслью и тишиной Вижу всех, кого потеряла, и они представляются мне как светящиеся генцианы, Среди зеленой альпийской травы раскрывающие синь лепестков.

«Светящиеся генцианы», – повторил Уилл про себя и вспомнил летние каникулы в Швейцарии, когда ему было двенадцать. Вспомнил расположенный высоко над Гриндельвальдом луг с его незнакомыми цветами, чудесными неанглийскими бабочками, вспомнил темно-синее небо, яркое солнце и огромные, сверкающие снегом вершины гор по другую сторону долины. А у его отца для всего этого нашлось только банальное сравнение. «Похоже на рекламу молочного шоколада «Нестле», – сказал он. – И даже не настоящего шоколада, – добавил с гримасой недовольства, – а всего лишь молочного». После чего последовал иронический комментарий по поводу акварели, которую рисовала его мама – так плохо (бедняжка!), но с такой любовью и с заботливой тщательностью. «А это реклама молочного шоколада, которую фирма «Нестле» отвергла». А затем настал его черед. «Вместо того чтобы болтаться тут, раззявив рот как деревенский дурачок, почему бы не заняться для разнообразия чем-то полезным? К примеру, поработать над своей немецкой грамматикой». И, запустив руку в рюкзак, он отыскал среди сваленных вкрутую яиц и сандвичей ненавистную тонкую книжку в коричневой мягкой обложке.

До чего же жалкий человек! Но если Сузила была права, после всех прошедших лет нужно было даже его суметь увидеть одной из светящихся генциан. Уилл снова перечитал последнюю строчку стихотворения: «...раскрывающие синь лепестков».

– Так-так... – раздался знакомый голос.

Он повернулся к двери.

– Помяни черта... – сказал он. – Или, точнее, прочитай написанное чертом.

И он поднял листок, чтобы она смогла рассмотреть его.

Сузила бросила лишь беглый взгляд.

– А, вы об этом, – сказала она. – Как жаль, что благих намерений недостаточно, чтобы писать хорошие стихи.

Она вздохнула и покачала головой.

– Я старался вообразить своего отца в виде генцианы, – произнес он. – Но постоянно лезет в голову образ большой кучи дерьма.

– Даже кучу дерьма, – заверила она его, – можно увидеть генцианой.

– Но только, если я правильно понял, в том чистом месте между мыслью и молчанием?

Сузила кивнула.

– Как туда попасть?

– Туда не надо попадать. Оно само приходит к тебе. Или, если разобраться, оно уже здесь.

– Вы как маленькая Радха, – почти пожаловался он. – Обе попугаями повторяете то, о чем писал Старый Раджа в самом начале своей книги.

– Если мы повторяем его слова, – заметила она, – то лишь потому, что в них заключена истина. Не повторяя их, мы бы проходили мимо реальных фактов.

– Фактов чьей реальности? – спросил он. – Уж точно не моей.

– Не в данный момент, – согласилась она. – Но если бы вы проделали то, что рекомендует проделать Старый Раджа, она могла бы оказаться и вашей тоже.

– А у вас самой были проблемы с родителями? – спросил он, немного помолчав. – Или вы всегда могли увидеть кучку говна в виде цветов?

– Не в нежном возрасте, – ответила она. – Дети по необходимости манихейские дуалисты. Это цена, которую мы все вынуждены платить за основные навыки существования в виде обычных людей. Видеть дерьмо как генцианы или скорее видеть цветы и дерьмо как Генцианы с большой буквы – такая способность приходит с годами после длительной учебы.

– Так как же вы обходились со своими родителями? Просто усмехались и выносили невыносимое? Или ваши отец и мать были людьми сносными?

– Сносными по отдельности, – сказала она. – Особенно отец. Но совершенно невыносимыми вместе – прежде всего потому, что не могли выносить друг друга. Энергичная, веселая, открытая по натуре мама вышла замуж за настолько законченного интроверта, что все время действовала ему на нервы. Даже, как я подозреваю, в постели. Она никогда не прекращала стремиться к общению, а он не пытался даже начинать. В результате он считал ее неискренней пустышкой, а она называла его человеком бессердечным, высокомерным и лишенным нормальных человеческих чувств.

– А я-то уже подумал, что вы здесь мудрее нас и не попадаетесь в такого рода ловушки.

– Мы учимся быть мудрее, – сказала она. – Девочкам и мальчикам читают специальные лекции, объясняющие, чего им ожидать от людей с совершенно иной, чем у них самих, психикой, с другим типом темперамента. К сожалению, порой выясняется, что эти лекции не всегда дают нужный эффект. Не говоря уже о тех особых случаях, когда психологическая пропасть между людьми слишком широка, чтобы перебросить через нее мост. Короче, факт остается фактом: совместная жизнь у моих родителей не сложилась должным образом. Они влюбились друг в друга – бог весть почему. Но стоило им окончательно сблизиться, как она стала постоянно обижаться на его отчужденность, а ее неизменно веселый и общительный нрав доставлял

ему только чувство неловкости и неприязни. Причем мои симпатии всегда оставались на стороне отца. И физически, и характером я больше пошла в него и почти нисколько – в маму. Помню, еще маленькой девочкой я буквально вся сжималась от ее избыточной энергии. Она олицетворяла для меня постоянные попытки вторжения в мой внутренний мир. И до сих пор ничего не изменилось.

– Вам приходится часто встречаться с ней?

– Очень редко. У нее есть своя работа, свои друзья. В нашем обществе слово «мать» обозначает лишь функцию. Когда функция положенным образом исполнена, титул как таковой отпадает; бывший ребенок и женщина, которую до поры звали его матерью, выстраивают между собой иного рода отношения. Если они ладят между собой, то видятся часто. В противном случае их пути расходятся. Никто не ожидает от них тесных контактов, и подобные контакты не приравниваются к любви, не считаются чем-то особенно показательным.

– Значит, теперь все хорошо. А как было тогда? Что происходило, когда вы еще оставались ребенком, жившим между двумя людьми, неспособными преодолеть глубокую трещину, разделявшую их? Мне самому отлично знаком конец этой сказки: «И жили они потом долго и несчастливо».

– А я и не сомневаюсь, – сказала Сузила, – что если бы мы родились не на Пале, то жили бы долго и несчастливо. На деле же мы справились, учитывая все обстоятельства, на удивление хорошо.

– Как же вам это удалось?

– А нам не пришлось даже прикладывать усилий: все было сделано за нас. Вы уже прочитали, что писал Старый Раджа об избавлении от двух третей печалей, которые надуманны нами самими и излишни?

Уилл кивнул:

– Я как раз остановился на этом месте, когда вы пришли.

– В старые, но недобрые времена, – продолжала она, – паланские семьи могли быть такими же мелкими сообществами жертв, тиранов и лжецов, какими сейчас по большей части предстают ваши. Более того, дела обстояли так худо, что доктор Эндрю и Раджа-Реформатор поняли необходимость принятия срочных мер в этой сфере. Этика буддизма и примитивный коммунизм сельских общин были искусно использованы в разумных целях, и в течение жизни всего одного поколения система организации семьи в целом претерпела радикальные изменения. – Она на секунду задумалась. – Позвольте пояснить это на моем собственном примере – на примере единственного ребенка двух людей, которые не могли понять друг друга и постоянно ссорились, если не открыто ссорились между собой. В давние годы маленькая девочка, воспитанная в таком окружении, превратилась бы либо в глубоко несчастного человека, либо в бунтаря, либо в отстраненного лицемера и конформиста. При новой системе мне не пришлось пережить излишних моральных страданий: я не стала издерганным невротиком, не была вынуждена постоянно вступать в домашние неурядицы и не замкнулась в себе. Почему? Потому что с того момента, как я научилась ходить, у меня была возможность сбежать.

– Сбежать? – повторил он. – Как это – сбежать? – Звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Возможность ухода из семьи, – снова пояснила она, – лежит в основе новой системы семейных отношений. Как только милый родительский дом становится немилым и даже невыносимым, ребенку не просто разрешено, но и настоятельно рекомендуется – причем за этим стоит солидный вес общественного мнения в его поддержку – перейти в любой другой из своих домов.

– Сколько же домов у ребенка с Палы?

– В среднем примерно двадцать.

– Двадцать? О мой бог!

– Все мы принадлежим к одному из КВП – клубов взаимного приятия. И каждый КВП состоит из пятнадцати или даже двадцати пяти семей. Только что поженившиеся пары, зрелые родители со взрослыми детьми, бабушки и прадедушки – любой член клуба обязан принять другого. Помимо своих кровных родственников у нас у всех есть другие мамы, папы, тети и дяди, братья и сестры, совсем маленькие детишки и подростки.

Уилл покачал головой:

– Вы создаете двадцать семей там, где могла быть только одна.

– Но это не те семьи, что продолжают существовать у вас. Все двадцать семей – нашего нового типа. – Она сделала вид, что читает инструкции из кулинарной книги. – «Возьмите одного страдающего сексуальным расстройством раба своей работы и жалования, одну разочарованную во всем женщину, двух (или чаще даже трех) любителей телевидения, промаринуйте их в смеси фрейдизма со слабым раствором христианства, а потом заприте в стенах четырехкомнатной квартиры и томите лет пятнадцать в собственном соку». Мы пользуемся совершенно другим рецептом. «Возьмите двадцать пар со сложившейся сексуальной жизнью и их отпрысков, добавьте научный подход, интуицию и чувство юмора в равных пропорциях, пропитайте тантрическим буддизмом и варите сколь угодно долго в открытой кастрюле при необходимой температуре взаимной привязанности».

– И что же сварится в этой вашей открытой кастрюле? – спросил он.

– Совершенно иная разновидность семьи. Не замкнутая, как ваша, не предопределенная на всю жизнь и не навязанная вам судьбой. Обширная, не скованная никакими рамками и добровольная семья. Двадцать пар отцов и матерей, восемь или девять бывших отцов и матерей, сорок или пятьдесят детей всех возрастов и обоих полов.

– Люди остаются членами одного клуба на протяжении всей жизни?

– Нет, конечно. Выросшие дети не берут под опеку собственных родителей, младших братьев и сестер. Они выходят в мир и принимают под свою заботу другую пару стариков, другую группу своих ровесников или детишек. А члены нового клуба, в свою очередь, принимают в свой круг их самих, а потом, естественным образом, и их детей. Гибридизацией микрокультур называют подобный процесс социологи. На своем уровне он столь же благотворен, как скрещивание различных видов кукурузы или пород кур. Более здоровые отношения в группе людей, осознающих свою ответственность, более глубокая привязанность и взаимное понимание. И эти привязанность и понимание распространяются на всех – от младенцев до столетних старцев.

– Столетних? Какова же у вас продолжительность жизни?

– Она всего на год или два выше, чем у вас, – ответила она. – Десять процентов нашего населения старше шестидесяти пяти лет. Старики получают пенсию, когда уже не могут работать. Но ясно, что пенсия решает только одну часть проблемы. Им необходимо заниматься чем-то активным и полезным. Им нужно о ком-то заботиться, чтобы получать в ответ любовь и уважение. Наши КВП дают возможность удовлетворить эти нужды.

– На мой взгляд, – заметил Уилл, – все это звучит как пропаганда новых китайских коммун.

– Клубы взаимного приятия совершенно не похожи на такие коммуны, – заверила она. – КВП не управляются государством. Ими руководят сами члены. И мы не милитаризованы. Никто не заинтересован в воспитании преданных членов партии. Наша цель – воспитание хороших людей. Мы не насаждаем в умы никаких догматов. И самое главное – мы не отбираем детей от родителей, а, напротив, даем им дополнительных родителей, взрослым – новых детей. Это значит, что буквально с детского сада мы уже пользуемся некоторой степенью свободы, и степень этой свободы возрастает по мере взросления, накопления опыта и приобретения возможности взять на себя гораздо больше ответственности. А в Китае свобода отсутствует полностью. Там детей отдают в руки официально назначенных воспитателей, чья задача – пре-

вратить их в послушных слуг Государства. Даже в вашей части мира все обстоит значительно лучше, хотя все равно достаточно скверно. У вас нет официальных надзирателей за детьми, но ваше общество принуждает вас провести детство привязанным к единственной семье, объединяющей одну пару родителей с детьми и прочими родственниками. Они все равно навязаны вам законами наследственности, предопределенностью и регламентацией жизни. Вы не можете избавиться от них, взять от них отпуск или каникулы, не в состоянии никуда уехать просто ради смены моральной и психологической обстановки. Если угодно, у вас есть свобода, но лишь в пределах телефонной будки.

– Запертым в ней, – продолжил ее мысль Уилл, – а я говорю сейчас о собственном случае, вместе с глумливым грубияном, христианкой-мученицей и маленькой девочкой, которую пугал грубиян и шантажировала мученица, вызывая к ее лучшим чувствам, совместно доводя ее до состояния нервической тупости. Таким был дом, из которого до четырнадцати лет и переселения в соседний дом тетушки Мэри я не имел никакой возможности сбежать.

– А ваши несчастные родители не имели возможности сбежать от вас.

– Это не совсем верно. Мой отец находил исход в бренди, а моя мать – в утонченном англиканстве. Я же отбывал свой срок без малейших поблажек. Четырнадцать лет семейного рабства. Как же я вам завидую! Вы были свободной как птица!

– Не надо излишней лирики! Лучше скажем: свободной как разумное человеческое существо, как будущая женщина, но не более того. Взаимное приятие дает детям гарантии от несправедливостей и худших последствий недостатка педагогических способностей у их родителей. Но не освобождает от дисциплины, от необходимости взять на себя свою долю ответственности. Напротив, эта доля только возрастает, а дисциплине приходится следовать более неукоснительно. В ваших замкнутых, предопределенных семьях дети, как вы выразились, отбывают долгий тюремный срок под присмотром одной пары родителей-надзирателей. И эта пара может даже оказаться людьми добрыми, мудрыми, понимающими. В таком случае маленький заключенный может вынести свой срок без большого для себя ущерба. Но в реальности большинство ваших семейных тюремщиков не столь добры, мудры и склонны к пониманию, как хотелось бы. Зачастую при самых благих намерениях им просто не хватает ума. Или же они не питают благих намерений вовсе и слишком фривольны, склонны к неврозам, а порой откровенно злобны и начисто лишены разума. И потому только Бог может помочь малолетним заключенным, приговоренным законом, обычаями и религией быть в полной власти таких людей! А теперь представьте, что происходит в большой, всеобъемлющей и добровольно составленной семье. Никаких телефонных будок и пожизненно назначенных надзирателей. Здесь дети растут в действующей модели общества в целом, в небольшой, но точной копии мира, где им предстоит жить, когда они подрастут. Святость, здоровье, целостность – это все произрастает из одного корня и имеет различные оттенки одного и того же явления. И с этимологической точки зрения именно наша семья заслуживает названия «святое семейство». А вашей далеко до святости.

– Аминь, – подытожил Уилл и снова вспомнил свое детство, а еще подумал о несчастном Муругане в хищных когтях Рани.

После паузы он спросил:

– А что происходит, когда ребенок уходит в один из своих альтернативных домов? Он там задерживается надолго?

– Зависит от обстоятельств, а потому складывается у всех по-разному. Когда мои дети устают от меня, они редко покидают наш дом больше, чем на день-другой. Это потому, что в целом им вполне счастливо живется со мной. У меня был другой случай, а потому если я уходила, то могла не возвращаться целый месяц.

– И что же, ваши временные родители поддерживали вас в противостоянии с настоящими матерью и отцом?

– Поймите, речь не идет о том, чтобы настраивать детей против кого-либо. Поощряются разумные поступки и добрые чувства, целью становится понимание причин недовольства своей семьей и поиск возможных путей их устранения. Если ребенку неуютно в его основном доме, мы делаем все, чтобы он почувствовал себя счастливым в одном из пятнадцати или двадцати альтернативных. А тем временем его родители проходят тактичную терапию под руководством других членов их КВП. Как правило, через несколько недель родители полностью готовы к воссоединению семьи, а дети лишь рады вернуться. Но не следует думать, – добавила она, – что дети уходят в другие семьи только в том случае, если они несчастны или возникают проблемы. Они проделывают это постоянно, как только чувствуют необходимость сменить обстановку или приобрести какой-то новый жизненный опыт. И это не просто праздное любопытство, сплошные удовольствия. Куда бы они ни направились в качестве приемных, дети приобретают не только иные права, но и обязанности тоже – к примеру, расчесать шерсть собаке, почистить птичью клетку, посидеть с младенцем, пока его мать занята чем-то другим. Ответственность идет бок о бок с привилегией – но все равно это не сравнимо с вашими душевными телефонными будками. Чувство долга и привилегия свободы нераздельны в огромной открытой семье, где ничто не предопределено раз и навсегда, где представлены люди семи возрастных поколений, десятки разных профессиональных навыков и талантов, где ребенок познает все самые значимые вещи, какие предстоит пережить человеку, не исключая и страданий, – работу, игры, любовь, старение, болезни и неизбежную однажды смерть...

Она замолкла, думая о Дугалде и матери Дугалда. А потом намеренно сменила тон:

– Да, но что же это я! Настолько увлеклась рассказом о наших семьях, что даже не спросила, как вы себя чувствуете? Выглядите вы намного лучше, чем во время нашей предыдущей встречи.

– Благодаря заботам доктора Макфэйла, но также стараниям некоего лица, которое, как я подозреваю, практикует медицину без соответствующей лицензии. Что, черт возьми, вы со мной сделали вчера днем?

Сузила улыбнулась.

– Вы все сделали сами, – заверила она его. – Я лишь нажимала на нужные кнопки.

– Какие кнопки?

– Кнопки памяти, кнопки воображения.

– И этого оказалось достаточно, чтобы погрузить меня в гипнотический транс?

– Что ж, называйте это так, если хотите.

– А как еще можно это назвать?

– Зачем вообще придумывать какие-то ярлыки? Названия лишь вызывают все новые и новые вопросы. Почему не удовлетвориться знанием о том, что с вами произошло?

– Но что именно произошло?

– Что ж, для начала мы с вами установили в некотором роде контакт, не так ли?

– Мы, несомненно, сделали это, – согласился он. – Но мне показалось, что я при этом едва ли даже взглянул на вас.

Зато он посмотрел на нее сейчас. Смотрел и гадал, кто она такая на самом деле – это маленькое и странное создание, что скрывалось за гладкой и серьезной маской на ее лице, что видели ее темные глаза, отвечавшие ему столь же пристальным взглядом, и о чем она в этот момент думала.

– А как вы могли тогда взглянуть на меня? – спросила она. – Вы же отправились на каникулы.

– Или был насильственно отправлен?

– Насильственно? Нет! – Она помотала головой. – Вас, скажем так, проводили, помогли с отбытием. – Они немного помолчали. – Вы когда-нибудь пробовали, – спросила она затем, – заниматься серьезной работой, когда рядом был ребенок?

Уилл вспомнил о маленьком соседе, предложившем помочь покрасить мебель в столовой, и даже рассмеялся над тем, как был тогда раздражен.

– Бедный малыш! – продолжала Сузила. – Он преисполнен самых добрых намерений. Ему так хочется вам помочь.

– Да, но только потом весь ковер оказывается измазан краской, а следы его пятерни украшают стены...

– И потому в итоге вам приходится избавляться от него. «Пойди побегай, мой дорогой! Поиграй в саду!»

Снова воцарилось молчание.

– Ну и что же? – не выдержал он.

– А вы не поняли?

Уилл покачал головой.

– Что происходит, когда вы заболеваете или получаете травму? Кто вас излечивает? Кто заживляет раны и избавляет от инфекции? Вы сами?

– Кто же еще?

– Вы? – усмехнулась она. – Вы? Человек, которому больно, кого беспокоят мысли о грехах и деньгах и тревожит собственное будущее? Неужели вы всерьез считаете себя способным сделать все необходимое самостоятельно?

– А! Кажется, начинаю понимать, к чему вы клоните.

– Наконец-то! – поддразнила она.

– Нужно отправить меня играть в саду, чтобы не мешал взрослым спокойно делать свою работу. Но кто такие эти взрослые?

– Вопрос не ко мне, – ответила она. – Поинтересуйтесь у нейротеолога.

– А это еще что значит?

– В точности то, что вам слышится. Это профессионал, который воспринимает людей с точки зрения Божественного Света Пустоты и одновременно вегетативной нервной системы. Взрослые в данном случае обладают сведениями и о работе сознания, и о физиологии.

– А дети?

– Дети – это такие маленькие существа, которые считают, что понимают все лучше взрослых.

– И потому их лучше отослать побегать или поиграть?

– Точно.

– Примененная вами метода – общепринятая процедура на Пале? – спросил он.

– Самая стандартная, – заверила она. – В вашей части мира доктора справляются с подобными детьми, накачивая их барбитуратами. Мы делаем то же самое, разговаривая с ними о соборах и галках. – Она стала говорить нараспев: – О белых облаках, плывущих в небесах, о белых лебедях, плывущих по темной водной глади, о сонной, но неумолимо текущей реке жизни...

– Довольно, хватит! – резко возразил он. – Больше ни слова об этом!

Сначала улыбка осветила ее темное и серьезное лицо, а потом она рассмеялась. Уилл смотрел на нее изумленно. Внезапно перед ним оказался совершенно другой человек, иная Сузила Макфэйл – веселая, лукавая, ироничная.

– Знаю я все эти ваши трюки, – сказал он и тоже расхохотался.

– Трюки? – переспросила она, все еще смеясь. – Я лишь пыталась объяснить, как все проделала.

– Мне в точности неизвестно, как вы все проделали. Но я знаю, что это действует. Более того, я готов предоставить вам возможность повторить процедуру – когда это понадобится.

– Если хотите, – сказала она уже гораздо более серьезно. – Я покажу вам, как самому нажимать нужные кнопки. У нас этому обучают еще в начальной школе. Чтению, письму, арифметике плюс основам С. К.

– А это что такое?

– Самоконтроль. Иначе именуемый Контролем над Судьбой.

– Вы можете контролировать свои судьбы? – Брови Уилла резко взлетели вверх.

– Нет-нет, не торопитесь с выводами, – сказала она. – Мы не так глупы, как вам, возможно, сейчас показалось. Нам прекрасно известно, что лишь малая часть судьбы каждого человека поддается управлению.

– И вы управляете ею, нажимая на собственные кнопки?

– Нажимая на кнопки, а потом визуализируя то, к чему мы стремимся, чего хотим достичь.

– И в самом деле достигаете?

– Да, во многих случаях.

– Как все просто! – В его голосе отчетливо звучала ирония.

– Восхитительно просто, – согласилась она. – И насколько я знаю, мы – единственный народ, который систематически обучает детей С. К. *Вы* всего лишь говорите им, что они должны делать, и на этом заканчиваете. Ведите себя хорошо, говорите вы. Но как? Этого им никто не объясняет. Вы только и можете, что читать им нотации, а потом наказывать за непослушание. Чистейший идиотизм.

– Чистейший и неподдельный идиотизм, – кивнул он, вспомнив мистера Грэбба, заведовавшего пансионом в интернате, проблему мастурбации, порки лозой и покаянные молитвы в Пепельную среду³⁸. «Вечно проклят будет тот, кто возляжет с женой ближнего своего. Аминь».

– Если ваши дети воспринимают идиотизм всерьез, то вырастают с вечным чувством своей вины и греховности. А если не воспринимают, то становятся циниками, для которых счастье невозможно. Именно из подобных циников вербуют сторонников паписты и марксисты. Неудивительно после этого, что вам требуется столько тюрем, церквей и партийных ячеек коммунистов.

– В то время как, легко догадаться, на Пале у вас этого почти нет.

Сузила с готовностью кивнула.

– У нас нет Алькатраса, – сказала она, – нет Билли Грэма, нет ни Мао Цзэдуна, ни Мадонны, ни Фатимы. Нет ада на Земле, как и манящего райского пирога в небесах или коммунистического рая в двадцать первом веке. А есть только мужчины, женщины и их дети, которые стараются сделать свою жизнь как можно лучше здесь и сейчас, вместо того чтобы мечтать построить ее где-то еще и когда-нибудь в будущем, как того желают многие у вас – в каком-то придуманном, несуществующем мире. Но если разобраться, в том нет вашей вины. Вы попросту вынуждены жить так, потому что настоящее приносит одни огорчения. А разочарование возникает оттого, что вас никто не научил объединению теории с практикой и не заставляет всерьез исполнять обещания, которые вы даете себе под каждый Новый год. Отсюда разрыв между намеченным и вашим реальным поведением.

– «Хочу творить добро и не могу, не хочу творить зла, но творю», – процитировал Уилл.

– Кто это сказал?

– Один из основателей христианства – святой Павел.

– Вот видите, стремление к высочайшим идеалам и отсутствие метода достижения их.

– За исключением мечты, что их сверхъестественным образом осуществит Некто Другой.

И, запрокинув голову, Уилл Фарнаби, запел:

³⁸ Первый день Великого поста у англиканцев.

Есть фонтан, откуда бьет Кровь из вен Эммануила. Греховодник лишь нырнет – Все грехи считай что смыл он.

Сузила заткнула уши.

– Какая неслыханная гадость, – сказала она.

– Любимейший из псалмов моего наставника в интернате, – объяснил Уилл. – Нас заставляли распевать его примерно раз в неделю все то время, пока я учился в школе.

– Какое счастье, что в буддизме нет ничего кровавого. Гаутама дожил до восьмидесяти лет и умер, потому что вежливость не позволила ему отказаться от дурной пищи. Насильственная смерть всегда влечет за собой другую насильственную смерть. «Если ты не согласишься, что будешь спасен моей искупительной кровью, я утоплю тебя в твоей собственной». В прошлом году я изучала в Шивапураме историю христианства. – Сузила при этом воспоминании содрогнулась всем телом. – Какой ужас! А все потому, что тот бедный и невежественный человек не знал, как осуществить свои добрые намерения.

– Причем большинство из нас, – сказал Уилл, – продолжают плыть по течению. Не хотим творить зло, но творим. И еще как!

И, реагируя непростительным образом на непростительные поступки, Уилл Фарнаби с отвращением рассмеялся. Рассмеялся потому, что знал доброту Молли, но тем не менее вполне сознательно избрал розовый альков, сделав Молли глубоко несчастной, послужив причиной ее гибели, вызвав в себе гнетущее чувство вины, а потом и боли. Мучительной боли, которая совершенно не соответствовала низкопробному фарсу, ставшему ее причиной, когда Бабз сделала то, что мог заранее предсказать любой недоумок, – вышвырнула Уилла из своего inferнального, подсвеченного рекламой джина рая и завела нового любовника.

– Что с вами? – спросила Сузила.

– Ничего. А почему вы спрашиваете?

– Потому что вы совершенно не умеете скрывать своих чувств. Вы думали о чем-то, что сделало вас очень несчастливym.

– Вы весьма проницательны, – сказал он и отвел глаза.

Наступило долгое молчание. Должен ли он все ей выложить? Поведать историю о Бабз, о бедняжке Молли, о себе самом? Рассказать обо всем том гнусном и бессмысленном, о чем даже в пьяном виде никогда не рассказывал своим лучшим друзьям? Потому что друзья и так слишком много знали о нем, как и об остальных действующих лицах. О гротескной и сложной игре, в которой он всегда так охотно принимал участие (он – то есть не просто английский джентльмен, но и представитель богемы, потенциальный поэт, который, в отчаянии осознав, что хорошего поэта из него не выйдет, стал блестящим журналистом и щедро оплачиваемым частным агентом богатого человека, презираемого им). Нет, даже перед самыми надежными друзьями он бы до такой степени не раскрылся. Но вот эта маленькая смуглая незнакомка, чужестранка, которой он уже был обязан столь многим, кому, практически ничего не зная о ней, так доверился, не станет выступать с предвзятыми умозаключениями и с односторонними суждениями. А быть может, подумал он с надеждой (хотя давно и тщательно отучал себя от всяких надежд), откроет ему путь к неожиданному озарению, окажет действенную, сугубо практическую помощь. (А, видит Бог, он нуждался в помощи, хотя никогда и ни за что не признал бы этого вслух – о чем Богу тоже было прекрасно известно!)

Как муэдзин с минарета, одна из говорящих птиц затащила свое с верхушки высокой пальмы, росшей позади рощицы манго:

– Здесь и сейчас, парни. Здесь и сейчас, парни.

Уилл решил на полную откровенность с ней, но начал не бросившись в омут с головой, а окольным путем, заговорив сначала не о своих проблемах, а о ее. Не глядя на Сузилу (он почему-то решил, что так будет пристойнее), он сказал:

– Доктор Макфэйл сообщил мне о том... О том, что произошло с вашим мужем.

Слова словно провернули меч, вонзенный в ее сердце, но этого следовало ожидать как чего-то неизбежного и потому вполне нормального.

– В следующую среду исполнится уже четыре месяца, – сказала она, а потом добавила задумчиво: – Двое людей, две совершенно разные индивидуальности, но они сложились вместе, и получился как будто новый единый организм. А потом половину этого организма внезапно ампутировали. Но только вторая половина не умирает, не может умереть, не должна.

– Не должна?

– По многим причинам. Дети – только одна из них. Такова природа вещей. Но нужно ли объяснять, – добавила она с легкой улыбкой, которая только подчеркнула глубину печали в ее глазах, – что все эти причины нисколько не облегчают шока от ампутации или не делают более терпимой боль. Единственное, что хоть немного помогает, – это как раз то, о чем мы только что говорили: Контроль над Судьбой. Но даже он... – Она вздохнула. – К. С. может дать тебе возможность совершенно безболезненно родить ребенка. Но сделать тебя нечувствительной к горю – нет. И разумеется, так и должно быть. Если бы человек мог снять с себя боль утраты – это сделало бы его неполноценным человеком.

«Неполноценным человеком, – подумал он. – Неполноценным человеком».

Эти два емких слова. Насколько же полно суммировали они его собственную сущность!

– Но самое ужасное, – сказал он вслух, – это знать, что другой человек погиб по твоей вине.

– Вы были женаты? – спросила она.

– Двенадцать лет. До прошлой весны...

– И как она умерла?

– Она разбилась в автокатастрофе.

– В автокатастрофе? Тогда как это могло быть вашей виной?

– Авария произошла, потому что... Словом, в результате зла, которого я не хотел сотворить, но сотворил. В тот день случилась развязка. Душевная рана привела ее в смятение, сделала рассеянной, а я позволил ей сесть за руль. Позволил уехать навстречу лобовому столкновению.

– Вы любили ее?

Он некоторое время колебался. Потом медленно помотал головой.

– У вас был кто-то другой? Кто-то, кто был вам более дорог?

– Был кто-то, кем на самом деле я не дорожил совершенно. – Он изобразил гримасу сардонической издевки над самим собой.

– И это было зло, которого вы не хотели, но сотворили?

– Да, я творил зло до тех пор, пока не убил женщину, которую должен был бы любить, но не любил. Продолжал творить даже после того, как убил ее, хотя сам себя ненавидел за это. Но еще больше я ненавидел ту, кто заставила меня сделать это.

– Заставила сделать это, как предполагаю, потому что обладала притягательным для вас телом?

Уилл кивнул, и они снова замолчали.

– Вы знаете, как это бывает, – спросил он после долгой паузы, – когда чувствуешь, что на самом деле нет ничего реального – включая тебя самого?

Сузила кивнула.

– Но иногда это происходит как раз тогда, когда человек понимает, что все, включая его самого, куда как более реально, чем ему представлялось. Это похоже на переключение передач: нужно перейти на нейтральную, чтобы включить повышенную.

– Или пониженную, – сказал Уилл. – В моем случае я не повысил передачу, а понизил ее. Даже не понизил, а врубил задний ход. Впервые это произошло, когда я ждал автобуса,

чтобы отправиться домой с Флит-стрит³⁹. Тысячи и тысячи людей окружали меня, все куда-то спешили, каждый был уникален, каждый представлялся себе центром вселенной. Потом из-за туч показалось солнце. Все предстало в необычайно ярком и ясном свете. И вдруг с почти слышным щелчком все эти люди превратились в личинок.

– Личинок?

– Да, в таких мелких белых червячков с черными головками, которые обычно заводятся в протухшем мясе. На самом деле ничего, конечно же, не случилось. Лица людей оставались все такими же, прежней была их одежда. Но в то же время они стали червяками. И даже не реальными червяками, а их призраками, иллюзией личинок мясной мухи. А я сам был лишь иллюзией наблюдателя за личинками. Я жил потом многие месяцы в мире червей. Жил в нем, работал в нем, ходил обедать и ужинать, и все это без малейшего интереса к тому, чем я занимался. Без намека на удовольствие или радость жизни, абсолютно лишенный желаний, а потом, когда попытался заняться любовью с молодой женщиной, с которой в прошлом иногда развлекался, понял, что стал полнейшим импотентом.

– А чего вы ожидали?

– Именно этого.

– Тогда что же, скажите, ради бога, зачем...

Уилл улыбнулся ей одной из своих самых застенчивых улыбок и пожал плечами:

– Из чисто научного интереса. Я уподобился энтомологу, изучавшему способ размножения или, если хотите, половую жизнь фантомного червя.

– После чего, как я догадываюсь, все стало казаться еще более нереальным?

– Да, еще более, – подтвердил он, – если такое было возможно.

– Но что стало изначальной причиной появления личинок? Что породило их?

– Началось, видимо, с того, – ответил он, – что я был все-таки сыном своих родителей. Пьяницы-грубияна и христианки-мученицы. А помимо наследия, полученного от родителей, – продолжил он после краткой паузы, – я еще был и племянником своей тетушки Мэри.

– А какую роль в этом сыграла тетушка Мэри?

– Ее одну я по-настоящему когда-либо любил, но мне исполнилось только шестнадцать, когда у нее обнаружили рак. И она лишилась правой груди. Прошел всего год, и она осталась без левой тоже. После этого девять месяцев рентгеновского облучения и чрезмерная доза радиации. А рак между тем проник в печень, и это означало конец. Я оставался с ней тогда все время. Для подростка это было, видимо, то самое либеральное обучение – действительно либеральное!

– Обучение чему?

– Элементарной Прикладной Бессмыслице. А всего через неделю, как я прошел свой личный курс этой науки, начались всеобщие занятия ею. Вторая мировая война. За которой незамедлительно последовала программа повышения квалификации в виде первой «холодной войны». Я же все это время провел в стремлении стать поэтом и постепенном осознании, что попросту лишен необходимых для этого качеств. Потом, уже после войны, мне пришлось заняться журналистикой ради заработка. На самом деле я готов был жить впроголодь, если необходимо, но писать нечто достойное – хорошую прозу, если настоящей поэзии не получалось. Но в будущих планах я не учел своих дражайших родителей. К тому времени, когда в январе сорок шестого мой отец умер, он успел промотать те небольшие сбережения, которые унаследовала наша семья, и так вышло, что к моменту долгожданного и благословенного вдовства мою мать окончательно изуродовал артрит – она нуждалась в материальной поддержке. Вот так я оказался на Флит-стрит, материально поддерживая ее с такой легкостью, с таким успехом, что это стало бесконечно унижительным.

³⁹ Улица в Лондоне, где примерно до начала 1990-х годов располагались редакции всех ведущих британских газет.

– Почему же унижительным?

– А вы бы не чувствовали себя униженной, зарабатывая приличные деньги на самых дешевых, самых поверхностных, самых бездарных текстах? Я добился успеха именно потому, что оказался такой явной и неисправимой посредственностью.

– И в чистом остатке получили окружение из червяков?

Он кивнул:

– Не простых червяков – призрачных. И здесь наступает момент, когда в моем рассказе пора появиться Молли. Я познакомился с ней на великосветской червячной вечеринке в Блумсбери. Нас представили друг другу, мы вежливо, но банально побеседовали о беспредметном искусстве. Не желая видеть перед собой еще одну личинку, я избегал смотреть на нее, но она, должно быть, все время смотрела на меня. У Молли были очень бледного оттенка серо-голубые глаза, – добавил он как бы в скобках, – но глаза, которые видели все. Она отличалась поразительной наблюдательностью, но наблюдала все и вся без тени предвзятости или осуждения. Если она видела зло, то не спешила предавать его анафеме, а просто ощущала огромную жалость к человеку, которого одолевали подобные мысли или что-то заставляло совершать дурные поступки. Так вот, как я уже сказал, она, вероятно, смотрела на меня все то время, пока я с ней разговаривал, потому что совершенно внезапно спросила, отчего я такой грустный. Я к тому времени успел изрядно выпить, а ее вопрос не казался назойливым или неуместным, и потому я рассказал ей о червяках. «Вы – тоже один из них, – закончил я и впервые бросил на нее взгляд. – Голубоглазая личинка с лицом одной из тех святых женщин, что обычно окружают распятого Христа на картинах фламандских живописцев».

– Неужели ей польстило такое сравнение?

– Мне показалось, что да. Она отошла от католической религии, но все еще питала слабость к распятию и святым женщинам. Как бы то ни было, но на следующее утро, когда я завтракал, она мне позвонила. Не хочу ли я поехать вместе с ней за город? Было воскресенье, и, чудесным образом, день выдался ясный. Я согласился. Мы провели час в зарослях орешника, собирая примулы и любуясь анемонами. Анемоны никто не собирает, – объяснил он, – потому что они уже через час вянут. Я тогда много смотрел то на орешник, то на цветы. Сначала невооруженным глазом, а потом через увеличительное стекло, которое захватила с собой Молли. Не знаю почему, но это возымело на меня изумительное терапевтическое воздействие – просто разглядывать сердцевины примул и анемонов. До конца дня я больше не встретил ни одного червяка. Но Флит-стрит оставалась на своем месте, дожидаясь меня, и к обеду в понедельник она вся кишела ими, как всегда. Миллионами личинок. Но теперь я знал, что мне делать. В тот же вечер я отправился в мастерскую Молли.

– Она была художницей?

– Нет, настоящей художницы из нее не вышло, и она понимала это. Понимала, но не раздражалась, а просто делала все как можно лучше для человека, обделенного талантом. Она писала не ради создания произведения искусства. Ей нравилось смотреть на вещи, и сам процесс попытки тщательно воспроизвести увиденное тоже нравился. В тот вечер она снабдила меня холстом и палитрой, посоветовав тоже попробовать.

– И это сработало?

– Сработало так хорошо, что, когда через пару месяцев я разрезал подгнившее яблоко, червяк в его центре оказался не трупной личинкой, формально оставаясь червяком. Объективно говоря, он обладал всеми качествами червя, и мы оба его так и изобразили – нам всегда нравилось писать одно и то же.

– Да, но что происходило с другими личинками, с фантомными червями, а не с паразитом в яблоке?

– Со мной все еще случались рецидивы видений, особенно на Флит-стрит и на приемах с коктейлями, но их стало определенно меньше, и они больше не преследовали меня так настой-

чиво и пугающе. А тем временем в мастерской началось нечто новое. Я заметил, что влюбляюсь – влюбляюсь, потому что любовь заразительна, а Молли, совершенно очевидно, уже по уши влюбилась в меня. Чем я ее так привлек? Одному Богу известно.

– Даже я вижу несколько вероятных причин для этого. Она могла полюбить вас потому... – Сузила оценивающе посмотрела на него и улыбнулась. – Просто потому, что вы довольно привлекательны для столь странной породы рыб, к которой принадлежите.

Он рассмеялся.

– Вот уж спасибо за роскошный комплимент!

– Но с другой стороны, – продолжала Сузила, – и здесь уже нет ничего для вас лестного, она могла влюбиться в вас, поскольку чувствовала к вам несусветную жалость.

– Боюсь, что вторая версия ближе к истине. Молли была прирожденной Сестрой Милосердия.

– Но вот только Сестра Милосердия и Жена-Любовница – это далеко не одно и то же.

– Что я и испытал на собственной шкуре, – сказал он.

– После того как женились на ней, полагаю?

Уилл секунду колебался с ответом.

– Вообще-то, – ответил он, – это произошло даже раньше. Но не потому, что она проявляла какое-либо нетерпение в своих желаниях, а всецело из-за ее стремления сделать все возможное, чтобы угодить мне. Потому что на словах она в принципе не верила в прочность уз брака и всегда выступала за свободную любовь, а что еще более удивительно, – вспомнил он совершенно невероятные вещи, которые Молли не моргнув глазом могла произносить даже в присутствии его матери, – обожала обсуждать эту самую свободную любовь. Тут я должен был насторожиться.

– То есть вы все заранее знали, – подвела итог Сузила, – но все же женились на ней?

Уилл ничего не сказал, а лишь кивнул в ответ.

– Потому что как джентльмен чувствовали себя обязанным жениться, верно?

– Да, отчасти по этой старомодной причине, но и потому, что влюбился в нее.

– Так вы все-таки ее полюбили?

– Да. Нет. Не знаю. Но в то время я действительно знал. Или мне так казалось. Я убедил себя, что в самом деле люблю ее. Хотя я понимал, как понимаю и сейчас, в чем заключалась причина подобной убежденности. Я был благодарен ей за изгнание червей из моей жизни. А к благодарности примешивалось уважение. И восхищение. Она была настолько лучше и честнее меня самого. Но к несчастью, вы правы: Сестра Милосердия не равноценна Жене-Любовнице. Вот только я готов был принимать Молли такой, какой она была. На ее условиях, а не на моих собственных. Мне тогда легко верилось, что ее условия намного предпочтительнее моих.

– И как скоро, – поинтересовалась Сузила после продолжительного молчания, – вы начали заводить интрижки на стороне?

Уилл снова улыбнулся пристыженной улыбкой.

– День в день ровно через три месяца после свадьбы. Впервые я согрешил с одной из секретарш в редакции. Боже, какое занудство! А потом появилась юная художница, маленькая кудрявая еврейка, которой Молли помогала деньгами, пока она училась в школе изобразительного искусства Слейда. Я навещал ее в мастерской дважды в неделю с пяти до семи. Молли узнала об этом только почти через три года.

– И, как нетрудно догадаться, была очень огорчена, не так ли?

– Значительно сильнее, чем я мог себе даже вообразить.

– И что же вы сделали по этому поводу?

Уилл тряхнул головой.

– С этого места все начинает усложняться, – сказал он. – В мои планы не входило прекращать свои визиты на коктейли к Рейчел, но я ненавидел себя за то, что приношу Молли

столько горя. Но в то же время я ненавидел и ее за такую острую реакцию на все. За неизбывную печаль. У меня вызывали отторжение ее страдания и любовь, которая была причиной страданий. Мне представлялось это несправедливым. Чем-то вроде шантажа, чтобы принудить меня отказаться от несерьезных и почти невинных любовных утех с Рейчел. Но своей безмерной любовью и безысходным горем из-за того, что я делал – хотя она сама толкала меня на это, – Молли невыносимо давила на меня, хотела ограничить мою свободу. Но и печаль ее была неподдельной, а потому, даже ненавидя ее за шантаж, я не мог не испытывать к ней жалости. Но только жалости, – подчеркнул он, – а не сострадания. Потому что сострадание подразумевает совместную муку, а я любой ценой желал избавиться себя от всякой боли и мук, причиняемых мне ее страданиями, избежать тех жертв, которые были необходимы с моей стороны, чтобы ее мучения прекратились. Жалость стала моим ей ответом. Я жалел ее как бы со стороны, если вы понимаете смысл моих слов, жалел, играя роль независимого наблюдателя, эдакого эстета, знатока любовных пыток. Причем моя эстетская жалость принимала такие интенсивные формы каждый раз, когда я начинал думать о том, как она несчастна, что порой я мог даже счесть это почти признаком моей к ней любви. Но только почти. Потому что когда я пытался выразить свою жалость физической нежностью (а мне приходилось прибегать к этому единственному способу, чтобы хотя бы на время притупить ее боль, а значит, – и расстройство чувств, в которое приводила ее боль меня самого), то нежность оборачивалась разочарованием намного раньше, чем достигала желаемого результата. И разочарование наступало именно в силу того, что она на самом деле была для меня Сестрой Милосердия, а не настоящей женой. И все же во всех проявлениях, кроме чувственного, она преданно любила меня – и эта преданность вызвала к ответной верности с моей стороны. Но я не желал слышать этот зов. Быть может, я попросту в силу своей натуры не способен на преданность. И потому вместо благодарности за ее самоотверженность я испытывал чувство отвращения. Таким путем кто-то заявлял свое право на исключительное обладание мной, а я подобные посягательства заведомо и решительно отвергал. Вот так мы и жили, постоянно на грани кризиса, непрерывно возвращаясь к началу старой, как мир, драмы – драмы любви, неспособной к чувственности, и чувственности без любви, что вызывало странную смесь реакций: вины и гнева, жалости и отвращения, порой истинной ненависти (но всегда с налетом раскаяния), и все это сопровождалось – хотя всего лишь контрапунктом – моими тайными вечерами наедине с маленькой кудрявой художницей.

– Надеюсь, хотя бы они приносили удовольствие? – полюбопытствовала Сузила.

Он пожал плечами:

– Лишь весьма умеренное. Рейчел никак не могла забыть, что она – интеллектуалка. У нее была манера в самый неподходящий момент вдруг спросить, что ты думал о Пьеро ди Козимо. Подлинного наслаждения, как, разумеется, и настоящей агонии я ни разу не испытал до того, как на сцене появилась Бабз.

– Когда это произошло?

– Чуть больше года назад. В Африке.

– В Африке?

– Меня послал туда Джо Альдегид.

– Тот человек, которому принадлежат газеты?

– И многое другое. Он был женат на Эйлин – тетушке Молли. Могу добавить: это образцовый семьянин! Вот почему он так непоколебимо убежден в своей правоте, даже когда занимается самыми постыдными финансовыми махинациями.

– А вы на него работаете?

Уилл кивнул:

– Это был свадебный подарок Джо для Молли – он пристроил меня в одну из своих газет за жалованье, которое в два раза превышало то, что я получал у предыдущего работодателя. По-королевски! Но и то правда – он очень любил Молли.

– Тогда как он реагировал на Бабз?

– О ней он так и не узнал. Даже не подозревал, что Молли попала в аварию не без причины.

– Значит, он продолжает давать вам работу ради памяти вашей покойной жены?

Уилл передернул плечами.

– Меня извиняет то, – сказал он, – что я должен материально поддерживать больную мать.

– И само собой, вам не нравится идея снова стать бедным.

– Само собой.

Они помолчали.

– Давайте вернемся в Африку, – предложила под конец паузы Сузила.

– Меня командировали туда для написания серии статей о негритянском национализме. Не говоря уже о нескольких мелких и щекотливых деловых поручениях Дяди Джо. И когда я сел в самолет из Найроби, чтобы вернуться домой, она занимала соседнее кресло.

– Так вы оказались рядом с той женщиной, у которой было меньше всего шансов вам понравиться?

– Она теоретически не могла мне ни нравиться, ни быть даже симпатичной, – подтвердил он. – Но если вы наркоман, то вам не обойтись без зелья – хотя вы заранее знаете, что оно станет причиной вашей гибели.

– Занятно, но на Пале у нас почти нет наркоманов, – задумчиво сказала она.

– Даже тех, для кого наркотик – секс?

– Для сексуальных наркоманов наркотиком служат люди. Другими словами, это попросту любвеобильные персоны.

– Но даже любовники порой ненавидят людей, которых любят.

– Естественно. Потому что тот факт, что у меня всегда одно и то же имя, те же глаза, тот же рот, не делает меня все время одной и той же женщиной. Признание этого факта и умение разумно реагировать на него – важная часть Искусства Любви.

Как можно более сжато он рассказал ей последнюю часть своей истории. В основе своей это была та же история даже с появлением на сцене Бабз, но только все значительно усугубилось. Бабз оказалась той же Рейчел, но наделенной большей властью, если можно так выразиться, возведенной в квадрат или даже в энную, значительно более высокую степень. Поэтому горе, которое он приносил Молли из-за Бабз, возросло в той же пропорции, оказалось куда как значительнее, чем любые страдания, связанные с Рейчел. И в той же степени увеличилось его собственное озлобление, чувство досады и гнева, которые вызывал шантаж со стороны Молли своей любовью и душевными муками, его раскаяние и жалость, его решимость вопреки раскаянию и жалости получать то, чего ему хотелось, то, за вожделение к чему он сам себя ненавидел, но категорически отказывался отвергнуть. Бабз же между тем становилась все требовательнее, занимала все больше и больше его времени. Причем не только в клубнично-розовом алькове, но и вне его: в ресторанах, в ночных клубах, на вечеринках у ее омерзительных друзей, в поездках на уик-энды за город. «Только ты и я, милый, – говорила она, – одни лишь мы вместе». Эти моменты уединения и изоляции давали ему возможность ненадолго забыть всю глубину ее пустоголовой вульгарности. Но его вожделение оказывалось сильнее любой скуки и банальности отношений, моральной и интеллектуальной чужеродности Бабз. И после очередного жуткого уик-энда он оставался столь же безнадежно привязан к Бабз и зависим от нее, как и прежде. А Молли, со своей стороны, не изменяла роли Сестры Милосердия и, несмотря ни на что, не могла избавиться от безнадежной зависимости от Уилла Фарнаби. Впрочем, безнадежной только для него – потому что его единственным желанием было, чтобы она перестала так сильно любить его и позволила спокойно отправиться в ад. А что касалось Молли, то ее привязанность к нему неизменно подкреплялась оптимистическими ожиданиями и надеждами. Она не переставала жить предчувствием чудесной трансформации, которая бы превратила его в

того доброго, менее эгоистичного и любящего Уилла Фарнаби, каким, по ее упрямому мнению (несмотря на горькую реальность и бесконечные разочарования), он и был в своей истинной ипостаси. И только во время того фатального последнего разговора, только когда (наступив на горло жалости и дав волю злости на моральный шантаж с ее стороны) он объявил о своем намерении уйти от нее и переехать к Бабз, только тогда надежда окончательно уступила место безнадежности. «Ты это серьезно, Уилл? Ты и в самом деле собираешься так поступить?» – «Да, собираюсь». И с этим чувством безнадежности она направилась к своей машине, с этой безнадежностью уехала в пелену дождя – навстречу смерти. На похоронах, когда гроб опускали в могилу, он дал себе слово никогда больше не встречаться с Бабз. Никогда, никогда, никогда больше. Но тем же вечером, когда он сидел дома за письменным столом, стараясь сосредоточиться на статье «В чем проблемы нашей молодежи», пытаясь не вспоминать больницу, разверзшуюся могилу и собственную вину в том, что произошло, его заставил вздрогнуть резкий звук дверного звонка. Кто-то, видимо, прислал телеграмму с запоздалыми соболезнованиями... Он открыл, но на пороге увидел не почтальона, а Бабз, патетически не наложившую на лицо косметики и одетую во все черное.

«Мой бедный, бедный Уилл!»

Они сели на диван в гостиной. Она гладила его по голове. Оба плакали. А через час лежали в постели нагие. Три месяца спустя, что мог предвидеть последний недоумок, Бабз начала уставать от него. Прошло четыре месяца, и она познакомилась на каком-то коктейле с абсолютно восхитительным мужчиной из Кении. Одно потянуло за собой другое, и через три дня Бабз пришла домой, чтобы подготовить альков для нового обитателя и предупредить прежнего, что скоро ему освобождать место. «Ты это серьезно, Бабз? Ты и в самом деле собираешься так поступить?»

Да, она собиралась так поступить...

За окном послышался треск веток кустов, и мгновением позже раздался ужасно громкий, но странно немелодичный крик говорящей птицы:

– Здесь и сейчас, парни.

– Заткнись! – заорал Уилл в ответ.

– Здесь и сейчас, парни, – твердила майна. – Здесь и сейчас, парни. Здесь...

– Заткнись!

Воцарилась тишина.

– Мне пришлось заставить ее замолчать, – объяснил Уилл, – потому что, конечно же, она совершенно права. Здесь, парни; сейчас, парни. А там и тогда не имеют никакого значения. Или все не так? Как, к примеру, воспринимать смерть вашего мужа? Она тоже не имеет значения?

Сузила некоторое время молча смотрела на него, а потом медленно кивнула:

– В контексте того, чем я должна заниматься сейчас, – да, она не имеет никакого значения! Это то, чему мне пришлось научиться.

– Разве можно научиться забывать?

– Здесь дело не в том, чтобы все забыть. Учиться следует тому, как помнить, но не сгибаться под грузом прошлого. Как оставаться там, вместе с мертвыми, но одновременно быть здесь, в этом месте, рядом с живыми. – Она с грустью улыбнулась ему. – Это нелегко.

– Это нелегко, – повторил Уилл, и внезапно все его защитные стены рухнули, вся его гордость улетучилась. – Вы мне можете? – спросил он.

– Договорились, – ответила она и протянула ему руку.

Приблизившиеся шаги заставили их обоих повернуть головы. В комнату вошел доктор Макфэйл.

Глава восьмая

– Добрый вечер, милая. Добрый вечер, мистер Фарнаби.

Его голос звучал бодро. Причем, как мгновенно отметила про себя Сузила, не синтетически, притворно бодро, а вполне естественно. А ведь по пути сюда он наверняка сделал остановку в больнице, должен был увидаться с Лакшми, как это сделала сама Сузила всего час-другой назад, заметить, насколько более изнуренной она выглядит, как все больше похоже на череп ее совершенно бесцветное теперь лицо. Полжизни, долгие полжизни любви, верности, взаимного прощения – и вот через день или два все кончится; он останется один. Но с него уже довольно было зла на сегодняшний день – оно ограничивалось одним местом и было связано с одной личностью. «Человек не имеет права, – сказал ей как-то тесть, когда они вместе покидали больницу, – не имеет права навязывать свои печали другим. Но в то же время не имеет права делать вид, что он не опечален. Нужно просто принять свое горе и отбросить абсурдные попытки проявлять стоицизм. Принять, принять...» Его голос изменил ему тогда. Посмотрев на него, она увидела, что его лицо намокло от слез. Через пять минут они сидели на скамейке на краю пруда с лотосами в тени огромного каменного Будды. Издав легкое бульканье, резкое, но приглушенное водой, невидимая им лягушка нырнула в пруд с покрытого листвой берега. Из глинистой мути дна тянулись толстые зеленые стебли, и набухшие бутоны цветов прорывались на поверхность, к воздуху, чтобы там и здесь синими и розовыми символами познания раскрыть свои лепестки для солнца и для осторожных визитов мушек, крохотных черных жучков и диких пчел из джунглей. Они останавливались в полете, зависали над цветком, стремительно бросались внутрь, и здесь же несколько блестящих голубых и зеленых стрекоз вели свою охоту на мошек.

«Татхата, – прошептал доктор Роберт. – Таковость»⁴⁰.

Они долго сидели молча. Потом он вдруг коснулся ее плеча.

«Взгляни».

Она посмотрела, на что он ей указывал. Два маленьких попугая расположились на правой руке Будды и затеяли свой любовный ритуал...

– Ты опять посидел немного у пруда с лотосами? – спросила она сейчас вслух.

Доктор Роберт чуть заметно улыбнулся ей и кивнул.

– Как там Шивапурам? – поинтересовался Уилл.

– Город приятен сам по себе, – ответил доктор. – Его главный недостаток заключен в близости к внешнему миру. Здесь мы можем себе позволить игнорировать его организованное безумие и заниматься своим делом. А там, со всеми этими антеннами, с постами прослушивания радио и каналами связи, без которых не может обходиться правительство, внешний мир буквально дышит тебе в затылок. Ты его слышишь, ощущаешь, чувствуешь его запах – да, до тебя как будто доносится даже его запах.

И он наморщил нос в гримасе комического отвращения.

– Произошли новые несчастья с тех пор, как я сам был там в последний раз? – спросил Уилл.

– Ничего из ряда вон выходящего в вашем мире. Жаль, не могу сказать того же про наш собственный.

– В чем проблема?

– Проблемы создает наш ближайший сосед полковник Дипа. Начать с того, что он подписал новый контракт с чехами.

– Новое оружие?

⁴⁰ Термин буддийской философии, обозначающий подлинную, высшую реальность.

– Да, на шестьдесят миллионов долларов. Об этом сообщили по радио сегодня утром.

– Для чего ему столько, черт побери?

– Обычные причины. Стремление к славе и к власти. Удовлетворенное тщеславие и радости воинственного тирана. Терроризм и военные парады у себя дома; завоевания во имя Господне за рубежом. Что подводит меня ко второй весьма неприятной новости. Прошлым вечером полковник выступил с очередной из своих знаменитых речей о будущем возрождении Великого Ренданга.

– Великий Ренданг? А что это такое?

– Вот и вы об этом ничего не знаете, – сказал доктор Роберт. – А ведь Великий Ренданг – это территории, находившиеся под контролем султанов из Ренданг-Лобо между 1447 и 1483 годами. Они включали сам Ренданг, остров Никобар, примерно тридцать процентов площади Суматры и всю Палу. В наши дни это стало для полковника Дипы своего рода «ирридентой»⁴¹.

– Серьезно?

– Да, это говорится с совершенно серьезным лицом. Хотя нет, не совсем так. С багровым, искаженным злобой лицом и громовым голосом, который он путем долгих тренировок сделал похожим на голос Гитлера. Великий Ренданг или смерть!

– Но великие державы никогда не допустят этого.

– Возможно, они не позволят ему претендовать на Суматру. Но Пала – совершенно иное дело. – Он покачал головой. – Пала, к великому несчастью, не имеет союзников. Мы не желаем видеть у себя коммунистов, но и капиталистов тоже. А меньше всего мы желали бы массовой индустриализации, что стремятся навязать нам обе стороны, хотя, конечно же, по разным причинам. Запад стремится к этому, поскольку у нас дешевая рабочая сила, и дивиденды инвесторов будут соответственно очень высокими. А Востоку это нужно потому, что индустриализация порождает пролетариат, благодатное поле для коммунистической агитации, которая в обозримом будущем может привести к созданию еще одной страны так называемой народной демократии. Мы отвергаем вас всех, и потому нас никто не любит. Независимо от своей идеологии все великие державы могут предпочесть Палу под контролем Ренданга и с доступными нефтяными месторождениями независимой Пале без доступа к нефти. Если Дипа нападет на нас, они лишь выразят сожаление, но ничего не сделают для нашей защиты. А когда он нас захватит и зазовет сюда нефтяные компании, они будут просто в восторге.

– Что вы можете противопоставить полковнику Дипе?

– Кроме пассивного сопротивления, ничего. У нас нет ни своей армии, ни могущественных друзей. У полковника есть и то и другое. Единственное, что мы сможем сделать, если он начнет агрессию, – это обратиться в Организацию Объединенных Наций. А пока нам следует объявить полковнику Дипе протест в связи с его последними заявлениями о Великом Ренданге. Мы это сделаем через нашего посла в Ренданг-Лобо, а затем и лично передадим великому диктатору, когда он прибудет с государственным визитом на Палу через десять дней.

– С государственным визитом?

– Да, для участия в праздновании дня совершеннолетия молодого Раджи. Приглашение он получил уже давно, но он держал нас в неведении, ждать нам его прибытия или нет. Сегодня вопрос наконец решился. У нас будет встреча на высшем уровне наряду с торжествами по случаю дня рождения. Но давайте поговорим о чем-нибудь более приятном. Как вы сегодня себя чувствуете, мистер Фарнаби?

– Не просто хорошо. Великолепно! И мне оказал честь своим посещением ваш действующий монарх.

– Муруган?

⁴¹ Политическое движение, участники которого борются за воссоединение отторгнутых территорий с исторической родиной.

– Почему вы не сказали мне, что он – царственная особа?

Доктор Роберт рассмеялся.

– Опасался, что вы попросите об интервью.

– Как видите, я не стал этого делать. Как и с королевой-матерью.

– Значит, Рани тоже здесь побывала?

– Да, по приказу своего Внутреннего Голоса. И можете не сомневаться, Внутренний Голос послал ее по нужному адресу. Мой босс, Джо Альдегид, – один из ее лучших друзей.

– Она сказала вам, что старается притащить вашего босса сюда, чтобы добывать нефть?

– Да, она мне сообщила об этом.

– Мы отвергли его последнее предложение меньше месяца тому назад. Вы знали об этом?

Уилл испытал огромное облегчение, когда смог совершенно честно ответить, что не знал. Ни Джо Альдегид, ни Рани не сочли нужным информировать его о своей недавней неудаче.

– Моя работа, – продолжал он уже не столь искренне, – касается газетных дел, а не торговли сырьем.

Наступило молчание.

– Каков здесь мой статус? – спросил он затем. – Нежелательный иностранный элемент?

– К счастью, вы не являетесь торговцем оружием.

– Или религиозным миссионером, – добавила Сузила.

– Как и нефтяником, хотя ваше положение несколько более неопределенное в силу известной ассоциации.

– И насколько нам известно, вы не собираетесь искать на нашем острове залежи урана.

– Все эти люди принадлежат к числу первостепенных нежелательных для нас лиц. Как журналист вы попадаете во вторую категорию. То есть не относитесь к людям, которых мы охотно приглашаем посетить Палу. Но поскольку вы уже оказались здесь, никто не станет требовать вашей незамедлительной депортации.

– Я бы хотел задержаться на максимально разрешенный вашими законами срок, – сказал Уилл.

– Могу я поинтересоваться – почему?

Уилл колебался с ответом. Как агенту Джо Альдегида и репортеру с безнадежным желанием написать что-то стоящее, ему необходимо было остаться на острове достаточно долго, чтобы завершить переговоры с Баху и заработать себе год свободы. Но существовали и другие, более благопристойные причины.

– Если вы простите мне замечания личного характера, то я вам все объясню, – сказал он.

– Выкладывайте смело.

– Дело в том, что чем больше я узнаю вас, тем больше вы мне нравитесь. Мне бы хотелось больше узнать о вас. А одновременно, – добавил он, бросив взгляд на Сузилу, – я, быть может, смогу узнать нечто интересное о себе самом. Как долго мне разрешат здесь оставаться?

– По обычным правилам, мы отослали бы вас отсюда, как только ваше состояние здоровья позволило бы вам отправиться в путь. Но если Пала интересуется вами всерьез и, что еще важнее, вас серьезно интересуют вы сами... Что ж, в таком случае мы можем слегка отклониться от правил. Или нам не стоит этого делать? Как считаешь, Сузила? Ведь как ни верти, а он работает на лорда Альдегида.

Уилл уже готов был снова заявить, что его работа – чисто газетная, но слова будто застряли у него в глотке, и он промолчал. Секунды шли. Доктор Роберт повторил свой вопрос.

– Согласна, – ответила через новую паузу Сузила, – определенный риск существует. Но что касается меня лично... Лично я, наверное, пошла бы на него. Я не совершаю ошибки? – обратилась она к Уиллу.

– Думаю, что вы можете доверять мне. По крайней мере хочется надеяться на ваше доверие.

Он рассмеялся, стараясь обратить все в шутку, но, к своему удивлению и с чувством неловкости, понял, что краснеет. «Чего мне стыдиться?» – мысленно обратился он к своей совести. Если здесь кого-то и обманывали, то только компанию «Стэндард» из Калифорнии. А когда сюда придет Дипа, кого будет волновать, кто и как получил концессию? Кем бы ты предпочел быть съеденным – волком или тигром? Что касается овцы, то ей это безразлично. Джо будет нисколько не хуже, чем его конкуренты. Но все равно он теперь уже жалел, что поторопился отправить то письмо. И почему, почему не могла та жуткая женщина оставить его в покое?

Сквозь простынку он почувствовал, как рука легла на его здоровое колено. Доктор Роберт улыбался, глядя на него сверху вниз.

– Можете остаться здесь на месяц, – сказал он. – Всю ответственность за вас я возьму лично на себя. И мы постараемся сделать все, чтобы показать вам как можно больше.

– Я вам очень благодарен за это.

– Когда сомневаешься, – продолжал доктор, – всегда исходи из предположения, что люди гораздо благороднее, чем ты можешь даже представить на основе известных тебе фактов. Такой совет дал мне Старый Раджа, когда я был совсем неоперившимся молодым человеком. – Он повернулся к Сузиле. – Напомни мне, сколько лет тебе было, когда Старый Раджа умер?

– Всего восемь.

– Все равно ты должна хорошо его помнить.

Сузила рассмеялась.

– Разве можно забыть то, как он говорил о себе самом. «Цитирую: «Я» (конец цитаты) люблю чай с сахаром». Милейший старик.

– Но подлинно великий человек!

Доктор Макфэйл поднялся и подошел к книжному шкафу, стоявшему между входной дверью и гардеробом. С нижней полки он извлек толстый красный альбом, уже сильно пострадавший от тропического климата и насекомых.

– Где-то здесь есть его фотография, – сказал он, переворачивая страницы. – А! Вот и она!

И Уилл обнаружил, что разглядывает выцветший снимок, изображавший маленького индуса в очках и набедренной повязке, выливавшего нечто из красиво расписанного соусника на небольшой, но широкий столбик.

– Что он такое делает?

– В очередной раз обливает фаллический символ растопленным маслом, – ответил доктор. – Мой бедный отец так и не сумел отучить его от этой привычки.

– Ваш отец что-то имел против фаллосов?

– Ни в коем случае, – ответил доктор Макфэйл. – Он относился к ним исключительно положительно. Он не одобрял их только в качестве символов.

– Чем ему не угодили символы?

– Они ему были не по душе, потому что он считал, что люди должны брать свою религию из прямых источников, как молоко от коровы, если вам так понятнее. Свежее молоко, а не со снятыми сливками, не пастеризованное и не обезжиренное. И уж ни в коем случае не из консервной банки – то есть теологического или литургического контейнера.

– А Раджа как раз питал слабость к таким контейнерам?

– Не ко всем подряд. Именно к этой их единственной форме. Он неизменно относился с трепетом к семейному фаллосу как к эмблеме Шивы. Он был вырезан из черного базальта более восьмисот лет назад.

– Понятно, – сказал Уилл Фарнаби.

– Покрывать маслом семейный фаллический символ стало для него сакральным актом, выражением красоты чувств через сублимацию идеи. Но ведь даже тончайшая из идейных сублимаций отстоит очень далеко от космической тайны, которую с ее помощью пытаются

выразить. А красота чувств, связанная с сублимацией идеи, – разве можно выразить мистирию путем прямого действия? Никогда и ни за что. Надо ли говорить, что Старый Раджа все это прекрасно понимал? Даже лучше моего отца. Он пил молоко прямо из коровьего вымени; он и сам был молоком. Но обливание фаллоса маслом оставалось для него актом веры, отказаться от которого он не находил в себе сил. И не стоило его даже уговаривать. Но вот мой отец в том, что касалось символов, придерживался чисто пуританских взглядов. Он даже изменил строчку из Гёте – *Alles vergängliche ist NIGHT ein Gleichnis*⁴². Его идеалами были чисто экспериментальная наука с одной стороны спектра и чисто экспериментальный мистицизм с другой. Точный эксперимент на каждом уровне, а затем ясное, рациональное объяснение существа полученных результатов. Фаллосы и кресты, масло и святая вода, сутры, евангелия, образы, псалмы – ему бы очень хотелось полностью упразднить это все.

– А где же здесь место для произведений искусства? – спросил Уилл.

– Для них места не находилось вообще, – ответил доктор Макфэйл. – Но чего мой отец не понимал категорически, так это поэзии. Говорил, что любит ее, но не любил. Поэзия существовала сама по себе, поэзия представляла собой автономную вселенную, где-то там, в пространстве между реальным опытом и символами науки. И этого он никак не мог усвоить. Давайте найдем его фотографию.

Доктор Макфэйл перевернул еще несколько страниц альбома и указал на резко очерченный профиль с огромными кустами бровей.

– Какой типичный шотландец! – вырвалось у Уилла.

– А ведь его мать и бабка были паланками.

– В его лице их черты не проступают совершенно.

– Между тем как его дед, родившийся в Перте, мог сойти за типичного раджпута⁴³.

Уилл взглянул в старый снимок молодого человека с овальным лицом и черными бакенбардами, опиравшегося локтями на мраморный пьедестал, поверх которого лежал невероятно высокий цилиндр.

– Это ваш прапрадед?

– Да, первый Макфэйл на Пале. Доктор Эндрю. Родившийся в 1822 году в Ройял Боро, где его отец Джеймс Макфэйл владел веревочной сучильней. Что как раз было очень символично, потому что Джеймс принадлежал к числу ярых кальвинистов и, будучи уверенным, что сам относится к числу избранных, получал неизъяснимое удовлетворение при мысли о миллионах людей, шедших по жизни с невидимыми веревочными петлями предопределенности на шеях, пока Старый Небожитель отсчитывал для каждого минуты, прежде чем затянуть петлю.

Уилл рассмеялся.

– Да, – согласился доктор Роберт, – сейчас это звучит довольно-таки комично. Но тогда никто не смеялся. В те времена это было серьезно – серьезнее, чем современная водородная бомба. Тогда все знали наверняка, что девяносто девять целых и девять десятых человечества заведомо приговорены к вечным адским мукам. Почему? Может быть, потому, что вообще никогда не слышали об Иисусе, а если слышали, то верили недостаточно сильно, чтобы Иисус избавил их от ада. А недостаток веры доказывался чисто эмпирическим путем через наблюдение, что души людей не находили себе покоя. Истинная вера определялась как нечто, дающее абсолютный душевный покой. Но ведь абсолютным душевным покоем не обладает практически никто. Следовательно, практически никто не верил в Бога положенным образом. Из чего вытекало, что практически каждому уготовано вечное наказание. *Quod erat demonstrandum*⁴⁴.

⁴² У Гёте: «Все преходящее есть лишь символ»; отец доктора Роберта переписал ее: «Все преходящее НЕ есть символ» (нем.).

⁴³ Представитель древней касты индийских воинов.

⁴⁴ Что и требовалось доказать (лат.).

– Остается только удивляться, – заметила Сузила, – как они все не сходили с ума.

– К счастью, большинство из них верили только макушками своих голов. Вот этим местом. – Он похлопал себе по плечи. – Только малой частью мозга они допускали, что в их религии заключена Истина с самой большой буквы «И». Вот только их железы и кишки чувствовали лучше – знали, что все это чистейшая чепуха. Для основной их массы Истина была истиной только по воскресеньям, да и то лишь в том смысле, какой вкладывал в нее мистер Пиквик. Джеймс Макфэйл отлично осознавал это и преисполнился решимости сделать так, чтобы его дети не стали верующими только по праздникам. Они должны были верить в каждое слово священной чуши даже по понедельникам, даже на каникулах. И верить всем своим существом, а не только оставлять для веры угол на чердаке. Истинную веру и полное душевное равновесие нужно было навязать им силой, если требовалось. Как? Устраивая им ад на земле и обещая еще более жестокие муки в будущем. А если в своей дьявольской извращенности они отвергали истинную веру и мир в душе, им следовало всыпать посильнее сейчас и посулить еще более горячее адское пламя в загробном мире. При этом внушая им, что добрые дела ничего не стоят в глазах Господа, но зато жестоко наказывая за малейшую провинность. Вдалбливая им мысль об изначальной порочности их натуры, а потом подвергая битью за то, кем они являлись помимо своей воли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.